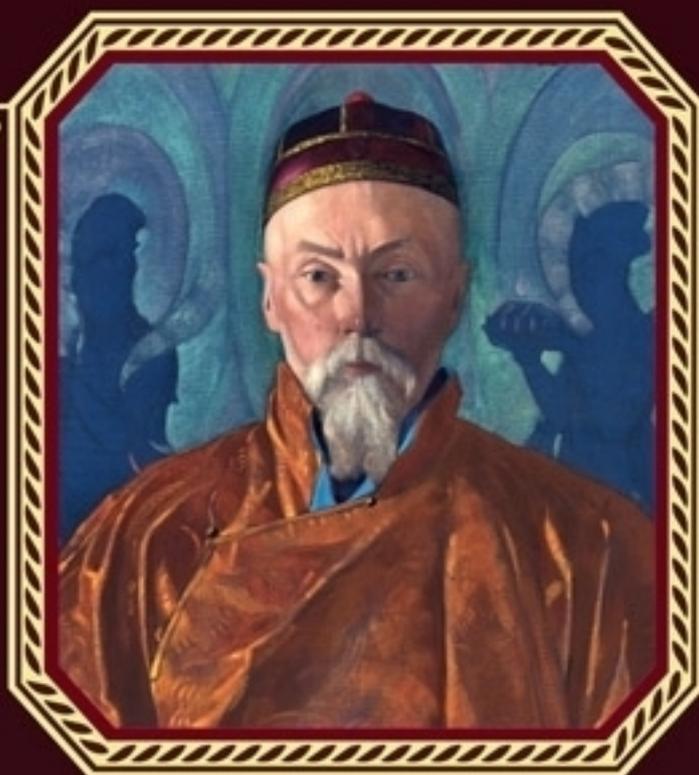

Золотая Библиотека Мудрости

НИКОЛАЙ РЕРИХ

ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА

философские очерки и эссе

Николай Рерих

**Духовные сокровища.
Философские очерки и эссе**

«ЭКСМО»

2015

Рерих Н. К.

Духовные сокровища. Философские очерки и эссе /
Н. К. Рерих — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78279-6

Николай Рерих известен всему миру не только как великий художник, но и как выдающийся философ и ученый. В этом сборнике представлены наиболее интересные очерки и эссе Рериха, посвященные актуальным проблемам философии, истории, культурологии, истории искусства, философии науки, а также философской психологии. Смелость, оригинальность и широта философских взглядов Рериха поражают воображение. Рерих одним из первых высказал идею о том, что Древняя Русь обладала великой и самобытной древней культурой, до сих пор неизвестной официальной исторической науке; что древние эпохи истории человечества хранят в себе недоступные современной цивилизации тайны. Николай Рерих откроет вам суть многих загадочных явлений природы и неизученных способностей человеческой психики.

ISBN 978-5-699-78279-6

© Рерих Н. К., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Предисловие	7
Рерих как философ и публицист	7
Рерих как историк культуры	8
Между Западом и Востоком	11
Философия	13
Философия науки	15
Философская лирика	18
1. По старине (История культуры)	19
Радость искусству	19
I	19
II	27
Подземная Русь	35
Иконы	40
Великий Новгород	41
На кургане	46
I	46
II	48
III	49
IV	51
V	53
VI	54
VII	55
По пути из варяг в греки	57
Древнейшие финские храмы	64
Весна священная	70
Матери городов	73
По старине	76
I	76
II	77
III	78
IV	81
2. Духовные сокровища (Философия культуры)	84
Держава Света	84
Огонь претворяющий	91
Звучание народов	94
I. Звучание народов	94
II. Душа народов	96
III. Печать века	99
IV. «Mutatis mutandis»	101
ПРЕКРАСНОЕ	104
I. Познавание прекрасного	104
II. Художники жизни	107
III. Музыка сфер	108
Пути благословения	110
I	110
II	112

III	114
IV	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Николай Рерих
Духовные сокровища:
философские очерки и эссе

© Государственный музей Востока (С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха), 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Предисловие

Рерих как философ и публицист

9 октября 2014 года исполнилось 140 лет со дня рождения одного из величайших художников мира – Николая Константиновича Рериха. Живописец, писатель, мыслитель, путешественник, общественный деятель, Н.К. Рерих был поистине удивительной личностью. Масштабы его просветительской и творческой деятельности, разнообразие его интересов и сила его творческого потенциала поражают воображение – и это при том, что нами осмыслены и оценены далеко не все грани его творчества. Пример подобной творческой многогранности явил миру таинственный гений Возрождения Леонардо да Винчи: современники считали его гениальным художником, не будучи в состоянии понять другие стороны его уникального дарования. И лишь спустя века стало ясно, что Леонардо был гением не только живописи, но и науки.

Подобно загадочному флорентийцу, Николай Рерих был не только великим художником. В этом человеке проявилось огромное множество самых разнообразных талантов, а его творческое наследие включает в себя не только тысячи великолепных живописных полотен, но и множество оригинальных литературно-философских работ, полных блестящих идей, опередивших свое время.

Литературное наследие Рериха по своему масштабу может быть уподоблено наследию профессионального писателя или публициста. Ни один художник мира не оставил после себя такого множества литературных работ. Рерих писал очерки и эссе, рассказы и повести, философские притчи и сказки, научные работы и белые стихи. Тематика его литературных работ столь же разнообразна, как и литературные жанры, которые им использовались. Из всего обилия тем, затронутых в литературном наследии Рериха, хочется особенно выделить историю и философию истории, культурологию, историю искусства, эстетику, этику, восточную философию и философию науки. В данный сборник литературных работ художника вошли произведения, посвященные именно этой тематике.

Для всех, кто когда-либо соприкасался с изучением литературного наследия Рериха, очевидно: Рерих еще не оценен нами как историк и философ. У него были свои, оригинальные, смелые взгляды на многие проблемы истории, культурологии, истории искусства, индийской философии.

Рерих как историк культуры

Начнем с исторической тематики. Как известно, Н.К. Рерих получил образование не только художника, но и юриста, а кроме того, серьезно, на университетском уровне, изучал историю и археологию. Сам художник в юности мечтал о том, чтобы учиться одновременно в Академии художеств и на историческом факультете Санкт-Петербургского университета. Однако жизненные обстоятельства (воля отца) заставили его поступить не на исторический, а на юридический факультет – между тем отец Николая Рериха был против того, чтобы он стал художником, и считал, что сыну необходима более практичная специальность юриста. Как писал сам художник, «семейный гордиев узел был разрешен тем, что вместо исторического факультета я поступлю на юридический, но зато буду держать экзамен и в Академию Художеств. В конце концов, получилось, что на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции. <...> Исторический, а не юридический факультет считал меня своим»¹.

Древность и, в частности, каменный век особенно привлекали Рериха – он считал, что многие загадки истории и тайны эволюции человечества могут быть раскрыты при изучении именно древнейших эпох человеческой цивилизации.

Рерих неустанно подчеркивал, что подлинная жизнь людей каменного века науке неизвестна. Представление о людях древнейших эпох как о современных дикарях, представителях выродившихся племен, художник считал в корне неверным: «Понимать каменный век как дикую некультурность будет ошибкою неосведомленности. В дошедших до нас страницах времени камня нет звериной примитивности. В них чувствуем особую, слишком далекую от нас культуру. Настолько далекую, что с трудом удается мыслить о ней иным путем, кроме уже избитой дороги – сравнения с дикарями.

Современные вымирающие дикари-инородцы с их кремниевыми копьями так же похожи на человека каменного века, как идиот похож на мудреца, – это только дегенераты. Несколько расовых черт – единственная связь между ними. Человек каменного века родил начала всех блестящих культур, он мог сделать это, в то время как дикарь наших дней утратил всякую власть над природой, а вместе с ней и чувство прекрасного»².

Рерих-историк был убежден, что наука по-настоящему еще не приблизилась к раскрытию тайн древнейших эпох человеческой истории, что даже классификация основных периодов древней истории весьма условна и приблизительна. Как писал художник, «между временем палеолита и неолита часто ощущается что-то неведомое. Влияли ли космические условия, сменялись ли неведомые племена, завершала ли свой круг известная многовековая культура, но в жизни народа выступили новые основания. Очарование одиночества кончилось, люди познали прелесть общности. Интересы творчества делаются разнообразнее; богатства духовной крепости, накопленные одиночками предшественниками, ведут к новым достижениям»³.

Как историк, археолог и историк культуры, художник имел свои взгляды на историю русской культуры, не совпадавшие с официально принятыми в ту эпоху представлениями. Рерих отнюдь не был согласен с широко распространенной в то время точкой зрения о том, что все культурные достижения пришли в Россию с Запада, а древние эпохи национальной культуры не были отмечены никакими особыми достижениями. Позднее он писал: «В древней, в самой

---

¹ Рерих Н.К. Радость искусству // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 111.

² Рерих Н.К. Радость искусству // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 114.

³ Рерих Н.К. Радость искусству // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 114.

древней Руси много знаков Культуры; наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как ее хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения – научно»⁴.

«Думая о старине, мы должны помнить, что настоящее понимание допетровской Руси испорчено. Чтобы вынести оттуда не петушиный стиль, чтобы не вспомнить только о дуге и рукавицах, надо брать одни первоисточники. Все перетолкования прошлого века должны быть забыты»⁵.

Рерих как ученый – историк и археолог – был твердо убежден, что на территориях русских земель уже во времена каменного века жили не дикие примитивные племена, а народы, обладавшие развитой культурой. К этому убеждению художник пришел прежде всего благодаря своим археологическим исследованиям. Николай Константинович подчеркивал, что на территории России уже в эпоху неолита была развитая культура, ничем не уступавшая культурам древнейших цивилизаций мира: «Неолит же русский изобилует и богатством своим, и разнообразием предметов искусства. В русском неолите находим все лучшие типы орудий.

Балтийские янтари, находимые у нас с кремниевыми вещами, не моложе 2000 лет до Р.Х. Площадки богатого таинственного культа в Киевской губернии, где находятся и полированные орудия, по женским статуэткам обращают нас к Астарте Малоазийской XVI и XVII века до Р.Х.

При Марафоне некоторые отряды еще стреляли кремниевыми стрелами! Так переплелись культуры.

Русский неолит дал груды орудий и обломков гончарства на берегах рек и озер. С трепетом перебирая звонко звенящие осколки и складывая разбитые узоры сосудов, изумляешься силе воображения, заключенной в них. Особо заметим осколки гончарства. Тот же орнамент богато украшал и одежду, и тело, и разные части деревянных построек, все то, что время истребило»⁶.

Рерих категорически не был согласен с утверждением, что до прихода Петра Первого российская земля была лишена культуры и цивилизации. В своих лекциях и статьях художник утверждал, что в Древней Руси была великая и самобытная культура, не уступавшая европейской. В качестве доказательств этому Рерих приводил развитое искусство и высокую культуру Киевской Руси и Древнего Новгорода, о ранних эпохах существования которых науке мало что известно.

В 1908 году в статье «Радость искусству» Рерих писал: «Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создан будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева?

<...> Не будем презирать и предания. В Киеве будто бы был и апостол – проповедник. Зачем попал в далекие леса проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты Малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI–XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточия культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев еще покоится в земле в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы также и для наших дней. То, что начато сейчас раскопками Хвойко, надо продолжить государству в самых широких размерах. Останавливаемся на исследовании Киева только потому, что в нем почти единственный путь углубить прошлое страны»⁷.

---

⁴ Рерих Н.К. Университет // Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2. С. 163.

⁵ Рерих Н.К. Радость искусству // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 101.

⁶ Рерих Н.К. Радость искусству // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 115.

⁷ Рерих Н.К. Радость искусству // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 106–107

Не однажды художник подчеркивает и тот факт, что современной исторической науке мало что известно о древнейших эпохах существования Руси: «После скандинавского века всякая достоверность исчезает. Приблизительность доходит до нескольких столетий. Мы только можем знать, что для жизни требовались красивые вещи, но какая была жизнь, какие именно требовались предметы искусства, как верили в это искусство бывшие жители – мы не знаем»⁸.

Рерих имел свою позицию и в оценке многих традиций древнерусского искусства. Он был одним из самых первых деятелей культуры – если не самым первым, – кто понял истинное значение русской иконописи и указал на это всему обществу, не боясь насмешек и скепсиса. Сейчас трудно себе даже представить, что в эпоху Рериха русские иконы еще считались примитивами, не имеющими особой художественной ценности и представляющими собой лишь предмет культа, а не искусства как такового – но тем не менее это было так. «Только недавно осмелились взглянуть на иконы, не нарушая их значения, со стороны чистейшей красоты; только недавно рассмотрели в иконах и стенописях не грубые, неумелые изображения, а великое декоративное чутье, овладевшее даже огромными плоскостями. Может быть, даже бессознательно авторы фресок пришли к чудесной декорации. Близость этих композиций к настоящей декоративности мы мало еще умеем различать, хотя и любим исследовать черты, и детали, и завитки орнамента старинной работы»⁹, – писал Николай Константинович.

---

⁸ Рерих Н.К. Радость искусству // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 109.

⁹ Рерих Н.К. Радость искусству // Там же.

Между Западом и Востоком

Еще одна важная идея Рериха как историка и культуролога состояла в том, что древнерусское искусство по своей природе было синтетическим, впитавшим в себя лучшие традиции, с одной стороны, Востока, а с другой – Запада, чему способствовало, конечно, само географическое положение Руси, ее уникальное расположение между Европой и Азией. Отсюда происходило и особое отношение Рериха к национальному вопросу, с одной стороны, глубоко патриотичное, с другой, чуждое всякого шовинизма. Художник писал: «Мимо нас проходят пестрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их! Из их даров складывается синтез действительно неонационализма искусства. К нему теперь обратится многое молодое. В этих проникновениях – залог здорового сильного потомства. Если вместо притупленного национального течения суждено сложиться обаятельному «неонационализму», то краеугольным его сокровищем будет великая древность, – вернее: правда и красота великой древности»¹⁰.

Признавая самобытность основ древнерусской культуры, Рерих говорил также о несомненных влияниях на нее соседних культур. Рериха особенно интересовало влияние, оказанное на Русь северной, скандинавской культурой и Востоком, Азией.

Художник не раз подчеркивал положительное воздействие скандинавской культуры на северные земли Древней Руси, но по поводу возникновения русской государственности у него были свои взгляды, альтернативные норманнской теории. Рерих был уверен, что не с прихода варягов началось формирование государственного строя Руси. Продолжая свою мысль о неизвестных науке древнейших эпохах истории России, Николай Рерих писал: «Несомненно, радость Киевского искусства создалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? До известия о нем мы имеем слова летописи, что славяне «изгнаша Варяги за море и не даша им дани»; вот упоминание об изгнании, а когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределимое время.

Как поразительный пример неопределенности суждений об этих временах, нужно привести обычную трактовку учебников: «прибыл Рюрик с братьями Синеусом и Трувором», что по толкованию северян значит: «конунг Рурик со своим Домом (син хуус) и верною стражею (тру вер)».

Крепость скандинавской культуры в северной Руси утверждает также и последнее толкование финляндцев о загадочной фразе летописи: «земля наша велика...», и т. д., и о посольстве славян. По остроумному предположению, не уличая летописца во лжи, пресловутые признания можно вложить в уста колонистов-скандинавов, обитавших по Волхову. Предположение становится весьма почтенным, и текст признаний перестает изумлять.

Бывшая приблизительность суждений, конечно, не может огорчать или пугать искателей; в ней – залог скрытых сейчас блестящих горизонтов!»¹¹

Рериха-историка и археолога (равно как и историка культуры) всегда интересовало влияние восточной, азиатской культуры на развитие Древней Руси и формирование ее самобытной культуры. Об интересе Н.К. Рериха к Востоку его старший сын – Юрий Николаевич Рерих, непревзойденный востоковед-энциклопедист, писал: «Азия, Восток всегда привлекали внимание Николая Константиновича Рериха. Его интересовали общие корни славянства и индоиранцев, восточные истоки Древней Руси, красочный кочевой мир наших степей. И в художественном творчестве, и в научных исканиях художника Север, Русь с Великим Новгородом

---

¹⁰ Рерих Н.К. Радость искусству // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 108.

¹¹ Рерих Н.К. Радость искусству // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 107.

(ведь именно Рерих был зачинателем раскопок Новгородского кремля) неизменно сочетались с Востоком, с кочевым миром Внутренней Азии, с миром древнеиндийской культуры и мысли.

Этим двум основным устремлениям художественного творчества и своего научного интереса Николай Константинович оставался верен всю свою творческую жизнь. Эти основные интересы его творчества навсегда остались как бы путеводными огнями на его пути художника и ученого. <...>

В доме отца Николая Константиновича частыми посетителями были профессора-монголоведы А.М. Позднеев и К.Ф. Голстунский»¹².

Николай Рерих уже в молодости был убежден в родственности духовных и культурных традиций Древней Руси и Востока, Индии. Возможно, именно поэтому тайны переселения народов и происхождения праславян, далеких предков русичей, особенно интересовали Рериха как историка. Его единомышленником в данном вопросе был выдающийся ученый Виктор Викторович Голубев¹³, востоковед, историк искусства и археолог, с которым Рерих встречался в Париже; при этом, по свидетельству Ю.Н. Рериха, оба исследователя строили планы в отношении будущих археологических экспедиций в Индию¹⁴.

Во время трансгималайской экспедиции 1925–1928 годов Николай Рерих и его старший сын, востоковед Юрий Рерих кропотливо искали и изучали следы переселения народов, анализировали все, что сближало искусство, обычаи и антропологические признаки индо-тибетских народов с народами западноевропейской и славянской культур. Проведенная в те времена уникальная полевая научно-исследовательская работа уже на конкретных примерах убедила Рериха, что гипотеза об индоарийском историческом прошлом славян, да и всех других народов Европы, верна. Не случайно художник позднее писал: «Индия – не чужбина, а родная сестра Руси».

Остается лишь удивляться тому, насколько прозорливым и дальновидным оказался Рерих как ученый-историк.

---

¹² Рерих Ю.Н. Листы воспоминаний // Рерих: жизнь, творчество, миссия. С. 23–24.

¹³ Голубев В.В. (1878–1945) – русский ученый-востоковед, археолог, историк искусства. – Прим. авт.

¹⁴ Рерих Ю.Н. Листки воспоминаний // Рерих: жизнь, творчество, миссия. С. 24.

Философия

Не менее интересные, а подчас и новаторские идеи Рерих высказывал и в других областях философского знания – в этике, эстетике, истории философии.

Как известно, Елена и Николай Рерихи получили от своего духовного Учителя, Махатмы Мориа, новое философское учение – Агни-Йогу, или Живую Этику. Это учение Рерихи вскоре распространили в странах Запада. Основную роль в принятии от Учителя Мориа текстов Агни-Йоги и составлении на их основе книг данного учения играла жена художника, Елена Ивановна Рерих. Она же в своих письмах последователям оставила первые, аутентичные комментарии и пояснения к наиболее сложным вопросам нового учения. В литературных работах Н.К. Рериха также содержалось немало интересных сведений относительно нового философского учения. В работах «Сердце Азии», «Струны земли» и других, вошедших в данный сборник и имеющих отношение к духовной культуре Востока, художник затронул многие философские идеи, содержащиеся в Агни-Йоге.

Одной из самых интересных тем в творчестве художника стала легендарная обитель гималайского Братства Адептов – Шамбала. На полотнах Рериха ожили многие мифы и предания Востока о жизни и деятельности духовных наставников таинственной обители. Почему сам художник и его супруга так интересовались всем, что было связано с этим понятием? Отношение Рериха к этому великому понятию Востока, без сомнения, лежит в его философских взглядах. Вся семья Рерихов была уверена, что Шамбала – это не просто красивый миф о чудесной стране праведников, где нет ни зла, ни несовершенств, ни обиженных, ни несправедливых, где все счастливы и заняты любимым делом. В основе понятия Шамбалы лежит общая для всех культурных традиций мира философская идея совершенного человека и идеального общества.

Миф о существовании идеального общества так или иначе отразился в культурах большинства народов мира. В Индии и Тибете с древнейших времен существовало понятие Шамбалы, Шангри-ла, Калапы; русские легенды повествовали о граде Китеже, а алтайские староверы называли страну праведников Беловодьем. Выдающиеся умы Запада выразили эту идею в образах города Солнца, острова Утопия, Касталии из «Игры в бисер» Г. Гессе и других понятиях-символах. Не будет преувеличением сказать, что понятие Шамбалы – это фактически прообраз, как бы модель самого человечества в далеком будущем, когда оно станет, говоря языком христианства, богочеловечеством, идеальным обществом.

Особенность отношения Рерихов к легендам о Шамбале состояла в том, что и сам художник, и все члены его семьи были уверены в том, что за этим понятием стоит не только философский миф, но и реальное историческое явление, и что духовные Учителя Шамбалы на протяжении всей земной истории оказывают всему человечеству огромную, хотя и неафишируемую, помощь в его эволюционном развитии. «Место трех тайн», «Долина посвящения Будды» – все эти указания ведут сознание людей туда же, за белые высоты Гималаев. Шамбала есть священное место, где земной мир соприкасается с высшим состоянием сознания. На Востоке они знают, что существуют две Шамбалы: одна земная и другая невидимая»¹⁵, – писал художник.

В своих литературных работах Н.К. Рерих подчеркивал то значение, которое придается понятию Шамбалы на Востоке, и объяснял причины почитания, которым была окружена и легендарная обитель, и Гималаи, скрывающие ее от мира: «Все взоры обращены туда, где превыше облаков вздымаются величественные белые вершины. Возносятся, как особая заоблачная страна. Все чаяния обращены к Гималаям.

Канг-чен-цзон-нга – пять сокровищ великих снегов. Отчего так зовется эта величественная гора? Она хранит пять сокровищ мира. Какие это сокровища? – золото, алмазы, рубины?

---

¹⁵ Рерих Н.К. Сердце Азии // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 364.

Нет, старый Восток ценит иные сокровища. Сказано: «Придет время, когда голод охватит весь мир. Тогда появится некто, кто откроет великие сокровищницы и напитают все человечество».

Конечно, вы понимаете, что некто напитают человечество не физической, но духовной пищей.

«Восходя на Гималаи, вы приветствованы именем Шамбалы. При спуске в долины то же самое великое понятие благословляет вас. Шамбала напитают человечество духовной пищей познания великих энергий»¹⁶.

Учение Агни-Йоги, полученное Рерихами от их духовного Учителя, как раз и было посвящено вопросам самосовершенствования человека путем «познания великих энергий», и прежде всего, скрытой в самом человеке психической энергии. Как уже говорилось, многие положения этого учения можно найти в литературных работах Н.К. Рериха.

---

¹⁶ Рерих Н.К. Сердце Азии // Рерих Н.К. Врата в будущее. С. 361–362.

Философия науки

Многочисленные эссе и очерки Н.К. Рериха, посвященные вопросам философии науки, несколько не утратили своей актуальности в наше время. В этих работах в общедоступной, увлекательной (почти художественной!) форме Рерих затронул серьезнейшую научно-философскую проблему – проблему объективности картины мира, созданной современной наукой, и тесно связанную с ней проблему парадигмы науки.

Еще во времена Блаватской (во времена Рерихов – тем более) было очевидно, что узкоматериалистическая парадигма науки не может объяснить природу многих феноменальных явлений духовного порядка. Такие явления, как ясновидение, телекинез, материализация и тому подобное, узкоматериалистической парадигмой науки не признаются за реальность. Между тем на сегодняшний день существует огромное количество фактов (засвидетельствованных в том числе и в ходе научных наблюдений и экспериментов), говорящих о том, что подобные феномены реально существуют, а не являются плодом чьих-то выдумок. Н.К. Рерих отмечал: «Появились люди, притом самые обыкновенные, которые без приемника улавливают радиоволны или могут видеть через плотные предметы, подтверждая этим, что орган зрения может действовать и за пределами физических условий.

В Латвии под надзором врачей и ученых находилась маленькая девочка, читающая мысли. Врачебный надзор исключает какое бы то ни было шарлатанство или своекорыстие. В конце концов, такой феномен уже перестает быть таковым, если и студенты Университета Сев. Каролины совершенно естественно достигают путем упражнений очень значительных результатов»¹⁷.

Иные современники Рериха, наслышанные об интересе художника к неизученным явлениям и в природе, и в человеческой психике, поторопились объявить Рериха мистиком. Сам Рерих, однако, был категорически не согласен с этим. «В разных странах пишут о моем мистицизме. Толкуют вкривь и вкось, а я вообще толком не знаю, о чем эти люди так стараются. Много раз мне приходилось говорить, что я вообще опасаясь этого неопределенного слова – мистицизм. Уж очень оно мне напоминает английское «мист» – то есть туман. Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света. Если мистицизм в людском понимании означает искание истины и постоянное познание, то я бы ничего не имел против такого определения. Но мне сдается, что люди в этом случае понимают вовсе не реальное познание, а что-то другое, чего они и сами сказать не умеют. А всякая неопределенность – вредоносна»¹⁸, – писал художник в очерке «Мистицизм». Сам художник никогда не считал себя мистиком – вопреки мнению досужих обывателей – и в своих очерках подчеркивал, что загадочные явления, относимые невеждами в область мистики, существуют на самом деле как научные феномены, неизученные пока наукой. Рерих также особенно обращал внимание на тот факт, что подобные явления давно уже стали предметом научных исследований, проводимых передовыми учеными его эпохи. «Мы глубоко интересуемся передачей мысли на расстояние и всем, сопряженным с энергией мысли. Об этом уже давно были беседы с покойным Бехтеревым, с Раином, с Метальниковым. Область мозга и сердца, так выдвинутая сейчас учеными мира, не может быть названа дымчатым словом «мистицизм», но есть самое реальное научное познание. Для невежд, вероятно, любое научное открытие есть мистицизм и сверхъестественность. Но тогда и Каррель, Крукс, Оливер Лодж, Пипин и все реальные ученые будут тоже мистиками», – писал Николай Константинович.

---

¹⁷ Рерих Н.К. Парапсихология. С. 279 данного сборника.

¹⁸ Рерих Н.К. Мистицизм. С. 284.

Рерих особо отмечал тот факт, что невежды и ретрограды пытаются объявить явления, не укладывающиеся в рамки старой, узкоматериалистической парадигмы науки, шарлатанством либо неадекватностью людей, подтверждающих реальное существование данного рода феноменов. В частности, в очерке «Парапсихология» Н.К. Рерих писал: «Во времена темного Средневековья, наверное, всякие исследования в области парапсихологии кончились бы инквизицией, пытками и костром. Современные нам «инквизиторы» не прочь и сейчас обвинить ученых исследователей или в колдовстве, или в сумасшествии. Мы помним, как наш покойный друг профессор Бехтерев за свои исследования в области изучения мысли не только подвергался служебным гонениям, но и в закоулках общественного мнения не раз раздавались шептания о нервной болезни самого исследователя. Также мы знаем, что за исследования в области мысли серьезные ученые получали всякие служебные неприятности, а иногда даже лишались университетской кафедры. Так было и в Европе и в Америке. Но эволюция протекает поверх всяких человеческих затворов и наветов. Эволюция противоборствует темному невежеству, и сама жизнь блестяще выдвигает то, что еще недавно вызывало бы глумление невежд. <...> Конечно, не забудем, что человек, уловивший радиоволны без аппарата, и теперь еще угодит в сумасшедший дом, ибо некоторого сорта врачи не могли допустить эту способность. Вообще, многие человеческие способности удивят косных ретроградов, и им придется пережить немало постыдных часов, когда все, что они отрицали, займет свое место в области точных наук.

Еще и теперь передача мыслей на расстоянии некоторыми обскурантами считается чуть ли не колдовством. Мы можем привести примеры, когда эта уже установленная десятками профессоров область вызывает грубые насмешки и восклицания о получении вестей из голубого неба. <...> Плачевно подумать о том, что люди не задумываются над многими очевидными явлениями и о космических основах или законах, лежащих за ними. <...> Столько говорилось и писалось о тончайших энергиях, постепенно улавливаемых человечеством»¹⁹.

В наше время все большее количество ученых стремится к изучению явлений психодуховной природы, но тем не менее упомянутая Рерихом проблема недоверия официальной науки к исследованиям в области парапсихологии до сих пор остается актуальной. Между тем сначала Е.П. Блаватская, а затем Е.И. и Н.К. Рерихи на базе учений теософии и Агни-Йоги предложили интересное и аргументированное объяснение природы многих феноменальных явлений исходя из основных положений индо-тибетской эзотерической философии, основы которой были изложены сначала в «Тайной Доктрине» Блаватской, а затем в учении Агни-Йоги. Ключом к пониманию этих феноменов становится понятие психической энергии, о которой Н. Рерих пишет в своих философских и научно-популярных эссе и очерках. «Будет ли парапсихология, будет ли наука о мысли, будет ли психическая или всеначальная энергия открыта, но ясно одно, что эволюция повелительно устремляет человечество к нахождению тончайших энергий.

Непредубежденная наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство, этот беспредельный источник всех сил и всего познания. Наш век есть эпоха энергетического мировоззрения»²⁰, – утверждал Николай Рерих.

С проблемами философии науки тесно связаны многие социально-философские проблемы современности, суть которых столь ярко была изложена художником в работах, включенных в раздел «Волны жизни». Непреходящая, не теряющая своей социальной актуальности ценность этих очерков и эссе состоит в том, что Рерих не только обнажил корни многих социальных бед нашего времени, поставив им безошибочный диагноз – бездуховность, – но и указал выход из тупиков, созданных современной механистической цивилизацией. Вслед за выдающимися умами своей эпохи художник отмечал разницу между культурой, основа кото-

---

¹⁹ Рерих Н.К. Парапсихология.

²⁰ Рерих Н.К. Парапсихология.

рой заключается в духовных накоплениях, и цивилизацией, суть которой состоит в создании чисто материальных благ, материального комфорта. Рерих не раз отмечал, что попытка подменить культуру духа цивилизационными благами, поставив на первое место не духовные основы бытия, а материальные блага, никогда не даст человечеству подлинного счастья.

Философская лирика

Наконец, еще одна ипостась литературного наследия великого художника и мыслителя – это философская лирика. Сказки, притчи, легенды, белые стихи Николая Рериха выделены в отдельный раздел в данном сборнике.

В своей исследовательской работе в странах Востока художник всегда уделял большое внимание изучению местного фольклора. Как писал Н.К. Рерих, «разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд. Часто даже в кажущихся отрицательными мифах заключено уважение к потенциалу внутренней мощи. Во всяком случае, каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познания, полные неисчерпаемого молодого задора»²¹.

Именно поэтому многие философские идеи Рерих изложил в форме сказок, притч и легенд. Написанные исключительно красивым слогом, напоминающим древние былины и сказания, они завораживают не только мудростью содержания, но и особой ритмикой литературного языка художника. В содержании этих интересных литературных работ явно отражены идеи как восточной, так и западной культуры.

Отметим, что в данный сборник не были включены философские стихи Рериха, объединенные им в сборник «Цветы Мории»²², но они составляют особо значимую страницу философско-поэтического творчества художника, имеющую отношение к пути духовного самосовершенствования, пройденного и самим художником, и его женой-единомышленницей.

А. Марианис.

---

²¹ Рерих Н.К. Легенды.

²² Эти стихи издавались в сборнике Н.К. Рериха «Знак эры». М.: ЭКСМО, 2010.

1. По старине (*История культуры*)

Радость искусству

I

Наше искусство очистим ли? Что возьмем? Куда обратимся? – К новым ли перетолкованиям классицизма? Или сойдем до античных первоисточников? Или углубимся в бездны примитивизма? Или искусство наше найдет новый светлый путь «неонационализма», овеянный священными травами Индии, крепкий чарами финскими, высокий взлетами мысли так называемого «славянства»? Сейчас еще не остановлюсь на, может быть, загадочном слове «неонационализм». Нужны дела, – еще рано писать манифест этому слову. Всех нас бесконечно волнует – откуда придет радость будущего искусства? Радость искусства – о ней мы забыли – идет. В последних исканиях мы чувствуем шаги этой радости.

Среди достижений выдвигается одно счастливое явление. С особенной остротой вырастает сознание о настоящей украшаемости «декоративности». О декоративности как единственном пути и начале настоящего искусства. Таким образом опять очищается мысль о назначении искусства – *украшать*. Украшать жизнь так, чтобы художник и зритель, мастер и пользующийся объединялись экстазом творчества и хоть на мгновение ликовали чистейшею радостью искусства.

Можно мечтать, что именно исканиями нашего времени будут отброшены мертвые приатки искусства, навязанные ему в прошлом веке. В массах слово *украшать* будто получает опять обновленное значение. Из порабощенного, служащего искусство вновь может обратиться в первого двигателя всей жизни.

Драгоценно то, что культурная часть общества именно теперь особенно настойчиво стремится узнавать прошлое искусства. И, погружаясь в лучшие родники творчества, общество вновь поймет все великое значение слова «*украшать*». В огне желаний радости – залог будущих ярких достижений. Достижения эти сольются в апофеозе какого-то нового стиля, сейчас немыслимого. Этот стиль даст какую-то эпоху, нам совершенно неведомую. Эпоху, по глубине радости, конечно, близкую первым лучшим началам искусства. Машины будущего – искусству не страшны. Цветы не расцветают на льдах и на камне. Для того чтобы сковалась стройная эпоха творчества, нужно, чтобы вслед за художниками все общество приняло участие в постройке храма. Не холодными зрителями должны быть все люди, но сотрудниками работы. Такое мысленное творчество освятит все проявления жизни и будет тем ценным покровом холодных камней, без которого корни цветов высыхают.

Пусть будет так, пусть все опять научатся радости.

Судьба обращает нас к началам искусства. Всем хочется заглянуть вглубь, туда, где сумрак прошлого озаряется сверканьем истинных украшений. Украшений, повторенных много раз в разные времена, то роскошных, то скромных и великих только чистотою мысли, их создавшей.

Счастливое прошлое есть у всякой страны, есть у всякого места. Радость искусства была суждена всем. С любой точки земли человек мог к красоте прикасаться.

Не будем слишком долго говорить о том, почему мы сейчас почти разучились радоваться искусству. Не будем слишком мечтать о тех дворцах света и красоты, где искусство делается действительно нужным. Теперь мы должны посмотреть, когда именно бывала радость искус-

ства и на наших землях. Для будущего строительства эти старые вехи сделаются опять нужными.

Не останавливаясь на обычных исторических станциях, мы пройдем поступью любителя к началам искусства. Пройдем не к позднейшим отражениям, а туда – к действительным началам. Посмотрим, насколько эти начала близки нашей душе. Попробуем решить, если бы мы, такие как мы есть, могли переместиться в разные далекие века, то насколько бы мы почувствовали себя близкими в них бывшему искусству. Гениальных детей или мудрецов можем мы увидеть? Не будем описывать отдельных предметов, не будем их измерять и объяснять. Такие навязанные измерения могут обидеть их прежних авторов и владельцев.

Сейчас нам нужно наметить главные вехи радости искусства. Не измерение, а впечатление нужно в искусстве. Без боязни преемственности строго сохраним принцип, что красивое, замечательное, благородное всегда таким и останется, несмотря ни на что. Клевета не страшна. Согласимся отбросить все узконациональное. Оставим зипуны и мурmolки. Кроме балагана, кроме привязанных бород и переодеваний, вспомним, была ли красота в той жизни, которая протекала именно по нашим территориям.

Нам есть что вспомнить, ценное в глазах всего мира.

Минуем отступления и заблуждения в искусстве, которыми полно еще недавнее прошлое. Многое постороннее, что успело в силу нехудожественного принципа войти в искусство, нужно суметь забыть поскорее. Желая радоваться, мы не должны останавливаться на порицаниях. И без того, когда говорят о современном искусстве, то больше обращают внимание на темные, нежели на радостные стороны дела. В чрезмерных занятиях порицаниями чувствуется молодость России. В то время, как Запад спешит мимо маловажных вещей к замечательному, мы особенно усидчиво остаемся перед тем, что нам почему-либо не нравится. При этом «почему-либо» выходит за всякие возможные пределы, и слишком часто мы легкомысленно говорим о личностях, тем самым попирая дело. В таком проявлении молодости никто, конечно, не сознается, но факт остается непреложным: для сознания значения и полезности нам все еще необходима утрата. Один из последних ужасающих примеров: Врубель, избранный академиком только после слепоты, мало признанный критикой, пока болезнь не остановила рост его искусства²³.

Сами того не замечая, многие слишком думают о том, как бы уничтожить, а не о том, как создать. Поспешим к радостям искусства.

Поспешим в трогательные тридцатые годы. Мысленно полюбуемся на прекрасные, благородные расцветы александровского времени. Восхитимся пышным, истинно декоративным блеском времени Екатерины и Елизаветы. Изумимся непостижимым совмещениям Петровской эпохи. По счастью, от этих времен сохранилось еще очень многое, и они легче других доступны для изучений и наблюдений. Сейчас мы имеем таких исключительных выразителей этих эпох. Пройдем же туда, где еще так недавно искусство считалось только поработанным, скромным служителем церкви.

Думая о старине, мы должны помнить, что настоящее понимание допетровской Руси испорчено. Чтобы вынести оттуда не петушиный стиль, чтобы не вспомнить только о дуге и рукавицах, надо брать одни первоисточники. Все перетолкования прошлого века должны быть забыты. Церковь и дом северного края мы должны взять не из чертежа профессора, а из природы, может быть, даже скорее из скромного этюда ученика, который не решился «по-своему» исправить своеобразное выражение старины. Богатство царских покоев – не из акварелей Солнцева, а только мысленно перенося в жизнь сокровища Оружейной палаты. Если сейчас мы вспомним архитектурный музей Академии художеств, то ужаснемся, по каким образцам ученики вынуждены узнавать интересное прошлое и чем эти образцы и теперь пополняются.

---

²³ Так в издании 1914 г. (Ред.).

Сознаемся, что в допетровской Руси среди драгоценностей, одежд, тканей и оружия много европейской красоты. Все это настоящим способом декоративно.

Как магически декоративны Чудотворные лики! Какое постижение строгой силуэтности и чувство меры в стесненных фонах. Лик – грозный, Лик – благодостный, Лик – радостный, Лик – печальный, Лик – милостивый, Лик – всемогущий.

Все тот же Лик, спокойный чертами, бездонный красками, великий впечатлениями, – Чудотворный.

Только недавно осмелились взглянуть на иконы, не нарушая их значения, со стороны чистейшей красоты; только недавно рассмотрели в иконах и стенописях не грубые, неумелые изображения, а великое декоративное чутье, овладевшее даже огромными плоскостями. Может быть, даже бессознательно авторы фресок пришли к чудесной декорации. Близость этих композиций к настоящей декоративности мы мало еще умеем различать, хотя и любим исследовать черты, и детали, и завитки орнамента старинной работы. Какой холод наполняет часто эти исследования! Иногда, слушая рассуждения так называемых «специалистов», даже желаешь гибели самых неповинных прекрасных предметов; если они могли вызвать такие противоположные суждения, то пусть лучше погибнут.

В ярких стеновых покрытиях храмов Ярославля и Ростова какая смелость красочных выражений!

Осмотрите в храме Ивана Предтечи в Ярославле. Какие чудеснейшие краски вас окружают! Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивой охрой! Как легка изумрудно-серая зелень и как у места на ней красноватые и коричневатые одежды! По тепловатому светлому фону летят грозные архангелы с густыми желтыми сияниями, и белые их хитоны чуть холоднее фона. Нигде не беспокоит глаз золото, венчики светятся одной охрой. Стены эти – тончайшая шелковистая ткань, достойная одевать великий Дом Предтечи!

Или вспомните тепловатый победный тон церкви Ильи Пророка! Или, наконец, перенеситесь в лабиринт ростовских переходов, где каждая открытая дверка поражает вас неожиданным стройным аккордом красок. Или на пепельно-белых стенах сквозят чуть видными тонами образы; или пышет на вас жар коричневых и раскаленно-красных тонов; или успокаивает задумчивая синяя празелень; или как бы суровым словом канона останавливает вас серыми тенями образ, залитый охрой.

Вы верите, что это так должно было быть, что сделалось это не случайно; и кажется вам, что и вы не случайно зашли в этот Дом Божий и что эта красота еще много раз будет нужна вам в вашей будущей жизни.

Писались эти прекрасные вещи не как-нибудь зря, а так, чтобы «предстоящим мнети бы на небеси стояти пред лица самих первообразных». Главное в том, что работа делалась «лепо, честно, с достойным украшением, приличным разбором художества».

Писали Иверскую икону, обливали доску святою водою, с великим дерзновением служили Божественную литургию, мешали св. воду и св. мощи с красками; живописец только по субботам и воскресеньям получал пищу; велик экстаз создания древней иконы и счастье, когда выпадал он на долю природного художника, понявшего красоту векового образа.

Прекрасные заветы великих итальянцев в чисто декоративной перифразе слышатся в работе русских артелей; татарщина внесла в русскую кисть капризность Востока. Горестно, когда многие следы старого творчества поновляются не по драгоценным преданиям.

В царском периоде Руси мы ясно видим чистую декоративность. Строительство в храмах, палатах и частных домиках дает прекрасные образцы понимания пропорций и чувства меры в украшениях. Здесь спорить не о чем!

Бесконечно изумляешься благородству искусства и быта Новгорода и Пскова, выросших на «великом пути», напитавшихся лучшими соками ганзейской культуры. Голова льва на монетах Новгорода, так схожая со львом св. Марка, не была ли мечтою о далекой царице морей

– Венеции? (Символика монетных изображений даст еще большие неожиданности. Нумизматика тоже ждет своего художника.) Когда вы вспоминаете расписные фасады старых ганзейских городов, не кажется ли вам, что и белые строения Новгорода могли быть украшены забавною росписью?

Великий Новгород, мудрый беспредельными набегами своей вольницы, скрыл сейчас от случайного прохожего свой прежний лик, но на представлении о славе новгородской не лежит никаких темных пятен. Представление о Новгороде далеко от тех предвзятых затемнений, которые время набросило на русскую татарщину.

Из татарщины, как из эпохи ненавистной, время истребило целые страницы прекрасных и тонких украшений Востока, которые внесли на Русь монголы.

О татарщине остались воспоминания только как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повела их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей Русь вновь слушала сказку о чудесах, которые когда-то знали хитрые арабские гости Великого Пути и греки.

Монгольские летописи, повести иностранных посольств толкуют о непостижимом смешении суровости и утонченности у великих кочевников. Повести знают, как ханы собирали к ставке своей лучших художников и мастеров.

Кроме установленной всеми учебниками, может быть иная точка зрения на сущность татар. Вспоминая их презрение к побежденному, к не сумевшему отстоять себя, не покажутся ли символическими многие поступки кочевников? Пир на телах русских князей, высокомерие к вестникам и устрашающие казни взятых в плен? Разве князья своею разъединенностью, взаимными обидами и наговорами или позорным смирением не давали татарам лучших поводов к высокомерию? Если татары, наконец, научили князей упорству, стойкости и объединенности, то они же оставили им татарские признаки власти – шапки и пояса и внесли в обиход Руси сокровища ковров, вышивок и всяких украшений. Не замечая, взяли татары древнейшие культуры Азии и также невольно, полные презрения ко всему побежденному, разнесли их по русской равнине.

Не забудем, что кроме песни о татарском полоне, может быть еще совсем иная песнь: «мы, татары, идем».

Из времен смутных одиноко стоят остатки Суздаля, Владимира и сказочный храм Юрьева-Польского. Не русские руки трудились над этими храмами. Может быть, аланы Андрея Боголюбского?

Если мы боимся вспомнить о татарском огне, то еще хуже вспоминать, что усобицы князей еще раньше нарушили обаяния великих созданий Ярослава и Владимира. Русские тараны также били по белым вежам²⁴ и стенам, которые прежде светились, по словам летописи, «как сыр». И раньше татар начали пустеть триста церквей Киева.

Когда идешь по равнинам за окраинами Рима, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятиллионная столица цезарей. Даже когда идешь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было все занято шумом ганзейского города. Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блестели мозаикой и стенописью, скудные обрывки церковных декораций Киева; обрывки стенописи в новгородской Софии; величественный одинокий Нередицкий Спас; части росписи Мирожского монастыря во Пскове... Все эти огромные большею частью фигуры с лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, все-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времен Ярослава.

---

²⁴ Шатры, башни.

Минувшим летом в Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думают, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической комиссии я видел доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная малоазиатского характера работа. Еще раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь Киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный прием. Думаю, палата Рогеров в Палермо дает представление о палатах Киева.

Скандинавская стальная культура, униженная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался матерью городов. Поразительные тона эмалей, тонкость и изящество миниатюр, простор и спокойствие храмов, чудеса металлических изделий, обилие тканей, лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту, иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходуется только на блеск подвигов.

Вот терем:

Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точеные,
Каждая с маковкой – жемчужинкой;
Подворотня – дорог рыбий зуб²⁵,
Над воротами икон до семидесяти;
Серед двора терема стоят.
Терема все златоверховатые;
Первые ворота – вальящеты²⁶,
Средние ворота – стекольчатые.
Третьи ворота – решетчатые.

В описании этом чудится развитие дакийских построек Траяновой колонны²⁷. Вот всадники:

Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки – золоты вершки;
А на ножках сапожки – зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты остры.
Круг носов-носов хоть яйцом прокати.
Под пята-пята воробей пролети.

---

²⁵ Моржовый клык.

²⁶ Парадные, роскошные.

²⁷ Памятник римского искусства, мраморная колонна, покрытая рельефами с военными сценами. Была установлена императором Траяном около 114 г. в честь победы над даками.

Точное описание византийской стенописи.
Вот сам богатырь:

Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетено по дорогому яхонту,
На плечах шуба черных соболей,
Черных соболей заморских,
Под зеленым рытым бархатом,
А во петелках шелковых вплетены
Все-то божьи птичюшки певучие,
А во пуговках злаченных вливаны
Все-то люты змеи, зверюшки рыкучие...

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьеза былинного языка, а по существу. Перед нами детали верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится ею. Эта культура близка сердцу народа; народ без злобы, горделиво о ней высказывается.

Заповедные ловы княжеские, веселые скоморошья забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки новых городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

«Заложил Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложил же и церковь святую Софию, митрополию и посем церковь на Золотых Воротах святое Богородице Благовещенье, посем святого Георгия монастырь и святой Ирины. И бе Ярослав любя церковные уставы и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне и списаша книги многы: с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напаяющи вселенную се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многы наложи в церкви святой Софьи, юже созда сам украси ю златом и серебром и сосуды церковными. Радовашеся Ярослав видя множество церквей».

Вот первое яркое известие летописи об искусстве. Владимир сдвигал массы. Ярослав сложил их во храм и возрадовался об искусстве. Этот момент для старого искусства памятен.

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далек от воплей современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почуявшего памятник, ценный на многие века. Так было, такому искусству можно завидовать, можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создан будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега – мужа бывалого и много знавшего. Киев еще раньше облюбовали Аскольд и Дир. Тогда уже Киев привлекал много скандинавов: «и многи Варяги скуписта и начаста владети Польскою землею». При этом все данные не против культурности Аскольда и Дири. До Аскольда Киев уже платил дань хозарам, и основание города отодвигается к легендарным Кию, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве будто бы был и апостол – проповедник. Зачем попал в далекие леса проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты Малоазийской, открытые недавно

в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI–XVII века до нашей эры. И тогда уже для средоточия культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев еще покоится в земле в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы также и для наших дней. То, что начато сейчас раскопками Хвойко, надо продолжить государству в самых широких размерах. Останавливаемся на исследовании Киева только потому, что в нем почти единственный путь углубить прошлое страны. Эти вехи освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость киевского искусства создалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? До известия о нем мы имеем слова летописи, что славяне «изгнаша Варяги за море и не даша им дани»; вот упоминание об изгнании, а когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределимое время.

Как поразительный пример неопределенности суждений об этих временах, нужно привести обычную трактовку учебников: «прибыл Рюрик с братьями Синеусом и Трувором», что по толкованию северян значит: «конунг Рурик со своим Домом (син хуус) и верною стражею (тру вер)».

Крепость скандинавской культуры в северной Руси утверждает также и последнее толкование финляндцев о загадочной фразе летописи: «земля наша велика...», и т. д., и о посольстве славян. По остроумному предположению, не уличая летописца во лжи, пресловутые признания можно вложить в уста колонистов-скандинавов, обитавших по Волхову. Предположение становится весьма почтенным, и текст признаний перестает изумлять.

Бывшая приблизительность суждений, конечно, не может огорчать или пугать искателей; в ней – залог скрытых сейчас блестящих горизонтов!

Глубины северной культуры хватило, чтобы напитать всю Европу своим влиянием на весь X век. Никто не будет спорить, что скандинавский вопрос – один из самых красивых среди задач художественных. Памятники скандинавов особенно строги и благородны. Долго мы привыкали ждать все лучшее, все крепкое с севера. Долго только ладьи с пестрыми парусами, только резные драконы были вестниками всего особенного, небывалого. Культура северных побережий, богатые находки Гнездова, Чернигова, Волховские и Верхне-Поволжские – все говорит нам не о проходной культуре севера, а о полной ее оседлости. Весь народ принял ее, весь народ верил в нее. И опять нет никакого основания считать северян дикими поработителями родоначальников Новгорода. Доказательство простое – все оставленное ими умно и красиво. Они жили неведомо как, но во всяком случае жили долго и жили так, что истинное искусство им было близко.

Варяги дали Руси человекообразные божества, а сколько же времени северные народы чтили силы природы, принадлежали одной из самой поэтических религий! Эта религия – колыбель лучших путей творчества.

Здесь кончаются общедоступные картины.

От жизни осталась одна пыль, от целой грозной кольчуги остался комок железа – из него трудно развернуть всю прежнюю ее величину, и не знающему трудно поверить, что найден не скучный археологический хлам, а частица бывшей, подлинной прелести. Всему народу пора начать понимать, что искусство не только там было, где оно ясно всем: пора верить, что гораздо большее искусство сейчас скрыто от нас временем. И многое – будто скучное – озагорится тогда радостью проникновений, и зритель сделается творцом. В этом – прелесть прошлого и будущего. И человеку, не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем. Сказочные Hallristningar'ы северных скал, высокие курганы северных путей, длинные мечи, тяжелые фибулы, держащие узорные одежды, заставляют любить северную жизнь. В любви к

ней может быть уважение к первооформленному. За этой гранью мы сразу окунаемся в хаос бронзовых патин. Много или мало искусства в неразборчивых временах?

Чужда ли искусству живоотнообразная финская фантазмагория? Чужды ли для художественных толкований формы, зачарованные Востоком? Отвратительны ли в первых руках скифов переделки античного мира? Полно, только ли грубые золотые украшения полуизвестных сибирских кочевников?

Эти находки не только близки искусству, но мы завидуем ясности мысли обобщения исчезнувших народов. Твердо и искусно укладывались великие для них символы в бесчисленные варианты вещей. Даже безжалостный спутник металла – штамп – не мог погубить врожденных исканий искусства. В таинственной паутине веков бронзы и меди опасно разбираемся мы. Каждый день приносит новые выводы, каждое приближение к этой груде дает новую букву жизни. Целый ряд блестящих шестивий! Перед глазами еще сверкает Византия золотом и изумрудом тканей, эмалей, но внимание уже отвлечено.

Мимо нас проходят пестрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их! Из их даров складывается синтез действительно неонационализма искусства. К нему теперь обратится многое молодое. В этих проникновениях – залог здорового сильного потомства. Если вместо притупленного национального течения суждено сложиться обаятельному «неонационализму», то краеугольным его сокровищем будет великая древность, – вернее: правда и красота великой древности.

Еще полуслепые, ищем мы подлинный облик обитателей прекрасных городищ. Еще не прозревшие, чувствуем прелесть покинутых культов природы, о чем совершенно не в силах передать нам древнейшие летописи христианского времени. Звериный обычай жизни, бесовские игрища, будто бы непристойные песни, о которых толкует летописец, подлежат большему обсуждению. Пристрастие духовного лица – летописца – здесь слишком понятно. Церковь не приносила искусство. Церковь на искусстве становилась. И, созидая новые формы, она раздавливала многое, тоже прекрасное.

После скандинавского века всякая достоверность исчезает. Приблизительность доходит до нескольких столетий. Мы только можем знать, что для жизни требовались красивые вещи, но какая была жизнь, какие именно требовались предметы искусства, как верили в это искусство бывшие жители – мы не знаем.

За четыре тысячи пятьсот лет до нашей эры расцветала культура Вавилона; знаем кое-какие буквы ее, но сложить сказку из них – пусть попробуют специалисты! Глубины бронзы и меди неразборчивы. Неразборчивы особенно, если мы захотим не сходить с русских территорий. Греция, Финикия! Какие непостижимые следствия должны были они производить среди местных населений. Конечно, если мы упрекали время русской усабицы в понижении смысла украшений, то и в веках бронзы мы, естественно, найдем моменты жизни, когда в переходном движении значение искусства затемнялось. Неумелое пользование новым сокровищем – металлом – отодвигало настоящую художественность. Но ведь время темных веков железа, бронзы и меди очень длинно. Неясность здесь простительна, тем более что творчество в одном направлении шло безостановочно, а именно в творчестве орнамента. Культ священных узоров благодатной паутиной окутывал человечество. Скромная мордовка или черемиска не могут постичь, достояние скольких десятков веков на ней одето сейчас!

Но чувствуем, что штампование жизни кончается. Национальность кончается. Условно-сти политической экономии кончаются. Кончается толпа. Не кончается искусство. Выступает какой-то новый человек. Значит, мы подошли к векам камня.

В разных периодах жизни Руси мы видели радость искусства. Чем глубже, тем волны этой радости неожиданнее, разделеннее, но гребни волн были все-таки высоки. По вершинам этой радости бегло прошли мы всю жизнь. Мы видели, что и после блеска Киева и скандинавского

века понятие «украшать» могло быть столь же чистым, столь же высоким, как и в наиболее блестящие эпохи.

Пусть многие по-прежнему недоверчиво косятся на затемненную археологию, отрезают ее от искусства. Даже самоотверженный любитель не содрогнется ли от неизвестности при приближении к каменному веку. Такая древность слишком далека от нашего представления о жизни. Когда вам кажется, что вы поняли часть древнейшей жизни, не думаете ли вы, что безоружным глазом вы точно усмотрели клочок звездного неба?

Именно радость искусства время сохранило для нас также из эпохи камня.

Забудем сейчас яркое сверкание металла; вспомним все чудесные оттенки камней. Вспомним благородные тона драгоценных мехов. Вспомним патины разноцветного дерева. Вспомним желтеющий тростник. Вспомним тончайшие плетения. Вспомним крепкое, здоровое тело. Эту строгую гамму красок будем вспоминать все время, пока углубляемся в каменный век.

II

Уловим ли мы биение всей незапамятной жизни? Или только возможно пока установить точку зрения на такую непомерную древность?

Что слышно оттуда?

«Анге-патою ударила в гнев кремнем. В блестящих искрах создались боги земли и воды, лесов и жилищ. Кончила дело свое Анге-патою и бросила наземь кремь, но и он стал богом: ведь она не отняла от кремня творящую силу. Стал кремь богом приплода, и на дворе или под порогом дома маленькая ямка прикрыта кремневым божком – Кардяс-сярко».

Так в предании населила землю богами Ерзя, часть мордвы.

Сравним эту красивую легенду с преданием Мексики: «На небе Мексиканском был некогда бог Цитлал Тонак, Звезда Сияющая и богиня Цитлал-Куэ, она что в рубахе звездной. Эта звездная богиня родила странное существо – кремневый нож. Другие их дети, пораженные этим странным порождением, сошвырнули его с неба. Кремневый нож упал, разбился на мелкие кусочки, и среди искр возникли тысяча шестьсот богов и богинь».

Космогония Ерзи не хуже замыслов мексиканских.

«Каменным ножом зарежешь барана», – заповедает жертвенный ритуал Воти.

«Громовая стрелка боль облегчает, в родах помогает», – шепчут знахарки.

«Великаны в лесу каменный топор хоронили», – помнят потомки еми и веси...

Много преданий! В каждом племени и сегодня живет таинственная основа «каменного века». Обычай и верования вместе с трудночеткими рунами орнамента толкуют все о том же «доисторическом времени». Называем его «доисторическим», хотя оно стоит вовсе не особняком. Наоборот, оно плотно вплетается в эпохи истории; часто питает эти эпохи лучшими силами. Где границы жизни без металлов?

Мы привыкаем искать наше искусство где-то далеко. Понятие наших начал искусства становится почти равнозначным с обращением к Индии, Монголии, Китаю или к Скандинавии, или к чудовищной фантазии финской. Но, кроме дороги позднейших заносов и отражений у нас, как у всякого народа, есть еще один общечеловеческий путь – к древнейшему иероглифу жизни и пониманию красоты. Путь через откровения каменного века. Предскажем, что в поисках лучшей жизни человечество не раз вспомнит о *Freiheit*'ах древности; они были близки природе, они знали красоты ее. Они знали то, чего мы не ведаем уже давно.

Цельны движения древнего, строго целесообразны его думы, остро чувство меры и стремления к украшению.

Понимать каменный век как дикую некультурность – будет ошибкою неосведомленности. Ошибкою обычных школьных путей. В дошедших до нас страницах времени камня нет звери-

ной примитивности. В них чувствуем особую, слишком далекую от нас культуру. Настолько далекую, что с трудом удастся мысль о ней иным путем, кроме уже избитой дороги – сравнения с дикарями.

Вполне допустимо: загнанные сильными племенами, вымирающие дикари-инородцы с их кремневыми копьями так же похожи на человека каменного века, как идиот похож на мудреца. Осталось несколько общеродовых жестов, но они далеки от настоящего смысла. Человек каменного века родил начала всех блестящих культур, он мог сделать это. От инородца – нет дороги, он даже утрачивает всякую власть над природой.

Но в страхе борьбы, в ошибках достижений затемнился феномен бытия. Культуры разветвились слишком. Дуб всемирного очага разросся безмерно, мы боязливо путаемся в его бесчисленных ветках. В стремлении к чеканке форм жизни мы должны очищать далекие закрытые корни. И вот мы, кичливые владичеством металлов, поняли. Только очень недавно поняли: пыльный проходной первый зал музеев не есть печальная необходимость, не есть темное пятно родословной. Он есть первейший источник лучших заключений. Мера почтения к нему такова же, как мера удивления перед тайной жизни десятков тысячелетий. Подумайте, десятков!

Площади богатых огромных городов донесли до нас кучу шлаков, несколько обломков бронзы и груды камней. Но мы знаем, что дошедшее до нас – не мерило протекшей жизни. В печальных остатках мы видим усмешку судьбы. Также и жизнь каменного века – не в тех случайных кремневых осколках, которые пока попадают нам в руки. Эти осколки – тоже случайная пыль большой жизни, длинной бесконечно!

Особенная тайна окружает следы каменного века. Ничто иное, но каменные остатки всегда и даже до сих пор относятся к небесному происхождению.

Какие только боги не метали находимые в земле копыя и стрелы!

Не только классический мир не сумел отгадать настоящее происхождение каменных орудий, но и все Средние века происхождение их оставалось маловыясненным. Только в новейшее время, в конце XVIII века, немногие ученые узнали истинное происхождение древнейших изделий. Утверждения были скудны, шатки, малоубедительны. Собственно безусловного в постановке дела немного установилось и до сих пор. Из груды относительных суждений почти невозможно выделить те, которым бы не угрожала переоценка. Это неудивительно, ибо если расстояние одного тысячелетия уже колеблет уверенность в одном, даже двух веках, то что же сказать про десятки таких эпох? Куда же идти дальше, если даже ледниковый период остроумно заменяется англичанами какой-то стремительной катастрофой! Вспомним, что все названия древнейших периодов приняты лишь вполне условно, по месту первого случайного нахождения предметов. Можно представить, сколько неожиданностей хранит еще в себе земля и какие научные перемещения должны возникнуть. Прочие эпохи полны потрясающими примерами.

Научные постройки в пределах древнего камня опасны. Здесь возможны только наблюдения художественные. Слово о красоте древности ничто отодвинуть не может. За этими наблюдениями очередь. Будущее даст только новые доказательства.

Странно подумать, что, быть может, именно заветы каменного царства стоят ближе всего к исканиям нашего времени. То, что определил нам поворот культуры, то самое чисто и непосредственно впервые выросло в сознании человека древнейшего. Стремление обдумать всю свою жизнь, остро и строго оформить все ее детали, все, от монументальных строительных силуэтов до ручных мелочей, – все довести до строгой гармонии: эти искания нашего искусства, искания, полные боли, ближе другого напоминают любовные заботы древнего из всего окружающего сделать что-то обдуманное, изукрашенное, обласканное привычной рукой.

По отдельным осколкам доходим до общего. Каждый одиночный предмет нашей жизни говорит об его окружавших вещах. Отлично сработанный наконечник копья говорит о прекрасном древке, к хорошему топору идет такое же топориче, отпечатки шнуров и сетей сви-

детельствуют о самых этих вещах. Все мелочи украшений и устройства возводят весь обиход и жилище в известный порядок развития.

Радость жизни разлита в свободном каменном веке. Не голодные, жадные волки последующих времен, но царь лесов – медведь, бережливый в семействе, довольный обилием пищи, могучий и добродушный, быстрый и тяжелый, свирепый и благодостный, достигающий и уступчивый, – таков тип человека каменного века.

Многие народы чтут в медведе человеческого оборотня и окружают его особым культом. В этом звере оценили народы черты первой человеческой жизни. Семья и род, конечно – основы древнейшего человека. Он одножен. Ради труда и роста семьи только снисходит он до многоженства. Он ценит детей – продолжателей его творческой жизни. Он живет сам по себе, ради себя творит и украшает. Мена, шегольство, боязнь одиночества, уже присущая позднему времени камня, не тронули древнего. Общинные начала проникают в быт лишь в неизбежных, свободных действиях охоты, рыбной ловли, постройки.

Нам не нужны сейчас наслоения геологии. Не тронем две первичные эпохи, хотя оставленное ими – кости их страшных обитателей и окаменелости – составляет огромный скелет сказочного для нас мира; он так же близок душе художника, как и изделия рук человека. Допустим условные научные распределения. Минуем третичный плиоцен с его таинственным предшественником человека. Царство догадок и измышлений! Царапины на костях и удары на кремневых осколках далеки от художественных обсуждений.

Древнейшие эпохи доледниковые – палеолит (шельская, ашельская, мустьерская) уже близки искусству. Человек уже стал царем природы. В чудесных единоборствах меряется он с чудовищами. Уверенными, победоносными ударами высекает он первое свое орудие – клин, заостренный, оббитый с двух сторон. В широких ударах поделки человек символизирует победу свою; мамонты, носороги, слоны, медведи, гигантские олени несут человеку свои шкуры. Каменным скребком (мустье) обрабатывает человек мохнатую добычу свою. Со львом и медведем меняется человек жилищем – пещерой; он смело соседствует с теми, от кого в период «отступлений» он защищался уже сваями. Приходит на ум еще одна победа – приручение животных. Веселое время! – время бесчисленных побед.

Движимый чудесными инстинктами гармонии и ритма, человек, наконец, вполне вступает в искусство. В двух последних эпохах палеолита (солотрейская и мадленская) блестящий победитель совершенствует жилище свое и весь свой обиход. Все наиболее замечательное в жизни одинокого творца принадлежит этому времени.

Множество оленей доставило новый отличный рабочий материал. Из рога изготовлены прекрасные гарпуны, стрелы, иглы, привески, ручки кинжалов... Находим изображения: рисунки и скульптуру из кости. Знаменитая женская фигурка из кости. Каменная Венера Брасемпуи. Пещеры носят следы разнообразных украшений. Плафоны разрисованы изображениями животных. В рисунках поражают наблюдательность и верная передача движений. Свободные линии обобщения приближают пещерные рисунки к лучшим рисункам Японии.

Пещеры южной Франции, Испании, Бельгии, Германии (Мадленская, Брасемпуйская, Мас-д'Азильская – с древнейшей попыткой живописи минеральными красками, Альтамирская – с необычайно сложным плафоном грота, Таингенская и др.) доставили прекраснейшие образцы несомненной художественности стремлений древнего человека. Чувствуется, что пещеры должны были как-то освещаться; предполагаются подвесные светильники с горящим жиром. Каменные поделки восходят на степень ювелирности. Тончайшие стрелы требуют удивительной точной техники. Собака становится другом человека; на рисунках оленей – одеты недоуздки. Украшения достигают замечательного разнообразия; отделка зубов животных, просверленные камни, раковины. Конечно, мена естественными продуктами постепенно изошряет результаты творчества человека.

Остатки лакомых и нам раковин, кости птиц и рыб, кости крупных животных с вынутым мозгом – все это остатки очень разнообразной и вкусной еды обитателей изукрашенных пещер.

Между временем палеолита и неолита часто ощущается что-то неведомое. Влияли ли только климатические условия, сменялись ли неведомые племена, завершала ли свой круг известная многовековая культура, но в жизни народа выступают новые основания. Очарование одиночества кончилось, люди познали прелесть общности. Интересы творчества делаются разнообразнее; богатства духовной крепости, накопленные одиночными предшественниками, ведут к новым достижениям. Новые препятствия отбрасываются новыми средствами; среди черепов многие оказываются раздробленными ударами тяжелых орудий.

Так вступают в борьбу жизни послеледниковые эпохи. Неолит.

Материки уже не отличаются в очертаниях от нынешних, с тем же климатом. Мамонты вымерли, северные олени перешли к полярному кругу. Скотоводство, земледелие, охота отличают эпохи неолита. Выдвигается новое искусство – гончарство, богато украшенное. Каменные вещи так же дороги, как и в прежние эпохи. Работая с огнем, человечество натолкнулось на металлы. Неолит может гордиться этим открытием.

Последнее время неолита (эпоха Робенгаузенская); кончина «каменной красоты». Эпоха полированных орудий, время свайных построек, время неолитических городов (Санторин, Мелос, Гиссарлик, старая Троя)... В многотысячных собраниях предыдущих эпох вы не найдете ни одного точного повторения вещи. Все разделено личным умением и потребностями, качеством и количеством материала; в эпоху, переходную к металлу, вас поразит однообразие форм, их недвижность; чувствуется обесценивание ювелирных каменных вещей – перед неуклюжим куском металла. Энергия творчества обращена на иные стороны жизни. Гончарство также теряет свое разнообразие, и орнаменты иногда нисходят до фабричного штампования тканями и плетениями. Время штампования человеческой души. Неолит для России особенно интересен. Палеолит (Днепровский и Донской районы) пока не дал чего-нибудь необычного. Неолит же русский и богатством своим, и разнообразием ведет свою особую дорогу; может быть, именно ему суждено сказать новое слово среди принятых условностей. В русском неолите находим все лучшие типы орудий.

Не будем строить предположений о времени каменных периодов. К чему повторять чужие слова о том, что неопределимо? За 4500 лет до Р. Х. уже расцвела культура Вавилона, но в России остатки каменного века имеются даже во времена Ананьинского могильника, после нашей эры.

Балтийские янтари, находимые у нас с кремневыми вещами, не моложе 2000 лет до Р.Х. Площадки богатого таинственного культа в Киевской губернии, где находятся и полированные орудия, по женским статуэткам обращают нас к Астарте Малоазийской в XVI и XVII века до Р. Х.

При Марафоне некоторые отряды еще стреляли кремневыми стрелами! Так переплелись культуры.

Русский неолит дал груды орудий и обломков гончарства.

С трепетом перебираем звонко звенящие кремни и складываем разбитые узоры сосудов. Лучшие силы творчества отдал человек, чтобы создать подавляющее разнообразие вещей.

Особо заметим осколки гончарства. В них – все будущее распознавание племен и типов работы; только на них дошли до нас орнаменты. Те же украшения богато украшали и одежду, и тело, и разные части деревянных построек, все то, что время истребило.

Те же орнаменты вошли в эпохи металла. Смотри на родные узоры, вспомним о первобытной древности. Если в искусстве народа мы узнаем остро стилизованную природу, то знаем, что основа пользования кристаллами природы выходит чаще всего из древнейших времен, из времен до обособления племен. Сравнения орнаментов легко дают примеры. На вышивках тверских мы знаем мотивы стилизованных оленей; не к подражанию Северу, а к древнему рас-

пространению оленя, кости которого находим с кремнями, ведет этот узор. На орнаменте из Коломцев (Новгород) человекообразные фигуры явно напоминают ритуальные фигуры вышивок новгородских и тверских. На гончарной бусе каменного века найдено изображение змеи, подобное древнейшему микенскому слою; змеи народных вышивок – древни.

Труден вопрос орнамента. Все доводы против инстинкта, хотя бы они дошли до ясности галлюцинаций, разбивает сама природа. Разве не поразительно, что сущность украшений одинакова у самых разъединенных существ? Но не гипотезы нам нужны, а факты.

Две основы орнамента – ямка и черта. Чтобы украсить – надо прикоснуться; всякое прикосновение украшателя оставляет то или другое. Соединение этих основ дает всякие фигуры; от их качества зависит самый характер узора. Из хрупкой глины лепит человек огромные котлы с круглым дном; те же руки дают крошечную чашечку, полную тонких узоров. Работают пальцы, ногти; идет в дело орнамента все окружающее: перья, белемниты (чертовы пальцы), веревки, плетенья, наконец, выбиваются из камня особые штампы для узоров. Всякий стремится украсить сосуды своим чем-то особенным, сделать их более ценными, более красивыми, более нужными. И трогательно изучать первые славословия древних красот. Составьте из осколков разные формы сосудов. Изумляйтесь пропорциями их. Смотрите – вся поверхность котла залита ямочками или разбита чертами и всякими фигурами. Человек не знает, чем бы украсить, отметить сделанное; из плетений и шнуров он дает новые узоры. В последнее время каменного века, торопясь производством, он печатает на поверхности сосуда ткань одежды своей.

Но человеку мало разнообразия узоров. Он находит растительные краски, чтобы дать еще более особенности своему изделию. Целый набор тонов: черных, красных, серых и желтых. Сосуды красятся сплошь и узорами. Можно представить себе, сколько стремлений древнего разрушено временем, стерто землей, смыто водами. Та же спокойная палитра красок цветилась и на одежде, и на волосах, может быть на татуировке, так как мы знаем, что идея татуировки вовсе не принадлежит только дикарям. Стыдно для нашего времени: в древности ни одного предмета без украшений. Невозможно даже сравнить народный обиход современности нашей с тем, что так настойчиво стремились иметь около себя старые обитатели тех же мест.

К любимым прекрасным вещам приложите каменное орудие – и оно не нарушит общего впечатления. Оно принесет с собой ноту покоя и благородства. Многие не так думают о древних камнях; не так думают те, кто предвзято не хочет знать достижений первых людей. Снимки в черном с каменных орудий ничего не говорят о них, кроме величины; такие снимки мертвят целесообразность предмета; именно они виновны, если нам часто недоступен первый период человечества. Черный снимок напоминает о предмете, но слишком редко может дать истинное о нем представление. Почти невозможно изучать камни и в музеях, за двумя запорами витрин. Кроме бедных узников, отягощенных путами, серых от пыли, вы ничего в музее не узнаете. Если хотите прикоснуться к душе камня – найдите его сами на стоянке; на берегу озера подымите его своей рукой. Камень сам ответит на ваши вопросы, расскажет о длинной жизни своей. Остатки леса, кора древности, почтенной сединой покрывают камни. Вы не замечаете бывшего их применения: перевертываете его в руке безуспешно – но идет на лицо улыбка, вам удалось захватить камень именно так, как приспособил его древний владелец. Именно теми пальцами попадаете вы во все продуманные впадины и бугорки. В руках ваших оживает нужное орудие; вы понимаете всю тонкость, всю скульптурность отделки его. Из-под седины налетов начинает сквозить чудесный тон яшмы или ядеита. В ваших руках кусок красоты!

Чудесные тона красок украшали древки первых людей: кварцы, агаты, яшмы, обсидианы, хлоромеланиты, нефриты; от темно-зеленого ядеита до сверкающего горного хрусталя отсвечивало древнее оружие. Прежде всего говорим об оружии; в нем – все соревнование, в нем – все щегольство; на него – вся надежда. Пропорции копий, дротиков, стрел равны лучшим

пропорциям листьев. Тяжелое копьё, приличное медведю, маленькая стрелка, пригодная перепелке, – в бесконечном разнообразии выходили из-под рук человека.

Мы плохо различаем орудия. Для нас целая бездна орудий – все так называемые скребки. Но для древнего ясно различались среди них массы орудий, самых различных назначений. Во всех домашних работах скребок – ближайший помощник. Из скребка часто выходят пилка и навертыш. Острый скребок близок и ножу. Так же как копьё, нож часто тонко выработывали с заостренным, загнутым концом.

Кроме всего острого и колющего каменный век сохранил и груды тяжелых ударных орудий. Клин, долото, топор, молот; где битва и где хозяйство – здесь различить невозможно.

Набор орудий древнего человека обширнее, чем это предполагается. Крючки для ловли, круглые камни, может быть, для метанья; круглые булавы с отверстием; человеко- и животноеобразные поделки, быть может, священные. Подвески из зубов, раковин, гончарные бусы, янтарные ожерелья. Костяные иглы, дудки и стрелы. На дне озерном и речном еще лежат темные стволы дубов; между ними, может быть, найдутся древнейшие лодки. Уже хорошо знали люди водные пути; на челноках с той же смелостью переносились на далекие пространства, как и скандинавы на ладьях одолевали океан.

Достоинство отделки русского неолита очень высоко. Особенно радует, что можно спокойно сказать: эта оценка не есть «домашнее» восхищение. На последнем доисторическом конгрессе 1905 г. в Перигё (деп. Дордонь) лучшие знатоки французы: Мортилье, Ривьер-де-Прекур, Картальяк и Капитан приветствовали образцы русского неолита восторженными отзывами, поставив его наряду с лучшими классическими поделками Египта. Вообще, если мы хотим с чем-нибудь сравнить форму и пропорции каменных вещей, то лучше всего обратиться к законченностям классического мира.

Смутно представляем себе жилище древнего.

Мы видим древнего не ходульным героем с чреслами, задрапированными обрывками шкур. Мы ощущаем в изделиях его не грубость и неотесанность, а тонкую ювелирность. Мы чувствуем, что обычный «печеный» колорит обстановки должен замениться в представлении нашем прекрасными красками. Мы ясно предчувствуем, что весь обиход и жилище древнего человека не могут быть полужвериными логовищами и восходят уже к порядкам стройной жизни.

Пещеры исследовались в России, особенно в Польше, но пока никакого особенного устройства в них не найдено. Украшения и рисунки еще не открыты. В неолите еще нам известны какие-то неопределенные основания прежних жилищ с ямами очагов. *Fonds des cabanes*. Были ли это простые конические шалаши? Подобия юрт, крытые шкурами, тростниками и мехами? Или устройство их было более основательным? Пока нет утверждения. Но вспомним, что и после обширного дома иногда остается только груда печного кирпича.

Разве основание очага может сказать о прочих размерах жилья?

Остатки свайных жилищ указывают на развитую хозяйственность. Были ли у нас свайные постройки? Пока неизвестно, но они были, конечно. Идея сваи, идея искусственного изолирования жилья над землей в пределах России существует издавна. Много веков прожили сибирские и уральские «сайвы» – домики на столбах, где охотники скрывают шкуры. В меновой древнейшей торговле такие склады играли большую роль. Здесь мы у большой древности. Погребение по Нестору «на столбах при путях» – избы смерти славянской старины, сказочные избушки на курьих ножках – все это вращается около идеи свайной постройки. Многочисленные острова на озерах и реках, конечно, только упрощали устройство изолированных деревень. Жалко, что мы не можем сюда же включить и городища, окопанные валами, расположенные по прекрасным холмам, облюбованным с великим чутьем. Правда, в них находятся и каменные орудия, но ясно, что человек уже владел металлом, а камни – уже случайные «последыши» дедовской жизни.

Еще нельзя рассказать картину древнейших периодов камня. Палеолит в художественном представлении пока бесформен. Искры его высокого развития пока еще не связаны с остальными деталями жизни. Но русский неолит уже входит в картины осязательные.

В последний раз обернемся на пространство жизни с камнями.

Озеро. При устье реки стоит ряд домов. По утонченной изукрашенности домики не напоминают ли вам жилища Японии, Индии? Прекрасными тонами переливаются жилища, кремни, меха, плетенье, сосуды, темноватое тело. Крыши с высоким «дымом» крыты желтеющими тростниками, шкурами, мехами, переплетены какими-то изумительными плетеньями. Верхи закреплены деревянными резанными узором пластинами. Память о лучших охотах воткнута на края крыш. Белый череп бережет от дурного глаза.

Стены домов расписаны орнаментом в желтых, красных, белых и черных тонах. Очаги внутри и снаружи: над очагами сосуды, прекрасные узорчатые сосуды, коричневые и серо-черные. На берегу – челны и сети. Сети сплетали долго и тонко. На сушильнях шкуры: медведи, волки, рыси, лисицы, бобры, соболя, горностаи...

Праздник. Пусть будет это тот праздник, которым всегда праздновали победу весеннего солнца. Когда надолго выходили в леса, любовались цветом деревьев, когда из первых трав делали пахучие венки и украшали ими себя. Когда плясали быстрые пляски, когда хотели нравиться. Когда играли в костяные и деревянные рожки-дудки. В толпе мешались одежды, полные пушных оторочек и плетешек цветных. Переступала красиво убранная плетеная и шкурная обувь. В хороводах мелькали янтарные привески, нашивки, каменные бусы и белые талисманы зубов.

Люди радовались. Среди них начиналось искусство. Они были нам близки. Они, наверное, пели. И песни их были слышны за озером и по всем островам. И желтыми пятнами колыхались огромные огни. Около них двигались темные точки толпы. Воды, бурные днем, делались тихими и лилово-стальными. И в ночном празднике быстро носились по озеру силуэты челнов.

Еще недавно вымирающие якуты, костенеющим языком своим, пели о весеннем празднике.

«Эгяй! Сочно-зеленый холм! Зной весенний взыграл! Березовый лист развернулся! Шелковистая хвоя зазеленела! Трава в ложбине густеет! Веселая очередь игр, веселья пора!»

«Закуковала кукушка! Горлица заворковала, орел заклектал, взлетел жаворонок! Гуси полетели попарно! У кого пестрые перья – те возвратились; у кого чубы тычинами – те стали в кучу!»

«Те, для кого базаром служит густой лес! Городом – сухой лес! Улицей – вода! Князем – дятел! Старшиною – дрозд! – все громкую речь заведите!»

«Верните молодость, пойте без усталости!»

Так дословно певали бедные якуты свою весеннюю песнь.

О каменном веке когда-нибудь мы узнаем еще многое. Мы пойдем и оценим справедливо это время. И узанный каменный век скажет нам многое. Скажет то, что только иногда еще помнит индийская и шаманская мудрость!

Природа подскажет нам многие тайны первоначалья. Еще многие остатки красоты мы узнаем. Но все будет молчаливо. Язык не остался. Ни находки, ни фантазия подсказать его не могут. Мы никогда не узнаем, как звучала песнь древнего. Как говорил он о подвиге своем? Каков был клич гнева, охоты, победы? Какими словами радовался древний искусству? Слово умерло навсегда.

Мудрые древние Майи оставили надпись. Ей три тысячи лет:

«Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь, кто мы? – Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю, землю страдания и землю любимую! Кто мы? – Мы земля».

Когда чувствовал древний приближение смерти, он думал с великим спокойствием:
«отдыхать иду».

Не знаем, как говорили, но так красиво мыслили древние.

1908

Подземная Русь

Пусть наш Север кажется беднее других земель. Пусть закрылся его древний лик. Пусть люди о нем знают мало истинного. Сказка Севера глубока и пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные озера задумчивы. Северные реки серебристые. Потемнелые леса мудрые. Зеленые холмы бывалые. Серые камни в кругах чудесами полны. Сами варяги шли с Севера. Все ищем красивую древнюю Русь.

Много лет пришлось помечтать и поговорить о раскопках в Киеве и Новгороде. Немногим любящим старину пришлось стыдиться, сердиться. Лишний раз пришлось подивиться на наших скептиков. А скептиков у нас много, особенно в искусстве и в науке. Личина глубокого скепсиса во многих житейских делах очень пригодна.

Но вот вместо холодных убивающих голосов послышались голоса живые, любящие дело. С высоким вниманием отнеслась к исследованию Новгорода Великая Княгиня Мария Павловна. Откликнулась кн. М.К. Тенишева и для начала дела прислала тысячу рублей. Гр. П.С. Уварова в личной со мной беседе высказалась сочувственно за исследование Кремля. Энергично помог председатель общества архитекторов-художников гр. П.Ю. Сюзор. Поддержали: кн. М.С. Путятин, А.В. Щусев, В.А. Покровский и прочие члены комиссии Допетровского музея.

И вот юный Допетровский музей мог на своем щите прежде всего вписать:
– «Раскопка в Новгородском кремле».

Сложилось начало большого дела, в нем будет место многим работникам и многим рублям, многим препятствиям и многим победам.

К нашему делу присоединилось и военно-историческое общество и уделило пятьсот рублей на обмеры башен и стен южной части Детинца. Особенно постарался за Новгород секретарь отдела военной археологии Н.М. Печенкин.

Было решено приступить к Новгороду немедленно. Начать исследование Кремля и для сравнения культурных слоев произвести разведки на Рюриковом городище.

Для начала не обошлось без помех. Не подождав нашу раскопку, новгородская городская управа наковыряла ям на месте, ею же отведенном для исследования. Архивная комиссия и губернатор знали об этом, но почему-то спешно не воспрепятствовали, как следовало бы. Приезжал член археологической комиссии Б. Фармаковский, возмущился действиями управы и архивной комиссии и доложил в Петербург. Археологическая комиссия потребовала предать суду неожиданных копателей. Новгородское общество любителей древности не нашлось немедленно протестовать против действий управы. Вообще, любезностью и тороватостью новгородцы не отличались. Произошла путаница.

Только стараниями разных ученых обществ нелепое постановление Думы было отменено.

Пока шла неразбериха с ямами, накопанными управой, мы с Н.Е. Макаренком, секретарем Допетровского музея, поехали для разведок на Рюриково Городище. Остановились в церковном училище наискось от жирных стен Юрьева монастыря. Где-то в этих местах Аристотель Фиораванти навел через Волхов мост для Ивана Грозного, стоявшего на Городище.

Кроме исконного поселения, на Городище долгое время жили новгородские князья со своими семьями. Московские князья и цари часто тоже стояли на Городище, хотя иногда разбивали ставки и на Шаровище, где теперь Сельцо, что подле Нередицы. Княжеские терема оставались на Городище долго. Вероятно, дворец на Городище, подаренный Петром I Меншикову, и был одним из старых великокняжеских теремов.

Богатое место Городище! Кругом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом – Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой

лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются – Лядка, Волоотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь. Никола на Липне, за лесом синее Бронница. Все, как на блюдечке за золотым яблочком.

Озираемся с бугра, на котором стоит высокий крест. Зовется место: «Никола». Среди храмов Городища упоминается Никольская церковь, сгоревшая в 1201 г. «от грома».

Исследуем бугор и действительно находим основание небольшой деревянной сгоревшей церкви, но существовала она, видимо, и в XVIII в. Вещи сплывались. Осталась белая смазка пола, как в Нередице, и гончарные плиточки довольно тонкого обжига.

Из пяти церквей, известных на Городище по летописям, теперь сохранилась лишь одна Благовещенская, построенная в 1099 г. Мстиславом Великим, сыном Мономаха. В этом храме находилось знаменитое Мстиславово Евангелие. От прочих храмов, от всех теремов ничего не осталось. Даже и развалин не видно. Только в крутых обрывах по Волхову пестреют известь и кирпичи. Явно, что какие-то строения смыты бешеной во время ледохода рекой. Предположения оправдываются. В ризнице церкви находим план Городища 1780 г. На плане видно, что за столетие с небольшим Волхов, изменяя свое течение, оторвал около 12 саженей высокого берега. Насколько же раньше выступало вперед Городище! В Волхове покоятся и терема и часть храмов. Словом, вся лучшая часть поселения; все, что стояло на видных передовых местах. Теперь понятно, почему главную массу старинных предметов находят не на берегу, а весной внизу, подле самой воды. Из-под берегов к нам несут местные находки: браслеты, обломки вислых печатей, бусы, черепки и металлические поделки. Нам ясна толщина жилого слоя и гибель лучшей части Городища, пора спешить в Кремль.

Кремль много раз перестраивался. Начат каменный Кремль при Ярославе. Сильно перестроен и достроен при Андрее (сыне Александра Невского) и при Иване III. Возобновлены были стены при Петре I и при Александре I, и, наконец, часть рухнувшей стены была спешно вновь сложена накануне освящения памятника Тысячелетия. Еще не так давно в башнях были жилые помещения, но теперь почти все башни необитаемы. В высоком Кукуе выломаны лестницы. Княжая Башня держится только на «честном слове». В Архивной башне весь архив завален пометом. Вообще, Кремль новгородцам, видимо, представляется отхожим местом. Все башни грозят падением. Нужны многие тысячи, чтобы не заткнуть, а только починить их. И здесь наши отцы, полные отрицания старины, оставили нам плохое наследие.

Вся южная часть Детинца теперь занята огородами. Прежде здесь стояли многие строения и до 20 церквей. Здесь же проходило несколько улиц и главная улица Кремля Пискупля. Где-то возле Пискупли стоял храм св. Бориса и Глеба, поставленный на месте древней, сгоревшей Софии. На этих же огородах были все княжие постройки и самые терема. Как известно, Княжая Башня вела на Княжий Двор.

Трудно все это представить, глядя на пустырь. Не верится старинным изображениям Кремля, не верится рисункам иноземных гостей. На планах сравнительно недавних (XVIII в.) еще значатся на месте огорода какие-то квадраты зданий. Куда это все девалось?

Каким образом прочные старинные стены, трубы, фундаменты изгладились совершенно? Когда каменные кладки превратились в гладкий огород? Неразрешимые вопросы.

Стоим на пустыре среди мирной капусты. Мечтаем о белом виде Детинца. Всячески комбинируются исторические справки. Говорится много предположений. Ясно, что на первую тысячу мы не можем вскрыть многое. Хочется захватить поудобнее, повернее. Наконец, избирается место для длинной траншеи в местности Кукуя и Княжей Башни. По догадкам, здесь мы должны затронуть какие-либо постройки Княжего Двора. Конечно, еще лучше было бы место под домами причта, но оно было застроено без всяких исследований. Место с ямами, накопанными управой, конечно, решено не трогать.

Начинаем копать. Чувствуется какая-то неуверенность и даже боязнь. Пугает сведение Передольского, что жилой слой Новгорода идет до 21 аршина. Вспоминаются петербургские прочтения о том, что все слои земли давно перемешаны, перерыты.

Ниже наносного огородного слоя очень близко от поверхности земли уже показываются обломки всяких строительных материалов. Куски кирпича, цветные изразцы, части слюды, гвозди и скобы. Самого здания нет. Чуеться его близость. Опять подозреваем сады и дома причта. Этот каменного строения мусор отсюда. Черепки из верхних слоев относятся к недавнему времени и до XVI в. Видно, что слои не тронуты. Любопытная картина начинается ниже второго аршина. Вылезают деревянные срубы, основы каких-то многочисленных, густо стоявших построек. Поперек траншеи направлением на Кукуй²⁸ обнаруживается длинный помост из тесаных плах. Может быть, деревянное покрытие улицы. Конечно, окончания его неизвестны. Срубы прямо нагромодились один на другой. Между ними какие-то перемычки из вбитых стоймя бревен. Продолжения строений заманчиво далеко идут за стенки траншеи. Нам нужно дойти до материка²⁹, развлекаться случайной стенкой нельзя. Вещи становятся интереснее. Гребни, ложки, кадушки, кресала, ножи, горшечки. Уже начался старый деревянный Новгород. Очевидно, мы угадали место и находимся где-то на Княжем Дворе. Не успеваешь один слой строений быть сфотографированным, обмеренным и снятым, как за ним сейчас же вылезает другой. Многие строения, видимо, уничтожены пожаром.

Траншея приобретает фантастический вид. Оба бока наполнены уходящими в стенки земли бревнами. Тесаными и круглыми. Где высунулся помост. Где какой-то глубокий срубик в аршина полтора размером. Где наискось торчит угол, срубленный в лапу.

Главная предчувствованная нами задача разрешена. Жилые слои Кремля оказались не перекопанными. Картина древнего Новгорода не тронута. В пустующей южной части Кремля при достаточных средствах можно раскрыть все распределение зданий и улиц. Конечно, для этого нужны крупные деньги. Тысяч десять. Но зато какая большая задача будет разрешена. Настоящая национальная задача. Вряд ли можно достать казенные суммы.

Это дело частных, богатых, культурных людей. Думаю, что еще, не обращаясь к Пирпонтю Моргану, можно дожидаться средств на исследование древнейшего пункта Русского государства. Ведь есть же благодетели на храмы, больницы, школы. Наша археологическая задача тоже не есть прихоть, не есть роскошь. Познание самого себя первая задача. На ней стоит все будущее. Рискую еще раз показаться смешным. Во имя искусства и прекрасной древности это не страшно. Буду ждать, что на имя Допетровского музея в Академию наук поступят какие-то средства. Раньше я думал начать с подписки. Но во всякой подписке есть какое-то принуждение. Сперва надо испытать, любят ли у нас свое свободно, без указания. Даже курьезно, неужели никто, подобно кн. Тенишевой, не захочет вписать в свою деятельность: «содействие исследованию древнего Новгорода». Неужели ни в ком из промышленного мира уже не живы, забыты заветы великой взаимопомогающей Ганзы.

Осторожно двигаемся глубже. Рабочим неудобно выбирать землю среди нагромождений дерева.

Никому не известно, каким образом громоздились срубы друг на друга в разных направлениях, нарастая в слой 3–4 аршина. Можно думать по черепкам, что мы находимся в XIII в. Может быть, даже и раньше, так как А.А. Спицын не раз отодвигал датировку гончарных форм и орнаментов. Горшки такие же, как на Днепре под Смоленском, в славном варяжском гнезде в Гнездове.

Уже кончаем пятый аршин. О материке нет и помина. Рабочим уже тесновато работать.

---

²⁸ Одна из башен Новгородского кремля.

²⁹ В археологии – уровень, с которого начинаются напластования культурного слоя.

«А если здесь слой аршин на десять? Что же тогда будем делать?» – недоумевает Макаренко.

В этом вопросе первая мысль о деньгах. Хватит ли довести до материка. Иначе никакой картины кремлевских напластований не получится и вся наша работа будет почти ни к чему. Но пока работа кипит.

Вторую траншею закладываем у Княжей Башни, которая стояла у Княжего Двора и где заметны какие-то впадины и бугорки. Очевидные следы строений. Созаем, что очень глубоко рыть нельзя из-за близости разрушающейся башни. Если башня рухнет вовсе и не по нашей вине, какой вой подымут разные человекоподобные? Но нужно знать, что заключают в себе видимые бугры.

Не глубже как на пол-аршина натываемся на каменную кладку. Освобождаются три стены небольшого квадратного помещения, имевшего кирпичный пол, сложенный в клетку. Вероятно, строение примыкало к башне. Около стен обычные находки: изразцы, слюда. Кроме того, осколки ядер и частицы панциря. Кирпичный пол имеет заметные склоны к бокам. Уж не свод ли? Пробуем, под кирпичом идет насыпной чистый песок, а еще на 8 вершков начинается знакомый черный нажитой слой. По бокам открытого строения заметны следы каких-то деревянных оснований. Сразу намечается сыпь развалин, которая скрыта под всем огородом. Весь Кремль – нераскопанный курган.

На веселом июльском припеке наблюдаю приятную картину. Рядом помещается неутомимый Н.Е. Макаренко, кругом него мелькают разноцветные рукава копальщиков. Растут груды земли, черной, впитавшей многие жизни. У Княжей Башни орудуют наши рьяные добровольцы: искренний любитель старины инженер И.Б. Михаловский и В.Н. Мешков. На стене поместился со своими обмерами мой брат Борис. Из оконцев Кукуя выглядывают обмерщики Шиловский и Коган. Взвод арестантов косит бурьян около стены. Из новгородцев интерес проявляют Романцев, Матвеевский, о. Конкордин. Хоть посмотреть приходят.

Кроме того, мы знаем, что у Федора Стратилата на Торговой стороне очищают фрески (и пока хорошо очищают). На Волотове Мясоедов, Мацулевич и Ершов изучают и восстанавливают стенопись.

Кажется, что Новгород зашевелился; кто-то его пытается пробудить.

Но радость недолгая, по крайней мере, для нашей партии. Деньги уплывают. На новгородцев надежды нет. Скоро придется отложить работу до новых средств.

О новой траншее уже и не думаем, хотя места для нее так и напрашиваются. Всеми участниками овладела одна мысль: хоть бы до материка дойти. Напряженно следим за каждым новым ударом лопаты.

Уже спустились на шестой аршин. «Срубы не прекращаются. Вещи идут уже из XII–XI вв.

Из боков траншеи уже просачивается вода. Каждое утро приходится ее откачивать ведрами. В сырой земле трудно и неприятно работать. Поэтому появление материка приветствуется одинаково и нами, и рабочими.

Материк показался на глубине 6 аршин 5 вершков. Подчищаем яму и подводим итоги.

Ожидание нас не обмануло. Если год тому назад я писал только по догадке, что Великий Новгород лежит под землей нетронутым, то теперь могу это повторить уже на деле.

В Кремле культурный слой невредим и ждет исследователей. В толщине от 4 до 7 аршин. Кремль насыщен всякими строениями разных веков.

Надо уезжать. Открытую траншею пробуем передать в ведение предварительного комитета будущего археологического съезда, но председатель комитета, местный губернатор, оказался не в силах охранить нашу раскопку до съезда. Придется тратить последние деньги еще на засыпку, а съезду нельзя будет представить картину напластований Кремля. Жаль.

На прощанье еще раз осматриваем несколько пригородных древних мест – Волотово, Ковалево, Холопий Городок, Лисичью Гору, Вяжицкий монастырь. На всех местах могут быть

интересные исследования. В Ковалево и на Лисичьей Горе еще вполне видны внушительные монастырские очертания. Но для этих работ нужны большие деньги. Так же как и на поддержание Вяжицкого монастыря.

О Вяжицком монастыре мало знают. Благодаря отвратительной дороге мало кто его посещает. Но сам монастырь достоин большого внимания.

Не сусальный великан, как Юрьев монастырь. Не пограничный терпелец, как Псково-Печерский. Не суровый печальник, как Валдайско-Иверский. Вяжицкий монастырь особенный. Одинокая дорога по непроездным вяжищам упирается в монастырь. Около, на поляне, деревушка. Кругом леса и болота. Дальше и дороги нет.

В марте будущего года монастырь будет праздновать свое пятисотлетие. Жаль, если ему придется справлять праздник в таком же запущенном виде, как сейчас. Вновь назначенный архимандрит о. Вячеслав с первого дня приезда начал подчищать «нажитые слои». Но денег мало, и задача о. Вячеслава трудна.

Хотя отдельные помещения монастыря еще относятся к XVI в., но общий вид его надо считать никоновским. При Никоне монастырь обстроился, насчитывал несколько сот монахов, а главное – изукрасился отличными изразцами. Теперь грустно видеть, как обширное хозяйство монастырское обеднело, здания дают трещины, украшения падают. Надо думать, что о. Вячеславу удастся найти средства поддержать обитель.

Не в далеких пустынях, не за высокими горами все, все полно находок, все ждет работников, все нуждается в помощи, а здесь, между нами, в трех, четырех часах езды из средоточия страны. Да и обеднел-то не какой-нибудь проходимец, а сам Господин Великий Новгород.

Теперь о старине принято говорить. К старине потянулись. За два последних года в одном Петербурге создано три общества любителей старины. Музей старого Петербурга. Допетровский музей искусства и быта. Общество охранения памятников старины, поставившее себе первую отличную задачу – хорошо восстановить и поддержать историческое село Грузино.

Сейчас о старине столько пишут, что нам, поднимавшим это движение, даже страшно становится.

Уж не мода ли это? Просто случайная, скоро проходящая мода? Или это следствие культурности?

Только будущее даст верный приговор. Только оно укажет, кто из каких целей занимался стариной.

Одно – пустой, ненужный разговор. Совершенно другое – дело, требующее знаний, труда, затрат и любви.

Пока будем надеяться, что к старине общество пошло путем искренности и восхищения, живым путем изучения старины для ступеней будущего творчества.

Научаемся верить, что:

«Не знающий прошлого не может думать о будущем».

Иконы

Еще один иноземец уверовал в наши старые, чудесные, красивые иконы. Ришпэнь смотрел в Москве выставку, устроенную Московским археологическим институтом, и пришел в восторг от красоты наших священных изображений. Вспомним, что Морис Дени и Матисс, когда были в Москве, а Бланш, Симон и целая толпа лучших французов, когда видели наше искусство в Париже, воздали заслуженное нашим иконам и нашему старому искусству.

Называю иноземцев, ибо нам, своим, не верили, когда мы, в восторге, говорили то же самое. Даже всего десять лет назад, когда я без конца твердил о красоте, о значительности наших старых икон, многие, даже культурные люди еще не понимали меня и смотрели на мои слова как на археологическую причуду.

Но теперь мне пришлось торжествовать. Лучшие иноземцы, лучшие наши новаторы в иконы уверовали. Начали иконы собирать не только как документы религиозные и научные, но именно как подлинную красоту, нашу гордость, равноценную в народном значении итальянским примитивам.

Слава Богу, слепота прошла: иконы собирают; из-под грязи возжигают чудные, светоносные краски; иконы издают тщательно, роскошными изданиями; музеи гордятся иконными отделами; перед иконами часами сидят в восхищении, изучают, записывают; иконами гордятся. Давно пора!

Наконец мы прозрели; из наших подспудных кладов добыли еще чудное сокровище. Это сознание настолько приятно, что можно даже простить тот снобизм, который сейчас возникает около «модного» иконного почитания. Снобы – этот маленький ужас наших дней – пройдут и займутся новым «сегодняшним» днем, а правдивый «завтрашний» день сохранит навсегда великое сознание о прекрасном русском народном творчестве, выявившемся в старых иконах.

Кроме пополненных музеев, у нас разрослись богатые собрания Лихачева, кн. Тенишевой, Ст. Рябушинского, Остроухова, Харитоненко... Все это – крепкие, любовные руки, и попавшее к ним будет свято и укрепится в твердом месте. Гр. Д. Толстой и Нерадовский тоже стараются для Русского музея, и при них иконный отдел становится на должную высоту. Давно пора!

Хорошо сделал и Московский археологический институт, что вовремя сумел устроить хотя и небольшую числом, но великую значением выставку.

Радуюсь, что Москва оценила выставку, посещает, любит ее. Значение для Руси иконного дела поистине велико. Познание икон будет верным талисманом в пути к прочим нашим древним сокровищам и красотам, так близким исканиям будущей жизни.

Великий Новгород

– «Бояху-бо ся зверинога их нрава», – замечает о новгородцах Никоновская летопись.

Боялись князья идти управлять сильными, непокойными ильменцами.

Но напорочила Марфа-посадница. Стал Великий Новгород самым скромным, самым тихим из русских городов.

Притаился.

Скрыл свой прежний лик. Никто не представит себе, как тянулся великий, пестрый, шумный ганзейский город на версты до Юрьевского монастыря, до Нередицы, до Лядки. Никто не признает жилым местом пустые бугры и низины, сейчас охватившие Новгород.

Даже невозможно представить, чтобы когда-нибудь новгородцы:

«Были обладателями всего Поморья и до Ледовитаго моря и по великим рекам Печоры и Выми и по высоким непроходимым горам во стране, зовомой Сибирь, по великой реке Оби и до устья Беловодных реки: тамо бо беруще звери дики, серечь соболи».

Трудно поверить, как ходили новгородцы до моря Хвалынского (Каспийского) и до моря Венецийского.

Невообразимо широк был захват новгородских «молодых людей». Молодая вольница беспрерывно дерзала и стремилась. Успех вольницы был успехом всего великого города. В случае неудачи старейшинам срама не было, так как бродили люди «молодшие». Мудро!

Но везде, где было что-нибудь замечательное, успели побывать новгородцы. Отовсюду все ценное несли они в новгородскую скрину. Хранили. Прятали крепко.

Может быть, эти клады про нас захоронены.

В самом Новгороде, в каждом бугре, косогоре, в каждом смыве сквозит бесконечно далекая обширная жизнь.

Черная земля насыщена углями, черепками, кусками камня и кирпичка всех веков, обломками изразцов и всякими металлическими остатками.

Проходя по улицам и переулкам города, можно из-под ноги поднять и черепок X–XII вв., и кусок старовенецианской смальтовой бусы, и монетку, и крестик, и обломок свинцовой печати...

Глядя на жирные пласты прошлых эпох, не кажется преувеличенным сообщение В. Передольского, что жилой слой новгородской почвы превышает семь саженей.

Вы идете по безграничному кладбищу. Старое, изжитое место. Священное, но ненужное для жизни.

Всякая современная жизнь на таком священном кургане кажется неуместной, и, может быть, не случайно сейчас глубоко усыплен временем Великий Новгород.

Пора серьезно опять обратиться к старому Новгороду.

Обстоятельства создают и собирателей. Но их мало.

Собрание Передольского с его широкими, но путанными замыслами лежит под спудом, а между тем оно важно для Новгорода так же, как собрание Плюшкина близко Пскову.

Да оно и много лучше собрания Плюшкина.

Следует помогать таким собирателям. Но не хватит у города находчивости из этих собраний сделать продолжение своего расхищенного музея.

Поймут ли «отцы города», что в их руках сейчас не рыбное, не лесное, не хлебное дело, а единственное подлинное сокровище – бывшее Новгородом со всеми его останками?

В 1911 г. Великий Новгород будет праздничным.

После долгих сомнений справедливо решено собрать в Новгороде археологический съезд.

Во главе съезда опять будет отзывчивая гр. П.С. Уварова. Она умеет поднять людей, умеет и взять дело пошире. В ней есть то, чем «любитель» часто одолевает «специалистов». Ко времени съезда Новгороду придется показать многое из того, что скрыто сейчас.

Мое предложение образовать музей допетровского искусства и открыть всероссийскую подписку на исследование Новгорода, древнейших городов русских было встречено очень многими сочувственно.

Мне кажется, не откладывая, следует всеми силами начать собирать средства.

Находки из этих исследований, – а их будет огромное количество, – должны поступить в музей допетровского искусства и быта. Как ни странно, но до сих пор в столице нет многоцелевого историко-бытового музея.

Отдельные находки сосредоточены в Эрмитаже, в археологическом обществе и археологическом институте. Небольшие отделы находятся в Академии наук, в артиллерийском музее, в хранилищах университета, но все это разрозненно, часто трудно доступно.

Нужен в Петербурге музей, равный по значению московскому историческому. И России, где находки еще только начинают выявляться, следует подумать о материалах для такого хранилища. Конечно, начнем с Новгорода и Киева.

Несколько обществ, несколько издательств могут приняться за это большое культурное дело.

В первую голову принялось за дело исследования городов общество архитекторов-художников, которое собирается в Академии Художеств в Петербурге. И это правильно.

Вот почему. Во-первых, исследование городов должно быть ближе всего зодчим. Они творцы лица государства.

Зодчим поручается многое в укладе нашей жизни – велико должно быть к ним и доверие.

Именно зодчим должны быть ведомы условия нарастания городов. Они больше других должны чувствовать всю захороненную житейскую мудрость прежних устройств.

Строительная молодежь, которая собирается вокруг общества архитекторов-художников, будет крепнуть на таких исторических изысканиях, развивая свой вкус и опыт для нового творчества.

Во-вторых, общество архитекторов-художников молодо. Пока – вне всяких скучных запретительных традиций. Общество быстро развивается и не боится новых дел. В общество охотно идут, и таким путем складывается кадр многосторонний, пригодный для крупных начинаний.

Молодому обществу удалось уже многое спасти, многое выяснить. Зоркие молодые глаза рассмотрели уже много вандализмов и громко указали на них.

Обществу покровительствует Великая Княгиня Мария Павловна, новый президент Академии Художеств. Великая Княгиня с большим рвением занялась новой работой. Она окажет самое горячее покровительство широкому общегосударственному делу, близкому каждому любителю искусства и старины.

Следует начать подписку. Помощь будет.

Уже в 1911 г. к съезду работа может дать первые результаты.

В конце июля Комиссия Допетровского музея начнет раскопку южной стороны Детинца, где стояли княжьи терема, а также пять старых храмов. В то же время возможна раскопка и на старом городище, где долгое время жили княжьи семьи.

Люблю Новгородский край. Люблю все в нем скрытое. Все, что покоится тут же, среди нас.

Для чего не надо ездить на далекие окраины: не нужно в дальних пустынях искать, когда бездны еще не открыты в срединной части нашей земли. По Новгородскому краю все прошло.

Прошло все отважное, прошло все культурное, прошло все верящее в себя. Бездны нераскрытые! Даже трудно избрать, с чего начать поиски.

Слишком много со всех сторон очевидного. Чему дать первенство? Упорядочению церквей, нахождению старых зданий, раскопкам в городе или под городом в самых древних местах?

Наиболее влекут воображение подлинный вид церквей и раскопка древнейших мест, где каждый удар лопаты может дать великолепное открытие.

На Рюриковом городище, месте древнейшего поселения, где впоследствии всегда жили князья с семьями, все полно находок. На огородах из берегов беспрестанно выпадают разнообразные предметы, от новейших до вещей каменного века включительно.

Чувствуется, как после обширного поселения каменного века на низменных Коломцах при впадении Волхова в Ильмень жизнь разрасталась по более высоким буграм через Городище, Нередицу, Лядку – до Новгорода.

На Городище, может быть, найдутся остатки княжских теремов и основания церквей, из которых лишь сохранилась одна церковь, построенная Мстиславом Владимировичем.

Какие поучительные таблицы наслоений жизни может дать исследование такого старинного места. Обидно, когда такие находки разбегаются по случайным рукам.

Кроме Городища, целый ряд пригородных урочищ спорит о древности своего происхождения.

Коломцы (откуда Передольский добыл много вещей каменного века), Лядка, Липна, Нередица, Сельцо, Раком (бывший дворец Ярослава), Мигра, Зверинцы, Вяжищи, Радятина, Холопий городок, Соколя Гора, Волоотово, Лисичья Гора, Ковалево и многие другие урочища и погосты ждут своего исследователя.

Но не только летописные и легендарные урочища полны находок.

Прежде всего, повторяю, сам город полон ими. Если мы не знаем, чем были заняты пустынные бугры, по которым, несомненно, прежде тянулось жилье, то в пределах существующего города известны многие места, которые могли оставить о себе память.

Ярославле Дворище (1030 г.), Пятрятино Дворище, Двор Немецкий, Двор Плесковский, два Готских Двора, Княжий Двор, Гридница Питейная, Клеймяные Сени, Дворы Посадника и Тысяцкого, Великий Ряд, Судебная Палата, Иноверческие ропаты (часовни), Владычни и Княжьи житницы, наконец, дворы больших бояр и служилых людей – все эти места, указанные летописцами, не могли исчезнуть совсем бесследно.

На этих же местах внизу лежит и целый быт долетописного времени.

Все это не исследовано.

Дико сказать, но даже Детинец³⁰ новгородский и тот не исследован, кроме случайных хозяйственных раскопок.

Между тем Детинец весьма замечателен. Настоящий его вид не многого стоит. Слишком все перестроено.

Но следует помнить, что место Детинца очень древнее, и площадь его, где в вечном поединке стояли Княж-Двор, и с Владычной стороны св. София видела слишком многое.

Уже в 1044 г. мы имеем летописные сведения о каменном Детинце. Юго-западная часть выстроена князем Ярославом, а северо-восточная – его сыном св. Владимиром Ярославичем. Хорошие, культурные князья! От них не могло не остаться каких-либо прекрасных находок.

Словом, огромный новгородский курган не раскопан. Можете начать его, откуда хотите, откуда удобнее, откуда более по средствам и силам.

Хотите ли заняться восстановлением церквей? У вас тоже есть всюду работа, так как в каждой старой церкви что-нибудь нужно во имя искусства исправить.

Возьмем, что легко вспомнить.

---

³⁰ Внутреннее укрепление в средневековых русских городах, как правило, вокруг резиденции князя или епископа.

Красивая церковь Петра и Павла на Софийской стороне испорчена отвратительной деревянной пристройкой. Уровень храма был на целый этаж ниже. На стенах, несомненно, были фрески.

В церкви Федора Стратилата у Ручья замазаны фрески. Их следует открыть.

В Николо-Дворищенском соборе на стенах совершенно непристойная живопись. Были фрески: вероятно, что-нибудь от них сохранилось.

У Федора Стратилата на Софийской стороне замазаны цветные изразцы.

В Благовещенской церкви на Рюриковом Городище фрески далеко не исследованы.

Также не исследованы вполне стенописи в Волотове и Ковалева. В Ковалева ясно видны три слоя живописи. Из них нижний слой, конечно, наиболее интересен.

Можно привести длинный список всего, что нужно исправить в церковной старине Новгорода.

Длинен мог бы быть и список непоправимого.

Умерло многое уже на наших глазах.

Под непристойной работой сафоновской артели погиб Софийский храм. Приезжие иностранцы недоумевают о такой невообразимой для первоклассного собора росписи. Чуждыми и странными кажутся случайно сохранившиеся еще иконостасы и отдельные иконы.

Без горести нельзя вспомнить о погибшей внешности Нередицкого Спаса.

Сиротливо стоит Новгородская глава на новых византийских плечах. Нелепы византийские формы при глубоко ушедших в землю фундаментах. Нестерпимо сухи вновь пройденные карнизы и углы.

Смотрю на Спаса и еще раз мысленно говорю Покрышкину, что он сделал со Спасом прескверное дело. Поступил не по-христиански.

На собрании общества архитекторов-художников после моего доклада о Спасе Покрышкин только сказал: «дело вкуса».

Он прав. Ничего другого ему сказать не оставалось. И на это сказать тоже нечего. Станный бедный вкус!

В середине Спаса теперь часто копошатся художники.

Зарисовывают.

Вспоминаю, что во время моих первых поездок по старой Руси не встречалось так много работающих над стариной.

Значит, интерес растет. Наконец-то!

Случайная встреча еще раз подсказывает, что в Новгороде искать надо.

Ехали мы на Коломец к Ильмену.

От Юрьевского скита закрепчал «боковик». Зачехала вода по бортам. Перекинуло волну. Залило.

Затрепетала городская лодка. Подозвали мы тяжелую рыбачью ладью, в ней пошли на Коломец.

Старик рыбак держал рулевое весло. За парусом сидела дочка. На медном лице сияли белые зубы.

Спросили ее:

– Сколько лет тебе?

– А почему знаю.

– Да неужели не знаешь. Ну-ко, вспомни. Подумай!

– Не знаю, да, верно, уже больше двадцати.

И сидели рыбаки, крепкие. Такие помирают, но не болеют.

На Коломце скоро заторопил старик обратно:

– А то, слышь, уеду! Лодки-то сильно бьет!

Заспешили. Забрались на рыбачью корму, но городская лодка с копальщиками не сходила с берега.

Трое гребцов не могли тронуть ее.

– Али помочь вам? Садитесь вы все! – пошла по глубокой воде дюжая новгородка.

Взялась за лодку и со всеми гребцами легко проводила в глубину. С воды прямо взобразалась на корму.

Сущая Марфа Посадница.

А рядом, на высокой корме, сидел ее старик. Суховатый орлиный нос. Острые запавшие глаза. Тонкие губы. Борода – на два больших кудряша. И смотрел на волны зорко. Одолеть и казнить их собрался.

Сущий Иван Грозный.

Марфа Посадница, Иван Грозный! Все перепуталось, и стала встреча с диковатыми рыбаками почему-то нужной среди впечатлений.

Такой народ еще живет по озерам. Редко бывает в городе. Так же, как земля, умеет он хранить слова о старине. Так же, как в земле, трудно узнать, откуда и с чего начать с этим народом.

Везде нетронуту. Всюду заманчивые пути творчества. Всегда богатые находки.

Придут потом другие. Найдут новые пути. Лучшие приближения. Но никто не скажет, что искали мы на пустых местах. Стоит работать.

На кургане

I

Кто хоть немного соприкасался с археологией и хоть один раз побывал на раскопке, тому ведомо, насколько увлекательно это дело. Обычное по сему предмету острословие: «Археология – мертвечина! Пыльная наука – археология! Гробокопатели! Вампиры! Прозаики! Мумии!» – особенной остротой, боюсь, не отличается.

– Помилуйте, слышу, это до России, пожалуй, не относится; у нас-то какая же археология, разве кроме степей? Хорошо и прилично говорить об археологии в Греции, в Италии, наконец, на нашем Юге и Востоке, а здешние меланхлены и гипербореи вряд ли оставили после себя что-либо занимательное!

– Да ведь всякая местность, мало-мальски пригодная для жилья, имеет свою археологию, будет ли это Киевская, Новгородская или Петербургская губерния...

– Что такое? Скажете, что и Петербургская губерния тоже даст пищу для археолога? Подите вы! Я понимаю, говорить о раскопках в Помпее, Азии, в степях, на худой конец в Новгороде – все-таки варяги там, что ли, но раскопка Петербургских курганов, да это даже не принято как-то! Точно на свалке сардинные коробки вырываете! Неужели и здесь что-нибудь может находиться? Пожалуй, одни шведские пуговицы, потерянные в петровское время!

Действительно, зачастую древности С.-Петербургской губ. или древней Водской Пятины Новгорода пользуются в обиходе репутацией довольно сомнительной; всякий археологический памятник этой местности, о котором уже трудно сказать, что это случайная груда камней или естественное возвышение, относится ко времени шведских войн. Древние кресты новгородского типа, обильно встречаемые на полях, – шведские. Курганы – шведские могилы; городища – «шведские шанцы». Словом, все, что несомненно принадлежит древности, – все шведское, хотя на самом деле вовсе не так.

Шведский, петровского времени, элемент играет самую последнюю роль среди древностей Водской Пятины (СПб. губ. тоже). Никто шведскими древностями этого периода не занимается, и никакого интереса они представить не могут. И без них материала более чем достаточно, материала важного и поучительного. Главный контингент местных древностей составляют памятники от X до XV в. Подробности древнерусского обряда погребения и анализ найденных в курганах предметов позволяют без большого колебания отнести эти древности к новгородским пограничным славянам. С севера давила на них Чудь и Ижора, финские племена, сидевшие на Неве и по Приладожью; на западе они граничили с Финской Емью (эстами), на северо-западе с небольшим, родственным эстам и тавастам, племенем Водью, давшим название всей Пятине. В настоящее время Водь и Воддялайзет занимают небольшое число селений в районе Петергофского уезда.

Древности эстов разработаны довольно хорошо, как и вообще все остзейские. Памятники Ижоры известны в весьма скудном количестве; а водские древности пока еще не установлены. Некоторые исследователи приписывают все местные древности вожанам, но в сущности тип водских погребений еще не известен и может быть выяснен только новыми изысканиями. Водь – племя невеликое, никогда в истории не выступавшее в сильной роли. (В 1149 году отряд Еми в 1000 человек нападает на Водскую землю, и Водь может с ним справиться только при помощи новгородцев.)

Славянское соседство, кстати заметить, всегда оказывало на финнов сильное влияние, и притом влияние доброе, из летописи Генриха Латыша знаем, что когда священник Альбрандт был послан с дружиною и рыцарями в Ливонию с предложением народу принять святое кре-

щение, то народ ливонский бросил жребий и спрашивал у своих богов, которая вера лучшая – псковская или латинская. Народ, очевидно, предпочел псковскую, т. е. православную, и только из страха принимал крещение от западного духовенства.

Для полных заключений о С.-Петербургской губернии нужны еще новые археологические изыскания, преимущественно в пределах Петергофского уезда; хотя цифра исследованных древних погребений СПб. губ. достигла солидных размеров и превышает 6000, но этим все же нельзя ограничиться³¹.

Среди местных исследователей первое место заслуженно принадлежит ныне покойному прозектору Военно-Медицинской академии Л.К. Ивановскому, производившему раскопки от 1872 до 1892 г., остановленные его смертью.

Из других раскопок в СПб. губ. надо отметить раскопку Волховских сопкок, произведенную Н.Е. Бранденбургом. Волховские сопки – это древнейшие курганы края; время их, судя по найденным в них предметам, относится к IX и VIII вв. Самые большие сопки имеют в высоту 4–5 сажен. Затем в Лужском и Гдовском уездах производились раскопки г. Шмидтом, Мальмгреном, слушателями археологического института и некоторыми другими.

Находками отдельных вещей СПб. губ. пока не богата. А.А. Спицын указывает некоторые наиболее важные: в 1875 г. были найдены при д. Княжино Ново-Ладожского уезда, вместе с сассанидскими, умейядскими и табаристанскими монетами VI–IX вв. 3 серебряных монетных слитка. В начале нынешнего столетия был найден громаднейший клад арабских монет на берегу Ладожского озера. Куфические монеты VII – X вв. были находимы в Галерной гавани, в Старой и Новой Ладоге, около Ропши, и в некоторых других местах. В Старо-Ладожской крепости была найдена золотая куфическая монета 738 г.

Находки каменного века в СПб. губ. тоже немногочисленны и приурочиваются к побережью Ладожского озера³² и долине р. Луги.

Местонахождение курганов, исследование которых, таким образом, представляет главную работу, находится, конечно, в связи с местом древних поселений, в свою очередь обусловленным характером местности, изрезанной непригодными для жилья моховыми болотами (прежде озерами). Главные поселения, оставившие нам обильнейшие курганные поля довольно разнообразного содержания, были расположены на ровном суходоле между Царским Селом и Ямбургом; это плоскогорье проникает в долину р. Луги, соприкасается с песчаными лесистыми верховьями р. Оредежи (Сиверская) и не доходит верст на 10–20 до побережья Финского залива. Это в северной части губернии. В южной, более возвышенной, занятой не только новгородцами и псковичами, немало удобных для поселения мест в системе озер Вердуга, Сяберское, Черемнецкое, Чернозерское и др.³³

Состояние и внешний вид местных курганов не одинаковы. То огромными полями, поросшими мелкой ольхой и орешником, многими сотнями сплошь унижают они десятки десятин, то небольшими группами (5–20) или одиноко маячат они посреди пашни; иной раз представляют они свежие, крепкие, словно вчера сложенные конусы до 2 саж. с высокой вершиной и правильной, резко обозначенной каменной обкладкой основания, в других же случаях вершина оказывается глубоко осевшею – сама насыпь осунулась, пригорюнилась или же пред-

³¹ А.А. Спицын. «Курганы СПб. губ. в раскопках Л.К. Ивановского». СПб., 1896 г. и мои рефераты в Императорском Русск. археологич. общ. «Раскопки последних лет в курганах Водской Пятины» (1890), «Раскопки 1897 г. в курганах СПб. губ.»; «Новые данные о курганах СПб. губ.» (1898), «К вопросу о типах погребения в СПб. губ.» (1898).

³² *Иностранцев*. «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера». СПб. 1882.

³³ А.А. Спицын. «Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении» («Записки Имп. Русск. археолог. общ.»).

ставляется только небольшим неправильным расплывшимся возвышением, так что работники отказываются разрывать его, уверяя, что это крот нарыл. Проезжая по деревням, нередко приходится ехать по каким-то еле приметным буграм, и только заезженное каменное кольцо основания напоминает об исчезнувшем кургане. Многие насыпи поросли лесом, деревья насквозь пронизали их своими корнями; невольно вспоминаются курганные сосны при деревне Черная (Царскосельского уезда): коренастые, любовно обняли они насыпи своими мощными корнями. Сосны эти хранятся преданием, что на смельчака, отважившегося рубить одну из них, напала «трясучка».

Почти возле каждой деревни можно отыскать большую или меньшую курганную группу, но, несмотря на их обилие, расспросить о них у местных крестьян подчас не легко – надо узнать излюбленные ими выражения; если вы вместо «старой кучи» спросите о кургане или бугре, то вас ни за что не поймут. Однажды вместо городка я спросил городище – и от присутствия его немедленно отказались. Среди местных названий курганов особенно употребительны: сопка, каломище (финское *calm* – погребальный холм), старая куча, шведская могилка, бугор, гора, колониетское кладбище (если погребения без насыпи). Эсты укажут вам курганы, если спросите *vana aut*, старую могилу.

II

В мае, как засеются яровыми, можно приниматься за работу. Подается соответствующее прошение в Императорскую археологическую комиссию; в ответ на него получен открытый лист³⁴. Сбрасывается тесный городской костюм; извлекаются высокие сапоги, непромокаемые плащи; стирается пыль и ржавчина со стального совка с острым концом – неперменного спутника археолога.

Прежде самой раскопки надо съездить на разведки, удостовериться в действительном присутствии памятника. Не полагаясь на сведения разных статистиков, перекочевываете вы от деревни до деревни на «обывательских» конях с лыком подвязанными хомутами и шлеями. Всматриваетесь буквально во всякий камешек, исследуете подозрительные бугорочки, забираетесь в убогие архивы сельских церквей; подчас, ко всеобщему удовольствию, делаетесь жертвой какой-нибудь невинной мистификации. Местами вас встречают подозрительно:

– Никаких, ваше высокоблагородие, истари древних вещей в нашей окрестности не предвидится. Все бы оно оказывало.

– Сами посудите, барин, откуда мужику древние вещи взять? Ни о каких древних вещах здесь и не слыхано.

Если же вы пришли по нраву, оказались «барином добрым», «душой-человеком», то вам нечего будет принуждать к откровенности собеседника. Вечером, сидя на завалинке, наслушаетесь вы любопытнейших соображений, наблюдений естественно-научных, поверий, наивных предположений. Сперва из осторожности прибавят: «так зря болтают» или «бабы брешут», а потом, видя ваше серьезное отношение, потечет свободный рассказ о старине, о кладах, о лихих людях-разбойниках. Но не дай Бог попасть в руки книжного волостного писаря или словоохотливого попа; тут каждое дельное сведение придется покупать ценою выслушивания бесконечных замысловатых повествований:

– По одну сторону речки-то полегло славянство – гвардия, народ рослый, а по другую-то – мордва и черемисы. Черепа недавно еще находили. А вот в Лохове не так давно были ступени плитные древнейшего храма языческого, а поблизости нашли сруб, из него разные предметы добывали. В настоящее время ступени выломаны на плиту, а сруб завален камнями – известно: дурак народ!

---

³⁴ Разрешение на проведение раскопок. – *Прим. ред.*

– Степи! Степи! – восклицает другой, – знаете ли вы, господа археологи, откуда степи взялись? Неужто так и сотворил Господь Бог плешину на лоне земном? Извольте видеть этот пол? Вот окуроч, вот крошки, вот лепешка из-под каблука, и везде пыль. Беру я теперь эту метлу и провожу по полу – ни окурочков, ни грязи не бывало. Провожу еще раз – крошки исчезли. Махнем в третий – и пыли не видно, разве где по щелкам забралась – по овражкам кустики. Идут это по земле гуннские народы; идут еще... готты, вандалыцы! Невесть кто идет: и печенеги, и половцы, и татары; чище всякой метлы или щетки отполируют, выскребут на удивление, – пылинки в щелке не оставят, кустика не увидишь! И кого только не носила мать сыра земля. Много, как говорится, не снилось мудрецам! Столько сокрыто в недрах земных; вот хоть бы сопки, что подле Заполья, на самых огородах, скажу, довольно достопримечательные вещицы находили там очень фили... фи-ли... как это говорится-то?

– Филиграновые или филистерские?

– Вот, вот именно!

– Да, занятное дело – старинное время, – повествует третий, – все то разгадать, все то произойти! Как вы полагаете, что такое райское блаженство будет? Это, как вам сказать, вечное беспрепятственное познание, недоступное для нас в настоящей суетной жизни. Одни-то будут познавать – наслаждаться, блаженствовать, а другие-то зубы на полку, что на земле узнали, того и хватит. Коли ваше желание будет, интересное местечко могу я вам указать. Извольте ли вы знать городок подле Селищенской деревни – ну, просто скажу, бугор, такой немалый. А рядом с ним и сопочка кругленькая, на восточную сторону. Жил в этом городке задолго когда-то князь не князь, а князек. Была дочка у него красавица. Красавица такая – теперь таких и не найдешь! Известное дело, нонче какой народ пошел – мозгляк! Прежде не то было – богатыри, что твой Илья Муромец. Только, не знаю с чего, возьми заболей красавица эта, да и отдай Богу душу в этом самом городке. Ее похоронили знатно. Ведь и тогда небось франтихи были, что и теперь. А князек-то не пожелал больше в этих местах жить. Сопочка-то подле самого бугра, еще ручей Черченом называется...

Повыудив, что можно дельного изо всех подобных рассказов, вы приступаете к самой работе.

III

Грудой почерневшего леса и побурелой соломы раскинулась невеликая деревенька. Часа четыре утра. Петухи перекликаются. Пастух затрубил – выгоняют скотину. В сених, слышно, вздувают самовар; кто-то пробежал босыми ногами. Староста – у него вы остановились – будит вас. Стекла запотели – свежо на дворе. Зубы самовольно выстукивают что-то воинственное. Вы вздрагиваете – умываясь холодной водой. Народ уже собрался. Ломы, кирки, лопаты, топоры – необходимые раскопачные снаряды – все в исправности. Потянулась шумная гурьба к курганам, что раскинулись невдале от жилия. Небо без облачка. Из-за леса сверкает солнышко. Приятно бодрит студеный утренник.

Весело!

Из деревни много люду идет за нами сами по себе – посмотреть. Авангард мальчишек на рысях далеко впереди. Не знаю, какое другое дело возбуждает такое же неподдельное любопытство, как раскопки и рассказы о древностях. Ни горячая страда, ни жара, ни гроза – ничто не осилит его.

Пока идет незанимательная работа вскрытия верхней части насыпи, говор гудит не переставая.

– Слышь ты, тут шведское кладбище!

– Ну да, известно, не русское; русские так не хоронят.

- Дядя Федор, – толкает бойкая, задорная девка-копальщица, – здесь колонисты?
  - Вот я те выкопаю колониста, в аккурате будешь!
  - Что-й-то тут, испытание никак? – шамкает древний дед, пробираясь в толпе.
  - Слышь, дедушко! Котел нашли с золотом. Каждому мужику по 100 рублей выдавать будут, а деду не дадут.
  - Это дедке могилу копают, – толкает деда баловница девка, – и ложись, дедка, тут тебе и попоем!
  - Эх, эх, и нас-то, поди, раскопают. Косточкам-то успокоиться не дадут!
  - Так не найдете, – советует пожилая баба, – в Семкине солдатский доктор бугры перекапывал, так у него живое серебро было. Наставит он его на могилу, оно побежит-побежит да и станет, и где станет, там и копай. И всегда находили.
  - Да что находили-то, дура баба, разве дельное. Одну только серебряную цепочку нашли! В стороне слышится тихий разговор.
  - В Красной одного сидячего нашли; рядом ложка чугунная положена и ножик. В головах-то горшок.
  - Только поужинать собрался, а тут его и накрыли!
  - В Хлебниковой даче мост оказался через Ржавую мшагу, на сажень его туда засосало. Слышно, там война шла. Вот потопнуть-то можно...
  - А вот мы заправду чуть не потопили. Приходит ко мне это раз Васька Семенов; слышь ты, говорит, нашел я сопку у Вязовки, невдали от Княжой Нивы. Кругленькая, хорошая сопка, и огонек по ней порхает. Клад – беспрременно. Собьем-ка артель, да раскопаем. Вдвоем-то неспособно: и сопка-то больша, в сажень казенную будет, да, пожалуй, и страхи пойдут. Ладно! Сбили мы артель, пошли. Сопка правильная и от речки недалеко. И насыпана она неспроста: кругом выложена камнем, сверху песок да земля; потом прутняк – уже перегной. За ним хвощ да гнила. Дерево сгоревшее и негорелое. Видим – уже грунт показался. Васька щупом хватил вниз – слышит грох – дерево, значит. Хватил правее – звякнуло что-то, значит, близко. Свечерело уже. Только смотрю я, сочится с боков вода и снизу точно проступает. Васька и Федор нагнулись, руками щупают, – нащупали дерево, тянут наверх – не идет, будто держит его. Еще потянули, глядят – старая-престарая доска – сопревши вся. И хлынула из-под той самой доски вода. Ключ открылся; пошла садить; уж не то что клад – сами-то рады из ямы выбраться. Ударишь щупом – звякает что-то, котел, что ли!
  - Так и не допустила вода?
  - Еще бы тебе допустить! Оно ведь тоже заклятье какое положено! Вот в Березовском пруде золотая карета³⁵ да 5 стволов золота опущено, старики в ясные дни еще видали чуть-чуть! А поди-ка вытащи. Всем знатно, а не взять, потому заклятье, зарок.
  - А вот Петра из Красной, тот так взял клад.
  - Поди ты, взял, брешет твой Петра; может, он и нашел чугунный старый, что пастухи бросили, да только...
  - Да что только-то, ведь не сам он, а дельные люди сказывают, что и впрямь взял.
  - Пуще разбогател Петра, как и не у нас грешное тело из локтей смотрит. Богатей!
  - Впрок ему не пошло, значит – зароку не знал.
  - Господин, евося будто косточка под лопатой оказывает, – докладывает один из копальщиков.
- Спускаюсь в яму. Пахнуло свежерытой землей; посвежело после припека, – солнце уже высоко. Действительно, из-под лопаты торчит желто-бурая берцовая кость; торчит среди такого

---

³⁵ Предание о золотой карете обще всей местности. Очевидно, как предания о вольнице повлияли на Поволжье в смысле зарытых лодок с золотом, так присутствие высоких особ дало повод к розыскам золотой кареты.

же точно песка, как и вся масса насыпи, словно бы она всегда была только костью без верхних покровов.

Кость вполне определила положение костяка. Работа пошла осторожной. Обнаружились руки, сложенные у лонного соединения. Предплечье окислилось, позеленело – признак близости бронзы, которая и оказывается в согнувшейся тонкой, витой браслетке.

– Браслетка! Смотри-ка, эка штучка-то аккуратная! Тоже изделие! – проносится среди любопытных, и, дав друг друга, вся ватага устремляется к кургану, жметя к вершине.

В яме потемнело. Зола, на которой лежат кости, кажет синее: строже глядит череп земляными очами. Нижняя, удивительно развитая челюсть далеко отвалилась с осевшей землей в сторону. По бокам черепа показались височные кольца добрых вершка два по диаметру.

Летят комки земли. Мужские костяки чередуются с женскими. Долихокефальные черепа сменяются брахикефальными³⁶. Вместо копий, топоров, мечей, ножей, умбонов, щитов являются гривны, серьги, браслеты, кольца, бляшки, многоцветные бусы, остатки кос. Полное трупопожжение уступает место погребению в сидячем положении. Высокие курганы заменяются жальничными клетками (погребение в могиле без насыпи). Разнообразие нескончаемое!

Щемяще приятное чувство первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче развертываются чудесные картины.

IV

Словно бы синей становится небо. Ярче легли солнечные пятна. Громче заливается вверху жаворонок. Привольное поле; зубчатой стеной заслонил горизонт великан лес; встал он непроглядными крепями, со зверьем – с медведями, рысями, сохатыми. Стонут по утрам широкие заводья и мочежины от птичьего крика. Распластались по поднебесью беркуты. Гомонят журавлиные станицы, плывут треугольники диких гусей. Полноводные реки несут долбленые челны. На крутых берегах, защищенные валом и тыном, с насаженными по кольям черепами, раскинулись городки. Дымятся редкие деревушки. На суходоле маячат курганы; некоторые насыпи поросли уже зеленью, а есть и свежие, ровные, со стараньем обделанные. К ним потянулась по полю вереница людей.

У мужчин зверовые шапки, рубахи, толстые шерстяные кафтаны, по борту унизанные хитрым узором кольчужным, быть может ватмалом³⁷.

На ногах лапти, а не то шкура, вроде поршней. Пояса медные, наборные; на поясе все хозяйство – гребешок, оселок³⁸, огниво и ножик. Нож не простой – заводной работы; ручка медная, литая; кожаные ножны тоже обделаны медью с рытым узором. А другой, ничего что мирное время, и меч нацепил, выменянный от полунощных гостей³⁹.

На вороту рубахи медная пряжка. Пола кафтана тоже на пряжке держится, на левом плече; кто же побогаче, так и пуговицы пряжкой прихватит.

На предплечье изредка блестит витой медный браслет. На пальцах перстни разные, есть очень странного вида, с огромным щитком, во весь сустав пальца. Заросли загорелые лица жесткими волосами, такими волосами, что 7–8 веков пролежать им в земле нипочем. А зубы-то, зубы – крепкие, ровные.

---

³⁶ Антропологические типы черепов; соответственно удлиненные и укороченные.

³⁷ Ткань, которой торговали испанцы XII века.

³⁸ Каменный брусок, используемый для затачивания ножей.

³⁹ Скандинавского типа.

На носилках посажен покойник, в лучшем наряде; тело подперто тесинами. В такт мерному шагу степенно кивает его суровая голова и вздрагивают сложенные руки. Вслед за телом несут и везут плахи для костра, для тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалостно воют. Почтить умершего – разделись они; много чего на себя повешали. На головах кокошники, венчики серебряные с бляшками. Не то меховые, кожаные кики, каптури⁴⁰, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами; это не серьги, – таким обручем и уши прорвешь. Гривны на шее; иная щеголиха не то что одну либо две-три гривны зараз наденет – и витые, и пластинные: медные и серебряные. На ожерельях бус хоть и немного числом, но сортов их немало: медные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов: синяя, зеленая, лиловая и желтая; янтарные, хрустальные, медные пронизки всяких сортов и манеров – и не перечесть все веденецкие изделия. Еще есть красивые подвески для ожерелий – лунницы рогатые и заводные крестики из Царьграда и от заката.

На груди и в поясу много всяких привесок и бляшек: вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Канута Великого, епископа Бруно. Подвески-собачки, знакомые чудилам и курам; кошки – страшные с разинутой пастью, излюбленные уточки, ведомые многим русским славянам. У девок ниже пояса на ремешках спускаются эти замысловатые знаки, звенят и гремят на ходу привешенными колокольчиками и бубенчиками; священный значок хранит девку.

На руках по одному, по два разных браслета, и узкие, и витые, и широкие с затейливым узором. Подолы рубах, а может быть, и ворот обшиты позументиком или украшены вышивкой. У некоторых женщин накинута кафтанчик, на манер шушуна, но покороче.

Опустили носилки. Выбрано ровное местечко, убито, углажено, выложено сухими плахами. Посередине его посажен покойник; голова бессильно ушла в плечи, руки сложены на ноги. Сбоку копьё и горшок с кашей. Смолистые плахи все выше и выше обхватывают мертвеца, их заправляют прутняком и берестой – костер выходит на славу. Есть где разгуляться огню! Зазмеился он мелкими струйками, повеяло дымом. Будто блеснуло из полузакрытых век, в последний раз осветилось строгое, потемневшее лицо... Вдруг щелкнуло. Охнул костер, столбом взлетели искры, потянулись клубы бурого дыма.

Загудела протяжная, тоскливая погребальная песня. Отпрянул в сторону ворон, зачужавший смрад горелого мяса. Важно и чинно уселись кругом именитые родичи, понурились на посохи седые головы. За ними столпились другие, пока весь костер не обратится в кучу углей и золы с черными пятнами жира в середине. Тогда заработают заступы, понесут землю и пригоршнями, и подолами. Втроем, вчетвером покатают к кострищу немалые валуны гранитные; их много по окрестной равнине, серые, бурые, красноватые, всяких размеров – дары Силурийского моря⁴¹. Обровняли края кострища, чтобы представляло оно довольно правильный круг. В былых ногах и головах ушедшего к предкам, ставшего чуром блаженным, кладутся особо большие дикие камни, и приходится они всегда на восход и закат, ибо лицо умершего всегда обращалось в священную сторону, откуда весело кажется миру вечный могучий ярило – красное солнышко, от него идут блага тепла, а с ним плодородия.

Быстро растет возвышение; насыпь сыплется не из разной, какой попало, земли, с корнями, с сорными травами, а из чистого песка или плотного суглинка. Если же захотят на вечные века сохранить память о родиче – не поленились весь погребальный холм сложить из дерновой земли. Наносят воды из соседней реки, смочат его, так уплотнят, словно бы чувствуют, что когда-то чужие ломы и кирки будут добираться до родного праха. Но дерновая насыпь может постоять за себя; вместо широкой реки с ярами и обрывами, чуть приметная сухая ложбинка;

---

⁴⁰ Праздничные женские головные уборы.

⁴¹ Всемирный океан третьего периода палеозойской эры.

свалился старик бор, а насыпь все победно держит высокую вершину, будто чур ходит за ней, бережет ее⁴².

Сложили насыпь, аршина в два вышиной. Довольно. Пеплом еще засыпали, принесли его с собой из дому; от родного очага не отлучился бы чур-домовой. Сверху еще землей забросали, выровняли правильный конус, поправили валуны в основании, чтобы одинаково торчали. Заботливо обошли кругом, разок посмотрели.

Готово!

В почерневшее вечернее небо, в косматые облака опять понеслись струи бурого дыма; заблестели яркие точки костров. Идет тризна. Заколот козленок, над огнем медные котлы повешены. Поминают родича и досидят, пожалуй, пока и месяц из-за леса глянет и светом своим заспорит с кровавым пламенем. Страшней и мохнатей кажутся волосатые лица, жиром блестящие бороды, губы и мускулистые руки. Звенят о кости ножи, брякают черепки горшков, – опять, теперь в ночной тишине, вдале потекла поминальная песня.

Блестит заходящий месяц на рукояти меча, сверкает на бусах и гривнах; мутными пятнами рисуются белые рубахи уходящих домой поминальщиков. Не умрет добрая слава покойного! Где же ей помереть? Велик его род; вечно будет от времени до времени правиться тризна; не забудут досыпать осевшую насыпь! Реют, неслышно спускаются на остатки еды, на козлиные кости вещие вороны, и они справят тризну.

V

Из-под облака все видит ворон; смотрит поверх высокого тына городка, что торчит на соседнем бугре. Светлой лентой извивается быстрая речка, один берег ровный, покрытый сочной травой и чащей, другой берег высокий, к реке спуски крутые, обвалы, – песчаные и глинистые оползни! В речку впадает студень ручей, тоже не маленький. Слилися они, с двух сторон охватили вплотную продолговатый холм, высота его по откосу сажени 4–5. В редком месте природа создает такую искусную защиту! На этом холме и поставили город. Отсчитали от мыса шагов сотни две, перерыли холм канавой, рвом – землю сложили валом; на валу тын поставили из славных рудовых бревен; концы обтесали, натыкали на них черепа звериные, а то и людские на устрашение врагу! По углам срубы поставили, покрыли их соломой и речным тростником. Состроили вышку – смотреть и наблюдать за вражьими силами или чтобы поднять на ней высокий шест с привязанным пучком зажженной соломы, окрестность оповестить об опасности. Город – место военное, в мирное время тут не живут. Видел ворон и другое! Видел, как пылал тын города, шла сеча! Грызлись и резались насмерть! Напрасно варом кипящим обливали напавшую рать; город пал! Помнил это ворон – пировал он тут сыто.

Пировал он также остатками богатой яствы, что бывала на лесных холмах, далеко от жилья, куда собирались люди молиться, приносить жертвы богам. Уже и кресты были на шеях, а все посещались давние излюбленные места⁴³.

И клады знакомы воронам! Не найдешь их, коли тебе неведомы древние книги и записи, что о них говорят. Писали те книги старые люди. Клады лежат по укромным местам. Знают

---

⁴² Насыпи, сложенные из дерновой земли, отличаются удивительной прочностью. Каждый ком земли приходится брать энергичным ударом лома. Дерновая земля чаще встречается в волховских курганах. Суглинок тоже довольно стойко держится.

⁴³ Схема описания городка взята с натуры. В Царскосельском уезде существует именно такой городок. На валу раскопкою обнаружены остатки сожженного оборонительного сооружения, тына. На самой площади городка, теперь густо поросшей лесом, оказалось только несколько грубо сложенных очагов. Следов жилищ вовсе не найдено. По всей окрестности известны многие лесные холмы, обыкновенно обильно покрытые камнем; на глубине 1/4 арш. – 1/2 арш. находится обильный уголь и зола. Предметов на подобных холмах не найдено. Про них в народе ходит смутное предание, что «тут что-то было», «собирались молиться».

наказы о кладях не только вороны, но и многие старые люди, а кладов все не найдут. Верно. Положен на них кровавый зарок⁴⁴.

Видели вороны и дубы старинные, развесистые; собираются под ними окрестные люди вершить мирские дела; собираются и в праздники: сидят старики на могучих корнях. Молодежь ведет хороводы, в лес, за ближнее озеро несется:

Ой, дид, ладо...

Под Ивана Купалу ярко горит здесь купальский огонь, прыгают через него парами; освещает огонь эти пары на вечный союз. Исконный обычай⁴⁵.

Еще известны предания о провалившихся церквах, о землянках разбойников; в погосте Грызове, Царкосельского уезда, рассказывают, что основание существующей церкви положено Петром Великим, после какой-то стычки собственноручно поставившим на этом месте деревянный крест. Как видно, и прозаическая С.-Петербургская губ. тоже занимается своей стариной, не говоря уже о прекрасных памятниках екатерининского и александровского времени.

VI

Возвращаясь к курганам, нельзя не заметить, что в них особенно ярко отличаются два периода. Первый – XI–XII вв.; второй – XIII и XIV. Первый период характеризуется полным трупосожжением или погребением несожженного костяка в сидячем положении, причем подробности погребения мы уже видели.

В верхней части насыпи встречаются последовательные слои золы, иногда перемешанной с костями жертвенных животных; неизвестно, следы ли это погребального обычая, требовавшего переслойки золою насыпи во время самого ее устройства, или же это остатки тризны. Если только это следы тризн, то первоначальная величина насыпи со временем сильно выросла благодаря насыпанию свежей земли над золою. Насыпи с полным трупосожжением доходят до нас в виде полушаровидных, очень расплывшихся возвышений, со втянувшимися внутрь валунами основания. Погребение в сидячем положении даст довольно хорошо сохранившийся курган, но с осевшей вершиной, опустившейся при оседании костей.

Второй период (XIII и XIV вв.) характеризуется перемещением трупа в сидячем или лежащем положении в неглубокой грунтовой могиле. Чтобы сохранить для погребаемого требуемое обычая положение, рыли небольшую овальной формы яму такого размера, чтобы труп мог поместиться в ней сидя, или складывали соответственную кучу камней, для этой же цели служили иногда и деревянные плахи. Труп забрасывался вынутой из ямы землей и песком, после чего образовавшееся небольшое возвышение посыпалось остатками поминок и углей, затем воздвигалась насыпь с каменным кольцом в основании, причем на в. и з. (в головах и ногах) помещались валуны особо большой величины. К этому же периоду должны относиться погребения выше материка и погребения в лежащем положении на поверхности земли, причем

---

⁴⁴ Такие записи кладов действительно ходят в народе. Мне один мужичок предлагал купить такую книжку, купленную им от старого нищего. Рукопись была писана на русском, польском и эстонском языках. Внешние даты, по-видимому, списаны с природы.

⁴⁵ В Царкосельском уезде указывают места, где, по преданию, некогда стоял огромный дуб, под который собирались из местных поселений. Место красивое, высокое; недалеко озеро, судя по берегам, бывшее прежде значительно больше. Раскопкою обнаружены сгнившие остатки толстых дубовых корней, на некотором от них расстоянии найдены груды золы, толщиной до 1/2 арш. – места старинных костров. В золе оказались черепки горшков, если не соответствующих таковым от XII века, то все же далеко не современного строя. По словам верных людей, бывший старик, умерший лет 20 назад, помнил остатки этого дуба, к нему собирались по праздникам хороводы водить. Если это так, то как долго прожил древнейший славянский обычай!

зольный слой основания перерождается в две зольные кучки по бокам головы. На верху курганов, описанных типов второго периода, нередко были поставлены каменные четырехконечные кресты так называемой новгородской формы.

В группах курганов XIII и XIV вв. встречаются погребения в грунтовых могилках без верхних насыпей; в ямах, окаймленных по краю линией валунов. Несомненно, что подобные каменные могилы (или, как их называет народ, могилы) есть перерожденные курганы.

Сделанные описания представляют собою только грубую схему, на деле же встречается разнообразие удивительное. Живо представляешь себе заботливые попечения родичей об умерших. Одни стараются отметить прах его особо великими валунами; другие выкладывают всю поверхность насыпи мелким булыжником, третьи, устраивая курган, сажают покойного на чурбан и подпирают его досками. Яркую картину рисует указанное Ивановским погребение, где рядом с мужским костяком оказался женский, на черепе которого была огромная рана, нанесенная топором, или встреченный мною случай, в котором мужской череп, покрытый старыми боевыми рубцами, был просечен, а по правую руку помещался женский костяк.

Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!

Предметы, найденные в курганах, мало отличаются от соседних земель, прибалтийских местностей в особенности, техникою, формою или разнообразием типов; однако мы видим живой обмен и можем установить существование промыслов.

Кроме вышеотмеченных предметов, надо упомянуть еще несколько подчеркивающих характер древнего обихода XI, XII вв. Пуговицы очень редки и все имеют обыкновенный тип, грушевидный с ушком. Пряслицы из красного шифера; по форме и материалу они совершенно тождественны с таковыми изделиями курганов Днепровского бассейна. Вески, начиная с X в., попадаются на широком пространстве.

В смысле окрестных аналогий такой же обряд погребения, как и в Петербургской губернии, встречен в Псковской, Витебской, Смоленской, Новгородской и некоторых других губерниях. Из древностей, известных в Северной и Средней России, предметы, найденные в курганах Водской Пятины, имеют близкое отношение к находкам, обнаруженным в курганах Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской и Московской губерний. Нельзя не изумляться обильному присутствию древностей эстов, ливов, куров, чуди приладожской и финляндской, а также элементам восточному и скандинавскому.

В Новгородской области, с Поморья, вдоль берегов Балтийских губерний, по Волхову и Ильменю, шел великий водный путь торговый, путь дружин из «варяг» в «греки». Вспоминая постоянную восточную, цареградскую струю и приток с севера культуры скандинавской, становится ясным разнообразие культурных влияний в области новгородских славян, пожалуй, не уступающих в этом отношении югу, так что однообразного состава и единоплеменного происхождения нельзя и искать среди предметов из курганных насыпей С.-Петербургской губернии, исследование которых еще никак нельзя считать законченным; теперь остается детальная работа, выработка мелочей, усиливающих общую картину.

VII

От кургана до кургана, от группы до группы перебираетесь вы. Та же благодушная толпа, те же прибаутки и шуточки. Солнцекпек сменяется прохладным дождиком. Чаше шумит ветер, дорога начинает бухнуть и киснуть; листья желтеют, облака висят над горизонтом сизыми грудами – осень чувствуется. Лучшая пора для раскопки май, июнь до Иванова дня, до покоса, и затем август, после посева, и часть сентября.

Похудели тюбики красок, распухли альбомы и связки этюдов, наполнился дневник всякими заметками, описаниями раскопок, преданиями, поверьями; может быть, и песня старинная в дневнике записана, если только ей посчастливилось не изломаться на отвратительный

солдатский и фабричный лад. Там же помянуто добрым словом фарисейство какого-нибудь представителя местной администрации в смысле охранения памятников старины; отмечено и разрушение интересных могильников при прокладке дороги. Много всякого материала, вырастают картины, складываются образы.

Пора к дому!

После чистого воздуха окунулись вы в пыльное купе вагона; едкий дым рвется в окошко; фонари и пепельницы выстукивают какие-то прескверные мотивы. Не веселят ни господин в лощеном цилиндре с удивительно приподнятым усом, ни анемичная барышня в огромной шляпе, украшенной ярким венником.

Тоскливое чувство пробирается в сердце.

Если существует ряд предметов, позволяющих нам хоть на минуту вынырнуть из омета обихода, заглянуть подальше палат и повыше гигантских фабричных труб, то археология не может не иметь места в подобном ряду.

1898

По пути из варяг в греки

Плывут полунощные гости.

Светлой полосой тянется пологий берег Финского залива. Вода точно напиталась синевой ясного, весеннего неба; ветер рябит по ней, сгоняя матово-лиловые полосы и круги. Стайка чаек спустилась на волны, беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями – всполошило их мирную жизнь что-то малознакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей воде, бежит она в вековую славянскую жизнь, пройдет через леса и болота, перекатится широким полем, подымет роды славянские – увидят они редких, незнакомых гостей, подивуются они на их строй боевой, на их заморский обычай.

Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким, стройным носом-драконом. Полосы красные, зеленые, желтые и синие наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленые. На килевом бревне пустого места не видно – все резное: крестики, точки, кружки переплетаются в самый сложный узор. Другие части ладьи тоже резьбой изукрашены; с любовью отделаны все мелочи, изумляешься им теперь в музеях и, тщетно стараясь оторваться от теперешней практической жизни, робко пробуешь воспроизвести их – в большинстве случаев совершенно неудачно, потому что, полные кичливого, холодного изучения, мы не даем себе труда постичь дух современной этим предметам искусства эпохи, полюбить ее – славную, полную дикого простора и воли.

Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем. Паруса своей пестротой наводят страх на врагов; на верхней белой кайме нашиты красные круги и разводы; сам парус редко одноцветен – чаще он полосатый: полосы на нем или вдоль или поперек, как придется. Середина ладьи покрыта тоже полосатым наметом, накинут он на мачты, которые держатся перекрещенными брусками, изрезанными красивым узором, – дождь ли, жара ли, гребцам свободно сидеть под наметом.

На мореходной ладье народу довольно – человек 70; по борту сидит до 30 гребцов. У рулевого весла стоят кто посановитей, поважней, сам конунг там стоит. Конунга можно сразу отличить от других: и турьи рога на шлеме у него повыше, и бронзовый кабанчик, прикрепленный к гребню на макушке, отделкой получше. Кольчуга конунга видала виды, заржавела она от дождей и от соленой воды, блестят на ней только золотая пряжка-фибула под воротом да толстый браслет на руке. Ручка у топора тоже богаче, чем у прочих дружинников, – мореный дуб оббит серебряной пластинкой; на боку большой загнутый рог для питья. Ветер играет красным с проседью усом, кустистые брови насупились над загорелым, бронзовым носом; поперек щеки прошел давний шрам.

Стихнет ветер – дружно подымутся весла; как одномерно бьют они по воде, несут ладьи по Неве, по Волхову, Ильменю, Ловати, Днепру – в самый Царьград; идут варяги на торг или на службу.

Нева величава и могуча, но исторического настроения в ней куда меньше по сравнению с Волховом. На Неве берега позастроились почти непрерывными, неуклюжими деревушками, затянулись теперь кирпичными и лесопильными заводами, так что слишком трудно перенестись в далекую старину. Немыслимо представить расписные ладьи варяжские, звон мечей, блеск щитов, когда перед вами на берегу торчит какая-нибудь самодовольная дачка, ну точь-в-точь – пошленькая слобожанка, восхищенная своею красотой; когда на солнышке сияют бессмысленные разноцветные шары, исполняющие немаловажное назначение – украсить природу; рдеют охряные фронтоны с какими-то неправдоподобными столбиками и карнизами, претендующими на изящество и стиль, а между тем любой серый сруб – много художественнее их.

За всю дорогу от Петербурга до Шлиссельбурга выдается лишь одно характерное место – старинное потемкинское имение Островки. Мысок, заросший понурыми, серьезными пихтами, очень хорош; замкоподобная усадьба вполне гармонирует с окружающим пейзажем. Уже ближе к Шлиссельбургу Нева на короткое время как бы выходит из своего цивилизованного состояния и развертывается в привольную северную реку, – серую, спокойную, в широком размахе, обрамленную темной полосой леса. Впрочем, это мимолетное настроение сейчас же разбивается с приближением к Шлиссельбургу. Какой это печальный город! Какая заскорузлая провинция, – даже названия улиц и те еще не прививаются среди обывателей.

Левее города, за крепостью, бурой полосой потянулось Ладожское озеро. На рейде заснуло несколько судов. Все как-то неприветливо и холодно, так что с удовольствием перебираешься на громоздкую машину, что повезет по каналу до Новой Ладоги. Накрененная набок, плоскодонная, какой-то овальной формы, с укороченной трубой, она производит впечатление скорей самовара, чем пассажирского парохода, но все ее странные особенности имеют свое назначение. Главное украшение парохода – труба – срезана, потому что через пароход часто приходится перекидывать бечевы барж, идущих по каналу на четырех лохматых лошаденках; глубина канала заставляет отказаться от киля и винта; тенденция к одному боку является вследствие расположения угольных ящиков, а почему их нельзя было распределить равномернее – этого мне не могла объяснить пароходная прислуга.

Затрясся, задрожал пароход, казалось, еще больше накренился набок, и мы тронулись по каналу, параллельно Ладожскому озеру, с быстротою 6 верст в час. Случайный собеседник, знакомый с местными порядками, успокаивает, – что, вероятно, придем вовремя, не сцепимся со встречною баркою или не сядем на мель, – и то и другое бывает нередко.

Через вал канала то и дело выглядывает горизонт Ладожского озера. Среди местных поверий об озере ясно сказывается влияние старины: озеро карает за преступления.

Подобные рассказы сводятся к следующему типу. Позарился мужичок на чужие деньги, убил своего спутника во время пути в Ладогу по льду и столкнул труп на лед. Сам поехал дальше и заснул. Просыпается – уже ночь; поднялся ветер, снег дочиста сдуло со льда; понесло мужика вместе с лошадыю прочь с дороги неведомо куда. Увидал мужик, что дело плохо, потому что при сильном ветре Бог весть как далеко занести может и, чего доброго, в полынью попадешь; отпряг он лошадь, вывернул оглобли, заострил концы и пошел по знакомым приметам: пускай и лошадь, и санки, и все пропадает, лишь бы самому от смерти уйти. Крепчает ветер, слепит вьюгой глаза, затупились колья, не цепляются они больше за лед, и мужика понесло по ветру. Среди снежного моря зачернелось что-то, ближе и ближе – прямо на чернizinу летит мужик. Смотрит, перед ним убитый товарищ; хочет свернуть в сторону – не слышатся ноги, зацепают за труп, подламывается лед, и убийца вместе с убитым тонут в озере. Интересный осколок новгородских былин! Последняя картинка этого эпизода, когда роковым образом встречаются убийца с своею жертвою, – очень художественна.

По правую сторону парохода низкая болотная местность, среди нее где-то, по словам местного пассажира, притаилась богатая раскольничья деревня, пробраться в которую можно лишь в удобное зимнее время. Небось в таком уголке сохранилось немало интересного: и песни, и поверья, и окруты⁴⁶ старинные – делается обидно, почему теперь не зима. Мимо тянутся баржи, носы часто разукрашены хитрыми резными коньками, невольно напрашивающимися на параллель с байекским ковром⁴⁷. С одной грузной беляной стрялась беда – затонула, широко расплылись массы дров. На берегу примостился ее экипаж, выстроили шалашик, развели огонь, варят рыбку, мирно и спокойно, словно и зимовать здесь собрались.

---

⁴⁶ Богато украшенные праздничные одежды.

⁴⁷ Ковер, хранящийся в г. Байе во Франции, на котором женой Вильгельма Завоевателя Матильдой (XI век) были вышиты различные сюжеты из жизни той эпохи, что сделало этот памятник искусства ценным историческим источником.

Серый, однообразный пейзаж тянется вплоть до самой Новой Ладogi. Сравнительно поздно возникшая, она, конечно, не может дать ни художественного, ни исторического материала; за ней впереди чувствуется что-то более значительное: в 12 верстах от нее историческое гнездо – Старая Ладога. Скучно дожидаться волховского парохода, – торопясь, на почтовых скачешь туда по прекрасной шоссированной дороге. Слева местами выглядывает Волхов – берега песчаные, заросли сосной и вереском. Потом дорога возьмет правее и пойдет почти вплоть до самой Старой Ладogi по обычному пологому пейзажу, с лесом на горизонте. Из-за бугра выглянули три кургана – волховские сопки. Большая из них уже раскопана, но со стороны она все же кажется очень высокой. Взираем на бугор – и перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным черным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды – типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке – серые и желтоватые остовы посада, вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густо-зеленый бор – все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно, историческое настроение.

Когда вас охватывает настроение, словно при встрече с почтенным старцем, невольно замедляете походку, голос становится тише и, вместе с чувством уважения, вас наполняет какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, без первого плана.

Поэзия старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляют поэзию будущего; но почти беспочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, вряд ли может так же сильно настроить кого-нибудь, как поэзия минувшего. Старина, притом старина своя, ближе всего человеку... Именно чувство родной старины наполняет вас при взгляде на Старую Ладogu. Что-то не припоминается в живописи ладожских мотивов, а между тем сколько прекрасного и типичного можно вывезти из этого забытого уголка – осколка старины, случайно сохранившегося среди окрестного мусора, и как легко и удобно это сделать. (Совершить такую поездку, как видно из приведенных подробностей пути, чрезвычайно просто.)

Мне приходилось встречать художников, пеняющих на судьбу, не посылающую им мотивов.

«Все переписано, – богохульствуют они, – справа ли, слева ли поставлю березку или речку, все выходит старо. Вам, историческим живописцам, хорошо, – у вас угол непечатый, а нам-то каково, современным, и особенно пейзажистам».

Вот бедные! Они не замечают, что кругом все ново, бесконечно, только сами-то они, вопреки природе, норовят быть старыми и хотят видеть во всем новом старый шаблон и тем приучают к нему массу публики, извращая непосредственный вкус ее. Точно можно сразу перебрать неисчислимые настроения, разлитые в природе, точно субъективность людей ограничена? Говорят, будто нечего писать, а превосходные мотивы, доступные даже для копииста и протоколиста, остаются втуне, лежат под самым боком нетронутыми.

Да что говорить о скудных художниках, которым не найти мотива!.. Я почти уверен, что даже поэту пейзажа будет превосходная тема, если он в тихий вечер, когда по всему небу разбежались узорчатые, причудливые тучи, постоит на плоту, недалеко от Успенского монастыря в Ст. Ладoge, и поглядит на крепостную церковь, посад, на далекий Никольский монастырь – все это, облитое последним лучом, спокойно отразившееся в засыпающем Волхове. Стоит только обернуться – и перед вами другой мотив, не менее прекрасный. Старый сад Успенского монастыря, стена и угловые башенки прямо уходят в воду, потому что Волхов в разливе. Сквозь уродливые, переплетшиеся ветки сохнувших высоких деревьев, с черными шапками грачевых гнезд по вершинам, чувствуется холодноватый силуэт церкви новгородского типа. За нею ров-

ный пахотный берег и далекие сопки, фон – огневая вечерняя заря, тушующая первый план и неясными темными пятнами выдвигающая бесконечный ряд черных фигур, что медленно направляются из монастырских ворот к реке, – то послушницы идут за водою.

Ладожские церкви, такие типичные по внешнему виду, как и большинство церквей Новгородской области, внутри представляют мало интересного. Живопись нова и неудачна, древней утвари не сохранилось. Исключение представляет церковь в крепости – в ней уцелела древнейшая фресковая живопись. Подле каменной церкви приютилась тоже старинная, крохотная, серая, деревянная церковочка – тип церкви какого-нибудь далекого скита. Вся она перекосилась, главка упала, и крест прямо воткнут в уцелевший барабан ее. Интересное крылечко провалилось, дверка вросла в землю. Церковка обречена на падение.

Подле крепости указывают еще на два церковных фундамента, открытых г. Бранденбургом, исследовавшим местные древности. Раскопка Ладоги еще впереди.

Пишем этюды. Как обыкновенно бывает, лучшие места оказываются застроенными и загороженными. Перед хорошим видом на крепостную стену торчит какой-то несуразный сарай; лучший ракурс Ивановской церкви портится избой сторожа. Вечная история! Теперь хотя сами-то памятники начинают охраняться – на постройки или на починку дорог остерегаются их вывозить, и то, конечно, только в силу приказа, а настанет ли время, когда и у нас выдвинется на сцену неприкосновенность целых исторических пейзажей, когда прилепить отвратительный современный дом вплотную к историческому памятнику станет невозможным, не только в силу строительных и других практических соображений, но и во имя красоты и национального чувства. Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с этою, никому не нужно, смешною целью? – думается, такое время все-таки да будет.

На прощанье взбираемся к вершине кургана и фантазируем сцену тризны. Невдалеке от реки возвышается какой-то «холм», поросший вереском.

– А ведь там, смотри, на бугре когда-нибудь жило, стояло, может быть, городок был, – указывает на холм мой товарищ и затягивает: – «Купался бобер».

Видно, и на него повеяло древним язычеством.

От Старой Ладоги до Дубовика характер берегов и течение реки не изменяются. Берега высокие, на самом откосе торчат курганы. Много портят пейзаж прибрежные плитоломни. Что-то выйдет из Волховских берегов, если подобная работа и впредь будет производиться так же ревностно? За поворотом исчезли последние признаки Старой Ладоги, и мы радуемся этому, потому что увозим от нее самые приятные воспоминания, пропустив мимо всю ее неприглядную обыденную жизнь, сосредоточившуюся, как заметно уже на второй день пребывания, лишь на прибытии парохода с низа или с верха.

Пароход дальше Дубовика нейдет, – тут начинаются пороги, так что до Гостинопольской паровой пристани (расстояние около 10 верст) надо проехать в дилижансе. Дилижанс этот представляет из себя не что иное, как остов большого ящика, поставленный ребром, с выбитыми дном и крышкой. Мы сели лицом к реке. Лошади рванули и проскакали почти без передышки до пристани. Дорога шла подле самой береговой кручи; несколько раз колесо оказывалось на расстоянии не более четверти от обрыва, так что невольно мы начинали соображать, что, если на какой-нибудь промоине нас выкинет из дилижанса, упадем ли мы сразу в Волхов или несколько времени продержимся за кусты. А Волхов внизу кипел и шипел. Мы скакали мимо самых злых порогов. Несмотря на разлив, давно незапамятный, из воды все же торчали кое-где камни; подле них белела пена, длинным хвостом скатываясь вниз. Сила течения в порогах громадна: в половодье груженная баржа проходит несколько десятков верст в час. Целая толпа мужиков и баб правит ею; рулевого нередко снимают от руля в обмороке – таково сильно нервное и физическое напряжение.

Баржу гонят с гиком и песнями; личность потонула в общем подъеме. Вода бурлит, скрипят борты... Какая богатая картина! Название «Гостинополь» заставляет задуматься – в нем

слышится что-то нетеперешнее. Наверное, здесь был волок, ибо против течения пройти в Волховских порогах и думать нечего. В Гостинополе же ладьи снова спускались и шли к Днепровскому бассейну. Может быть, до Дубовика шли в старину на мореходных ладьях (слово «дубовик» напрашивается на производство от «дуб-лодка»), а в Гостинополе сохранялись лодки меньшего размера – резные. Впрочем, становиться на точку таких предположений – опасно. В Гостинополе нагрузились на пароход, что повезет нас до Волховской станции Николаевской дороги, – там опять пересадка. На палубе парохода целое стадо телят, лежат они связанные, жалобно мыча, – иных пассажиров не видно, но удивляться этому нечего, ибо поездки по Руси ведь совсем не приняты, да к тому же нельзя сказать, чтобы и сообщение было хорошо приспособлено; так мы приехали в Гостинополь в 8-м часу вечера, а пароход отходил в 3 1/2 часа утра. Почему не в 5 или не в 4 – неизвестно. Впрочем, отхода его мы не дождались, ибо к тому времени уже спали крепким сном. Проснувшись заутро, товарищ выглянул в окошко:

– Ну, что там? Красиво?

– Тундра какая-то! Болото и топь.

Часа через два я выглянул – опять низкое место, которое потянулось вплоть до станции Волхов. Знаменитое Аракчеевское Грузино – нечто очень печальное, суровое, опустившееся, ничего общего не имеющее с тою великолепной декорацией, какую нам представляют его современные гравюры. На Волховской станции нас усердно уговаривали продолжать путь по железной дороге и, наконец, посмотрели с сожалением, как на людей, действующих к явной своей невыгоде; для продолжения водного пути пришлось сидеть на станции от 11 часов утра до 5 утра же, тогда как поезд проходил через полчаса. Оставалось спать и спать, потому что в сером пейзаже, состоявшем из затопленных деревень, было мало интересного и красивого.

– Гуся, что ли, нарисовать на память о великом водном пути, – предложил я, и мы смеялись, вспомнив, как один художник объяснял цель и смысл художественных поездок: «а то другой едет за тысячи верст и там королевой занимается или курицей самой обыкновенной, точно он дома не мог то же самое сделать с большим успехом и удобством», – говорил он.

Путь от Волховской станции до самого Новгорода ничем особенным не радует. Аракчеевские казармы, бесконечные пашни – все это благоустроено, но ординарно. Перед Новгородом несколько монастырей самого обыденного вида. Единственно красивое место за весь этот кусок пути – так называемые Горбы с остатками славного соснового бора, сильного и ровного, как щетка. Чем ближе подвигались мы к Новгороду (местный житель никогда не скажет Новгороду, а подчеркнет Н о в у городу), тем сильнее и сильнее овладевало нами какое-то разочарование. Разочаровал нас вид Кремля, разочаровали встречные типы, разочаровало общее полное безучастие к историчности этого места. Что подумает иностранец, когда мы, свои люди, усумнились: да полно, Господин ли это Великий Новгород?

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов...

Вспомнил мой спутник, когда мы входили на мост, направляясь в Кремль. Но вместо старицы на мосту стоял отвратительного вида босяк с кровавой шишкой под глазом. Навстречу попало несколько мужиков – истые «худые мужички-вечники»⁴⁸, за кого кричать, за что – все равно, лишь бы поднесли.

Софийский собор в лесах; там идет, как известно, капитальный ремонт. Уже давно было слышно, что, по какому-то странному стечению обстоятельств, важная задача расписать этот славнейший и древнейший русский собор миновала руки художников и выпала на долю артели богомазов. На расстоянии как-то все смягчается, многое важное ускользает от внимания в

---

⁴⁸ Новгородцы, обладавшие правом голоса на вече.

заглазных рассказах, пока не увидишь воочию. Я думаю, и вы, кому придется читать эти строки, не обратите на них никакого внимания; кругом все тихо и смиренно, какое кому дело, что где-то в отжившем городе совершается нечто странное? А между тем это «нечто странное», если вдуматься, оказывается чрезвычайно знаменательным. На рубеже XX века, при возрастающем общем интересе к отечественным древностям, при новых путях религиозной живописи, один из лучших русских памятников старины расписывается иконописцами-богомазами, и притом – как расписывается! Жутко делается, когда лазишь по внутренним лесам храма мимо этих богомазных изображений – глубоко бездарных, сухих, пригодных разве в захолустную церковь сверхштатного городишки, а никак не уместных при соседстве с памятником тысячелетия Руси. Еще обиднее и гаже становится, когда осмотришь внизу превосходную древнюю фреску Константина и Елены и купольные изображения пророков и архангелов, наводящие на мысль: какой высоконациональный храм мог бы получиться из Софии под мастерской кистью при таких основных базисах, каковы сохранившиеся остатки древних фресок; как стильно и художественно можно бы было заживить остальные стены! Какой богатый материал, какая возможность поддержать славный памятник и расцветом его, быть может, оживить целый город! – но вдруг все умышленно попирается, производится небольшая экономия... а что впереди? – там хоть потоп. Если не хватает средств, то отчего попросту не заштукатурить стены, оставив лишь остатки древней росписи? Или уже покрыть и старую живопись богомазными изделиями, не заказывать г. Фролову удачные подражания древних мозаик, убрать сохранившиеся, чтобы и сравнения не было, как оно могло быть и как есть на самом деле, – по крайности не было бы полумер. Если изгонять художественность и национальность, то уж гнать их основательно, по всем пунктам, без пощады.

Мне кто-то хотел объяснить, как это печальное событие произошло, говоря, что много было всяких мелких обстоятельств; но, полагаю, для истории будет знаменательно, выясняя развитие русского искусства в конце XIX в., отметить крупный факт росписи первой русской святыни артелью богомазов, без участия пригоднейших к этому делу даровитых художников. Какое отрадное сведение, в особенности для всех причастных к современному искусству! – и перед собою-то стыдно, еще стыднее перед иностранцами, когда они скажут, и на этот раз вполне заслуженно: уж эти варвары!

Джон Рескин, услышав о таком деле, наверно бы писал о нем в траурной рамке.

Новгородская косность простирается до такого предела, что из 10 встречных лишь один мог указать, как пройти к Спасу, что на Нередице, – к древности, которая должна бы быть известна каждому мальчишке, да и была бы известна в европейском городе.

Не велик городской музей новгородский, содержание его больше случайное, а местонахождение не совсем удачно, ибо для него пришлось погубить одну из Кремлевских башен; но это не беда, если бы музей хоть сколько-нибудь интересовал обитателей, а то посетители его почти исключительно приезжие, тогда как среди местных жителей находятся некоторые, вовсе и не подозревающие о существовании городского музея или знакомые с ним лишь понаслышке.

Интересен Знаменский собор, хотя особою древностью он не отличается. Сени и внешняя галерея его, видимо, первоначально были открытые, на арках с грушами, – теперь они заложены, и довольно неблагоприятно: напр., внутри сеней новая кладка расписана «под мрамор» малярами, тогда как остальное пространство сплошь покрыто живописью. Можно представить, насколько выиграет общий характер собора, если восстановить эти типичные арки, само же восстановление не должно обойтись слишком дорого.

Наиболее цельное впечатление из всех новгородских древностей производит церковь Спаса-на-Нередице. Не буду касаться исторических и иных подробностей этой интересной церкви, сохранившей в сравнительной цельности настенное письмо, – такие подробности можно найти в трудах Макария (опис. Новгор. церк. древн., 1, 798), Прохорова, Н.В. Покровского и в имеющем выйти в ближайшем будущем VI выпуске «Русских Древностей», изд. гр.

И.И. Толстым и акад. Н.П. Кондаковым. Основанная в 1197 году князем Ярославом Владимировичем, Спасская церковь по древности, а главное, по сохранности является памятником исключительным, и надо желать, чтобы как можно скорее она была издана полным и достойным для нее образом.

С софийской стороны, из Воскресенской слободы (в которой тоже типичные и древние храмы: Фомы апостола и Иоанна Милостивого), мы перерезали Волхов, бесконечный в своем разливе, направляясь к Нередице. Дело шло к вечеру, солнце било желтым лучом в белые стены Спаса, одиноко торчащего на бугре, – пониже его лепится несколько избушек и торчат ивы, кругом же ровный горизонт. Такие одиночные, среди пустой равнины, церкви очень типичны для новгородского пейзажа: то там, то тут, при каждом новом повороте, белеют они. Проехали мы Лядский бугор, где в былое время стоял монастырь, само же название урочища будто бы производится от божества Ладо.

На горизонте Ильменя выстроился ряд парусов – они стройно удалялись. Чудно и страшно было сознавать, что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала новгородская рать на роковую Шелонскую битву...

Ракурс Спаса с берега, пожалуй, еще красивей, нежели его дальний вид. Колокольня несколько позднейшей постройки, но зато сам корабль очень строен и характерен. Живопись, сплошь покрывающая стены и теряющаяся во мраке купола, полна гармонии, ласкает глаз на редкость приятным сочетанием тонов, облагороженных печатью времени.

Надо торопиться полно и достойно издать этот памятник – он уже требует серьезного ремонта, для которого, как говорят, не хватает средств. На первые нужды необходимо хоть 5000 рублей – неужели сейчас же не найдется любителя старины, располагающего такой суммой? Есть много богатых людей, не жалеющих своих достатков на добрые дела; ремонт Спаса ведь тоже доброе дело, да еще какое!

Возвращаясь к дому с Шелони, я дожидался поезда в Шимске. Среди многочисленных вокзальных объявлений бросался в глаза изящный плакат Дрезденской художественной выставки, и невольно думалось: что Шимску искусство? да и будет ли когда оно для Шимска – не пустым далеким звуком?

Древнейшие финские храмы

В Финляндии ведуньи еще варят зелье из змеиных голов. В Финляндии по холмам затейливыми непонятными кругами раскинулись каменные лабиринты, свидетели незапамятных обрядов. Богатыри схоронены в длинных курганах. Еще звучит кантеле⁴⁹. Олафсборг⁵⁰ еще вспоминает о широкой рыцарской жизни, о твердых высоких шведах. Знают их древние каменные храмы. Еще стоят деревянные церкви, звено Норвегии с нашим Севером; такая церковь в Кеуго.

Много важного для нас есть на великом северном перепутье – в Финляндии.

В горах бесконечных, в озерах неожиданных, в валунах мохнатых, в порогах каменистых живет прекрасная северная сказка.

«Скандинавский вопрос» – повторяю, один из самых красивых среди задач историко-художественных. По глубине сравниться с ним может только вопрос о восточных движениях. Таинственны люди, бесконечной силой своей пронизавшие самые древние страны, напитавшие их сильной культурой своей. Везде скандинавы оставили после себя одни из лучших и самых здоровых влияний. Драгоценное качество – чувство собственного достоинства проникло в государственность народов вслед за северянами.

Для русских территорий значение скандинавов особенно значительно. Упсала⁵¹ доставила нам человекообразные божества. Фьорды⁵² дали судоходство. Варяги – боевой строй. В течение нескольких столетий мы привыкали ждать силу и опору с севера. Изучение севера нам близко и важно. Но варяжский вопрос все еще числится в будущих задачах. Медленно, как ручной заступ, археология раскапывает пеструю грудку измышлений и фактов. Пока дело все еще только усложняется. О подробностях начала текущего тысячелетия иногда можно говорить только с точностью до двух веков! Достаточно!

Все детали скандинавского вопроса важны для нас. То, что интересно само по себе, становится значительнее, как звено большого целого. Значение финских древнейших храмов – деталь общего вопроса; как увидим, уяснение этой детали сулит в будущем очень интересные выводы.

Прежде всего нужно условиться в одном: в очень раннем движении скандинавов на восток, гораздо более значительном, нежели обратное движение новгородцев. Надо признать оседлость скандинавов в западном углу Финляндии в X веке. Следуя за фактами, не покажутся странными обширные каменные католические храмы в зарослях шхер⁵³ уже в XII и XIII веках.

Быстро еще раз вспомним шаги скандинавов к востоку. Колонизация эта должна восходить к очень ранним векам. Культура Кенигсбергских и Курляндских бронзовых и серебряных древностей – богатых и многочисленных; находки Волховские, Мстинские, Верхнего Поволжья, и в более поздних и в ранних проявлениях – все говорит нам о высокой культуре.

Чувствуется, что внесена культура не случайными прохожими, она укреплена среди местной жизни, она сроднилась с общим бытом, принята населением не поверхностно. По типам вещей, может быть, будет возможность отодвинуть северные шаги даже и за X век. Если о России можно говорить так, то очень понятно, что ближайшая к Скандинавии страна, полная мелкими несильными племенами, – Финляндия к X веку была уже насыщена влияниями непокойных искателей-викингов. Допуская, что ладожане уже в X веке могли получать дань с

---

⁴⁹ Карело-финский струнно-щипковый музыкальный инструмент.

⁵⁰ Средневековый замок.

⁵¹ Религиозно-политический центр древней Швеции.

⁵² Узкие морские заливы с крутыми скалистыми берегами.

⁵³ Небольшие скалистые острова, расположенные неподалеку от берегов озер и морей.

тавастов, нужно сознаться, что следы позднейших русских движений остались в Финляндии очень скромные. Несколько могильников, несколько крестов новгородского типа. Не больше, чем находок куфических монет! Зато могильники приморские и островные говорят о нахождении скандинавов особенно в западной Финляндии.

Жалко кривичей! Жалко всего того, что давно мы полюбили приписывать милым сердцу ближайшим славянам. Их значение колеблется. Финские данные сокращают круг действия северных славянских племен. Очень важно одно из последних заключений А. Спицына о длинных курганах озерного и верхнеднепровского района. В них видели памятники славянские, теперь же он отодвигает их к финнам. Г. Неовиус в последнем труде своем о движении скандинавов на Русь указывает на основании данных Стокгольмских архивов в приладожской области в местности Кексгольма озера Рурика Ярви (шведское произношение Рюрика). Пресловутые сообщения Нестора о приглашении иноземцев самими славянами исследователь вкладывает в уста колонистов-скандинавов, уже мирно осевших по берегам Волхова и Днепра. Странная для славян формула приглашения становится вполне типичною со стороны колонистов-пришельцев, зовущих ближайшего своего *Freiherrt'a* в «свою» землю, где они осели, зовущих для порядка, для защиты торгового пути. Остроумно! И во всяком случае, почтенно желание объяснить дело возможно проще, практичнее, без ненужных уличений. Попутно вспомним, какой красоты места на севере Ладожского озера, вспомним длинный перечень пушных зверей, еще и теперь наполняющих бесконечный лес северного озерного края. Такие особенности издавала заманивали смелых людей. Статья Неовиуса называется «*Om spar af forhistorisk Skandinavisk kolonisation in Karden*» (*Museum*, № 2, 1907). С разных сторон незнакомые друг другу исследователи, как видно, идут по одной северной тропе. Не измышления, но находки ведут их. Нам нужны всякие показатели скандинавского движения на восток. Все данные складывают вполне определенное представление о старинном господстве скандинавов в западной Финляндии. Все данные этого движения значительны, повторяю, тем более что недавно еще было стремление хотя бы вопреки фактам выдвинуть только новгородские влияния среди финнов.

Спокойный морской проход шхерами. Удобные пристани. Высокие берега, легкая обора. Лесные местности, полные зверем и птицей. Рыбные реки и озера. Все прелести остановок для мореходов прежде всего сосредоточили скандинавов на берегах в пределах *Porvo – Uusikirkko*. В глубину страны такие первоначальные влияния могут быть предположены в пределах Тавастгуса. Этим же путем с запада вошло и католическое христианство. Без больших последствий, кроме отдельных местечек Карелии, остались начинания братии с Валаама и Коневца, несмотря на основание Валаама в 992 году.

Нет ничего удивительного, что к XIII веку еще до известных походов на Карелию Торкеля Кнудсона, на западном побережье уже появились каменные храмы. Постепенно, благодаря ревнительству католицизма, храмы расписывались и украшались. Прочная кладка из гранитных валунов, крепчайшая связка соединений сохранили до наших дней древнейшие церкви Финляндии.

Не будем искать «небывалости» в простых строениях храмов, в их высоких фасадах, украшенных символическими крестами, в длинных окнах и низких дверках, теперь почти везде расширенных. Откровения в них не найдем.

То же видим мы в церквах Швеции, Дании и Померании, живописной Норвегии, Шотландии, Ирландии. Почти те же источники вдохновляли художников, те же средневековые, северные легенды и толкования подсказывали трактовку сюжетов. Иногда те же самые епископы, прибывшие из-за моря, призывали работников к делу. И все-таки группа финских храмов со стенописью стоит в ряду чрезвычайно интересных явлений северного края. Ведь то же самое о заносных влияниях всегда нужно говорить и в отношении русских церквей. Бояться ли нам сравнений с Афоном, Кавказом, Византией, с примитивами Италии? Конечно, нет! Местное влияние, индивидуальное понимание источников везде сказалось. И в ранних стенописях Нов-

города, Пскова и Ст. Ладogi – в перетолкованиях Византии, в Москве и Ярославле, где запоздало в далекой дымке прошли итальянские примитивы⁵⁴. И, узнавая происхождение стенописей, невозможно представить, чтобы от исследований их поколебалось значение, а главное – обаяние наших памятников. Преемственность была всегда и везде. То, что красиво, интересно, курьезно, то остается таким же, несмотря ни на что. И этот принцип искусства надо хранить всеми силами. Только пристрастные глаза могут не видеть зримое во имя чего-то иного, виденного когда-то. Я как бы возражаю на довод, что церкви Финляндии не финские, а всецело шведские, что в них нет действительной оригинальности. Ведь разные бывают суждения!

В стенописи церквей финских есть, несомненно, особенности. Печать севера, печать более юного христианства, несомненно, присуща западнофинляндским храмам. На них нужно обратить внимание. Их окружают опасности. Большинство этих церквей теперь в скромных сельских приходах. Интерес к красоте древности там, конечно, очень различен, особенно же к красоте католической. Для многих протестантских пасторов украшения настенные – ненужная роскошь. Как памятники с близким иноземным (шведским) влиянием, старейшие храмы, по существу, не могут быть близкими значительной части населения. После суровых протестантских покровов Средневековья большинство живописи еще и не вскрыто. Мне пришлось видеть белые стены, где красноватыми и темными пятнами неясно сквозили какие-то закрытые изображения. При изобилии древних церквей в западной Финляндии можно ожидать открытия целых интересных страниц северных декораций.

Известны также случаи, когда уже вскрытая живопись была замазана снова. Радость вандалам! – Было замазано то, что справедливо привлекало внимание английских и скандинавских ученых. Такое варварство случилось, между прочим, в Nousiainen'e со второю по древности церковью. Первая по древности считается Mariankirkko, до 1300 года бывшая собором. Роспись в Nousiainen'e почти не опубликована, о ней ничего нет, кроме довольно старых брошюр г. Nervander'a (Kirkollilesta taiteesta Suomesla keskiaikana. Kirjoitta nut E. Nervander. Helsingissa, 1887–1888). Текст брошюр – финский и шведский. Иллюстрации плохи; сделаны шрифтовой манерой. Только за неимением других источников приходится искать в этих брошюрах древнейшие изображения Nousiainen'a. В художественном виде эта замечательная стенопись издана не была.

Существует еще одно издание о старинных финских храмах, но вышло оно всего в 200 экземплярах и общественного значения иметь не могло, так как книгопродавцы и достать его даже не берутся.

Содержание изображений в Nousiainen окончательно объяснено тоже не было, часть позднейших наслоений не отбивалась. Теперь же вся церковь выбелена. Только по саркофагу епископа Генриха⁵⁵ – на нем интересные штриховые по меди иллюстрации к жизни епископа – и по инвентарной книге можно догадаться, что это та самая церковь, замечательная, из-за которой проделано столько верст плохой дороги.

О стенописи в Nousiainen пусть г. Nervander расскажет нам сам. Он видел стенописи в Nousiainen; он почему-то не отстоял их существование; ему скорей подобает умалить их значение, нежели возвеличить. Послушаем его старообразный язык и толкования, может быть, устарелые:

«Совершенно особые росписи были открыты в Nousiainen в 1880 г. под другими слоями штукатурки. В христианских храмах ничего подобного еще находимо не было. Вся стенопись была в двух тонах, в кирпично-красном и сером. В том же году эти стенописи были вновь замазаны; вид этих изображений был слишком странным, даже отталкивающим для тех, кто

---

⁵⁴ Памятники искусства ранних эпох.

⁵⁵ Мощи св. Генриха были перенесены 18 июня 1300 г. из Nousiainen в Турку (Або). Епископ Генрих прибыл в Финляндию после 1150 г., когда в Швеции христианство укоренилось более 150 лет.

ожидал встретить в храме картины, возвышающие религиозное чувство. Высоко на стенах, на колоннах и на сводах видны были частью симметрические, частью фантастические орнаменты, изображающие огромных птиц. Далее в орнаментах изображались разные звери, лоси, единороги, лисицы, лошади, собаки, волки и фантастические существа – русалки. Кроме этого виднелись изображения щитов и несколько голов святых, обведенных тщательно исполненным сиянием. Затем шли изображения, как бы указывавшие на прибытие скандинавских завоевателей в Финляндию. Хотя слои извести были снимаемы осторожно, но живопись иногда все-таки страдала, так, из лика Христа утрачена большая часть лица. Следующая часть живописи представляет древнюю ладью с высоким кормчим. Затем на стенописи (очень попорченной) виднелись две фигуры, готовящиеся к поединку: один всадник верхом на коне, перед ним маленькая собака, другой всадник, одетый в остроконечную лапландскую шапку, сидит на звере со многими ногами, около него зверь, похожий на волка. Этот поединок, быть может, – символическое изображение борьбы христианства с язычеством. Вероятно, такой же смысл имеет и другое странное изображение: налево дерево с птицами на ветках, еще одна птица порхает выше, и на нее нападают две лисицы. Направо – большой зверь, видимо, лось или единорог с высунутым языком. Приблизительно такими зверями изображался прежде Христос. Ниже – палач, поднявший оружие и держащий за голову маленькое человекообразное существо; палач готовится ему отрубить голову, так же как поступил он с другими, чьи головы уже лежат по другую сторону креста. Если пытаться выяснить смысл этой очень странной картины, которая так плохо вышла в гравюре, то можно бы предположить, что изображает она благополучие тех, кто держится Древа Жизни, между тем как суетный мир с лисьей хитростью подстерегает людские души. Затем изображается Христос – господин жизни и смерти, и судьба мучеников.

Эти стенописи являются близким подобием древнейших изображений Ирландии и Шотландии и нашли здесь, в христианской церкви, слишком запоздалое применение. Путь этих рисунков был через Готланд, с жителями которого обитатели Финляндии имели близкие сношения уже с древних времен».

Судя по иллюстрациям брошюры г. Nervander'a, изображения в Nousiainen напоминали рисунки и насечки на северных скалах «Hallristningar». В них чувствуются границы Палатинской капеллы и Чудских фигур – время, когда христианство наложило руку на священный шаманизм. Надо согласиться с Nervander'ом, что такое украшение церкви совершенно исключительно. Какое поразительное впечатление должен был производить такой высокий обширный храм, белый, покрытый по сводам, столбам, стенам красноватыми и серыми иероглифами северной жизни, как благородно сочетание таких красок! Несколько черт рисунка могли бы упразднить целые страницы догадок; какая-нибудь подробность, оставленная художником даже бессознательно, могла бы пролить свет на широкий край северного быта и Руси, конечно. Значение такого храма могло быть выше ковра Матильды. А теперь белые плоскости и страх, что драгоценное искусство не только замазано, но, может быть, и навсегда сбито.

Необходимо попытаться освободить эту стенопись. Я верю, если мою заметку прочтут: prof. Aspelin, prof. Jvar Heikel, J. Ailio, г. Арпеегрен – лучшие финские археологи, они с присущей им культурностью немедленно исправят ошибку прошлого. И сделают они это, может быть, еще лучше, нежели реставрация в Lohja, хотя там впечатление древности сохранено очень заботливо.

Сейм не оставит отпустить необходимые суммы на такое нужное дело!

По словам Необиуса, такая же судьба стенописи в Naantal'e, Porvo, Sjondea; все забелено!

Остались еще фрески в Kimito, Rymaltyla, Lohja, Hattula (1520 г.), Kumlinge, Rauma (стенопись произведена в 1510–1522 гг.), Tavasjalo (1450), Lieto, Pohja. В 1903 г. открыты фрески в Sauvo, и в 1904 г. отбита штукатурка в Pernio. В стенописи в Usikirkko интересно то, что кроме года известно имя художника Petrus Heinricson'a, закончившего труд в 1470 г.

К тому же времени, как и живопись в Nousiainen, т. е. к концу XII или к началу XIII в., относится очень полинялая фреска на внешней стене в Nattula. Фреска изображает Распятого, окруженного Марией и Иоанном. Красивая, простая трактовка живо переносит зрителя в XII в. Растительный орнамент, очень тонко исполненный, красиво расположен вокруг этой замечательной фрески.

Как звено между древнейшей живописью *al'secco* и более поздней, уже из XV в., можно указать орнаменты в Nattula. Богатые сочетания фруктов и цветов. Краски: зеленая, белая, синяя, красная и серая. Из стенописей XV в. прежде всего следует заметить украшения в Tevsala, их время относится к епископу Олафу Магнусону (1450–1460); герб его изображен на стенах церкви. Древние изображения в Tevsala должны считаться одними из лучших в Финляндии; тем досаднее, что часть (!) их еще не вскрыта из-под штукатурки.

Чаще всего стенопись храмов сохранилась лишь частями, так что трудно говорить о впечатлении от общего вида.

Одно из самых полных впечатлений производит церковь в Lohja. В 1886 г. живопись в Lohja и Nattula была освобождена от штукатурки, и сравнительно благополучно, а четверть века уже сровняли кое-какие красочные шероховатости возобновления. Церковь эта известна уже в 1290 г., когда Lohja была одним из крупнейших приходов Финляндии. Здание храма – большой продолговатый корабль с двумя боковыми притворами. На высоком фронте белый крест, охраняющий здание, по сторонам – символы двух естеств Господа. Подле храма колокольня; нижний этаж сложен из крупных валунов, верх – деревянный. Общий вид колокольни, надо думать, XVI в. Живопись храма относится к 1489–1500 гг., для финских храмов – средний период. Есть указания, что храм был украшен неизвестной нам художницей из числа монахинь монастыря в Naantal'e близ Або. Части стенописи имеют много общего с изображениями из *Breviarium Upsalense* 1496 г. Из других вещественных дат мы видим в руках одного из ангелов герб последнего католического епископа Арвина Курка, умершего в 1523 г. Часть изображений, конечно, пострадала при расширении окон и дверей, а также закрыта органом, прислоненным над главным входом.

Притвор храма занят сценами убийства Авеля и проделками дьявола над людьми. Дьявол в виде собаки пьет молоко из подойника под короной, чтобы перенести это молоко человеку, продавшемуся ему. Дьяволы сидят на норовистых лошадях, дьяволы помогают палачам, терзающим мученика, дьяволы помогают слугам своим при полевых работах.

В самой церкви живопись начинается от вышины плеча и идет через все своды и стены. На столбах, в два ряда держащих своды в середине церкви, – большие изображения одиночных святых и апостолов.

Большие плоскости и своды заняты изображениями Рая, Изведения из ада, Избиения грешницы камнями, Родословной Христа, Христофора Богоносца, Богоматери и несколькими сценами страстей Господних. Среди изображений святых особенно излюбленными являются св. Екатерина Шведская (канонизированная в 1479 г.), св. Генрих и Лалли. Краски лежат широкими плоскостями в резко очерченных складках.

Между фигурами – орнамент. Пустые места заполнены звездочками. Фон белый. Мне ясно, почему нужны были такие ярко ограниченные изображения на светлой поверхности: при первоначальных размерах низких и узких окон при высоте храма нужна была определенная декорация. Понятен и сумрак храма. Храм – духовная крепость; храм – убежище от врага – должен тонуть в интимном сумраке.

Для душевных откровений не нужен свет площади. Здесь человеческое чувство не уступило букве католицизма. Древние сознавали то, что теперь уничтожено нашим безразличием. Люди, увеличившие окна и двери, не знали, что творили. Теперь только в вечернем сумраке можно получить настоящее, первоначальное впечатление декорации. Стены и своды храма, как я говорил, сложены из больших малоотесанных валунов. Грани камней выходят из поверхно-

сти стены и разбивают плоскость неожиданным рисунком углов и извилистых линий. Думали ли создатели о таком впечатлении, но заботливое время украсило и довело простые изображения до сложной мягкости искусства наших дней. Пыль легла на все выпуклости камней, и вместо холодной стены в мягких складках струится шелковистый гобелен. Белая поверхность под патиною времени получила все тепловатые налеты ткани; фигуры не вырезаются более острыми линиями контура; мягко преломляются одежды; орнамент дрожит непонятными рунами. Время сложило красоту, общую всем векам и народам.

Финны, полюбите и сумеете сберечь ваши старейшие храмы!

Весна священная

Обращение в аудитории Ваннамэкера на собрании Лиги Композиторов, Нью-Йорк, 1930

Много лет тому назад у меня была картина «Задумывают Одежду». В этой картине были выражены первые мысли женщины об одежде, первые орнаменты, первые руны украшения. Удивительно было сознавать, насколько эти первичные орнаменты были сходны с украшениями наших дней.

Вы, конечно, знаете, что сейчас в Париже в большой моде скифское искусство, которое многие авторы считают предтечей кубизма.

В 1922-м, в Чикаго, во время постановки «Снегурочки» мастерские Маршала Фильда произвели интересный опыт, построив современные костюмы на орнаментах или линиях доисторических славянских одеяний. Поучительно было видеть, насколько многие современные формы естественно слились с древнейшими орнаментами.

В связи с сопоставлением древнейшего и новейшего, вспоминаю, как в Тибете нам приходилось показывать изображения небоскребов, и можно было наблюдать, как народ, видевший их впервые, принимал их с полным пониманием, сравнивая с семнадцатью этажами знаменитой Поталы – дворца Далай-ламы. И не только по высоте принимал народ небоскребы, но он оценивал и сходство самого существа постройки со своими древнейшими зданиями. Так опять мы могли видеть, как самая древняя и самая современная мысль созвучат.

В дневнике моем имеется страница, посвященная первой постановке «Весна священная» в Париже, в 1913 году.

«Восемнадцать лет прошло с тех пор, как мы со Стравинским сидели в Талашкине, у княгини Тенишевой в расписном Малютинском домике и вырабатывали основу «Священной Весны». Княгиня просила нас написать на балках этого сказочного домика что-нибудь на память из «Весны». Вероятно, и теперь какие-то фрагменты наших надписаний остаются на цветной балке. Но знают ли теперешние обитатели этого дома, что и почему написано там?»

Хорошее было время, когда строился Храм Святого Духа и заканчивались картины «Человечьи Праотцы», «Древо Преблагое Врагам Озлобление» и эскизы «Царицы Небесной». Холмы Смоленские, белые березы, золотые кувшинки, белые лотосы, подобные чашам жизни Индии, напоминали нам о вечном Пастухе Леле и Купаве, или, как сказал бы индус, – о Кришне и Гопи. Нельзя не отметить, что сыны Востока совершенно определенно узнавали в образе Леля и Купавы великого Кришну и Гопи. В этих вечных понятиях опять сплеталась мудрость Востока с лучшими изображениями Запада. С полным сознанием я говорил в Индии на вопрос о разнице Востока и Запада: «Лучшие розы Востока и Запада одинаково благоухают».

Пришла война, Стравинский оказался за границей. Слышно было, что мои эскизы к «Весне» были уничтожены в его галицийском имении. Была уничтожена и «Ункрада». Многое прошло, но вечное остается. В течение этих лет мы наблюдали, как в Азии еще звучат вечные ритмы «Весны священной». Мы слышали, как в священных горах и пустынях звучали песни, сложенные не для людей, но для самой Великой Пустыни. Монгол, певец, отказывался повторить случайно услышанную прекрасную песню, потому что он поет лишь для Великой Пустыни. И мы вспоминали Стравинского, как он влагал в симфонию «Весны» великие ритмы человеческих устремлений. Затем в Кашмире мы наблюдали величественный Праздник Весны с фантастическими танцами факелов. И опять мы восклицали, в восторге вспоминая Стравинского.

Когда в горных монастырях мы слышали гремящие гигантские трубы и восхищались фантастикой священных танцев, полных символических ритмов, опять имена Стравинского, Стоковского, Прокофьева приходили на ум.

Когда в Сиккиме мы присутствовали на празднествах в честь великой Канченджанги, мы чувствовали то же единение с вечным стремлением к возвышенному, которое создало прекрасный поэтический облик Шивы, испившего яд мира во спасение человечества. Чувствовались все великие Искушители и Герои и Творцы человеческих восхождений.

Тогда уже «Весна» была признана всюду и никакие предрассудки и суеверия не боролись против нее. Но нельзя не вспомнить, как во время первого представления в Париже, в мае 1913 года, весь театр свистел и ревел, так что даже заглушал оркестр. Кто знает, может быть, в этот момент они в душе ликовали, выражая это чувство, как самые примитивные народы. Но, должен сказать, эта дикая примитивность не имела ничего общего с изысканною примитивностью наших предков, для кого ритм, священный символ и утонченность движения были величайшими и священнейшими понятиями.

Думалось, неужели тысячи лет должны пройти, чтобы увидеть, как люди могут стать условными и насколько предрассудки и суеверия еще могут жить в наше, казалось бы, цивилизованное время. С трудом понимают люди, как честно приближаться к действительности. Жалкое самомнение и невежественная условность легко могут затемнять и скрывать великую действительность. Но для меня является драгоценным знаком засвидетельствовать, что в течение десяти лет моей работы в Америке я не почувствовал дешевого шовинизма или ханжества. Может быть, новая комбинация наций охраняет Америку от ядовитой мелочности. А наследие великой культуры майя и ацтеков дает героическую основу широким движениям этой страны. Поистине, здесь, в Америке, вы не должны быть отрицателем. Так много прекрасного возможно здесь, и мы можем сохранить нашу положительность и восприимчивость. Можно чувствовать наэлектризованность, насыщенность энергии этой страны; в этой энергии мы можем осознавать положительные элементы жизни.

Созидательное устремление духа, радость прекрасным законам природы и героическое самопожертвование, конечно, являются основными чувствами «Весны священной». Мы не можем принимать «Весну» только как русскую или как славянскую... Она гораздо более древняя, она общечеловечна.

Это вечный праздник души. Это восхищение любви и самопожертвования, не под ножом свирепой условщины, но в восхищении духа, в слиянии нашего земного существования с Вышним.

На расписной балке тенишевского дома записаны руны «Весны». Княгиня Тенишева, преданная собирательница и создательница многого незабываемого, уже ушла. Нижинский уже более не с нами, и уже Дягилев творит по-новому в духовных сферах.

И все же «Весна священная» нова, и молодежь принимает «Весну» как новое понятие. Может быть, вечная новизна «Весны» в том, что священность Весны вечна, и любовь вечна, и самопожертвование вечно. Так, в этом вечном обновленном понимании, Стравинский касается вечного в музыке. Он был нов, потому что прикоснулся к будущему, как Великий Змий в кольце касается Прошлого.

И волшебник созвучий, наш друг Стоковский, тонко чувствует истину и красоту. Чудесно, как жрец древности, он оживляет в жизни священный лад, соединяющий великое прошлое с будущим.

Правда, прекрасен в Кашмире праздник огней! Прекрасны гигантские трубы горных монастырей! Из-за Канченджанги началось великое переселение, несение вечной «Священной Весны»!

Мы знаем, насколько нежелательно одно распространение без утончения. Везде, где мы видим распространение без утончения, везде оно выражается в жестокости и грубости. Отчего погибли великаны? Конечно, потому, что рост их был несравним с утонченностью.

Не забудем и другое. Вспомним, когда в 1921 году в Аризоне я показывал фотографии монголов местным индейцам, они восклицали: «Они ведь индейцы! Они наши братья!» И так

же точно, когда затем в Монголии я показывал монголам изображения американских индейцев в Санта-Фе, они узнавали в них своих ближайших родственников. Они поведали замечательную сказку: «В давние времена жили два брата. Но повернулся Огненный Змий и раскололась Земля и с тех пор разлучились родные. Но вечно ждут они весть о брате и знают, что близко время, когда Огненная Птица принесет им эту желанную весть». Так, в простых словах от древнейших времен, люди устремляются в будущее.

Когда вы в Азии, вы можете видеть вокруг себя многое замечательное, что в условиях колыбели народов совершенно не кажется сверхъестественным. Вы легко встречаетесь с великими проблемами, заключенными в прекрасные символы. Мы всегда мечтаем иметь театр в жизни. В Азии вы имеете его ежедневно. В Монголии, во время многодневных священных торжеств, вы видите и замечательные танцы, и глубокую символику. В пустынях перед вами несут древние знамена и священные изображения в оправе тысячи народа, в громе трубном, в прекрасных красках костюмов и горных сверканий. И все это является выражением жизни. Если вы допущены принять участие в этой жизни, вы видите, насколько она сливается с природою; очень ценно это ощущение.

Во время священных танцев вы вспомните множества прекрасных сказаний, сотканых вокруг искусства и музыки Востока. В Тибете вы услышите, почему так величественны трубы и так мощен их звук. Вам скажут: «Однажды Властитель Тибета пригласил для очищения Учения великого Учителя Индии. Поднялся вопрос, как необычно встретить этого великого гостя. Невозможно встретить духовного Учителя золотом, серебром и драгоценными камнями. Но Лама имел видение и указал Властителю соорудить особые гигантские трубы, чтобы встретить Учителя особыми новыми звуками». – Разве это прекрасное почитание звука как такового не напоминает вам искание современных композиторов?

Вспомните орнаменты и рисунки американских индейцев в их старых становищах. Эти рисунки полны замечательного значения и напоминают о необыкновенной древности своей, ведя ко временам единого языка. Так, наблюдая и объединяя национальные символы, мы выясняем историческое значение чистого рисунка. В этом первичном начертании вы видите мысли о космогонии, о символах природы. В радуге, в молнии, в облаках вы видите всю историю устремлений к прекрасному. Эти начертания объединят давно разъединенное сознание народов; они те же, как и в Аризоне, так и в Монголии, так и в Сибири. Те же начертания, как на скалах Тибета и Ладака, так и на камнях Кавказа, Венгрии и Норвегии.

Эти обобщающие осознания должны быть особенно ценны теперь, когда так обострено стремление к эволюции. Человечество устремляется освободиться от старых форм и создать что-то новое. Но, чтобы создать что-то новое, мы раньше должны знать все древние источники. Только тогда мы можем мечтать об Озарении жизни.

Матери городов

«Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего...»

Когда идешь по равнинам за окраинами Рима до Остии, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятиmillionная столица цезарей. Также когда идешь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было все занято шумом ганзейского города! Нам почти невозможно представить себе величие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блестели мозаикой и стенописью – скудные обрывки церковных декораций Киева лишь знаем; обрывки стенописи в новгородской Софии; величественный, одинокий Нередицкий Спас; части росписи Мирожского монастыря во Пскове! Все эти огромные, большею частью фигуры, с мудрыми лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, все-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времен Ярослава.

В Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думали, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической Комиссии имелись доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная, малоазиатского характера работа. Еще раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь Киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, прочно связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный прием. Думаю, палата Роггеров в Палермо дает представление о палатах Киева.

Скандинавская культура, униженная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат за брата, который по традиции долго считался Матерью Городов. Поразительные тона эмалей; тонкость и изящество миниатюр; простор и спокойствие храмов; чудеса металлических изделий; обилие тканей; лучшие заветы великого романского стиля дало благородство Киеву. Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту; иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бытом, где фантазия не расходуется только на блеск подвигов.

Вот терем:

«Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точеные,
Каждые с маковкой-жемчужинкой;
Подворотня – дорог рыбий зуб,
Над воротами икон до семидесяти;
Среди двора терема стоят,
Терема все златоверховые;
Первые ворота – вальящетые,
Средние ворота – стекольчатые,
Третьи ворота – решетчатые».

В описании этом чудится развитие дакийских построек Траяновой колонны.

Вот всадники:

«Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки – золоты вершки;
А на ножках сапожки – зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты востры,
Круг носов-носов хоть яйцом прокати,
Под пята-пята воробей пролети.»

Точное описание византийской стенописи. Вот сам богатырь:

«Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженки в лапотках семишелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетено по золотому яхонту.
На плечах шуба черных соболей,
Черных соболей заморских,
Под зеленым рытым бархатом,
А во петелках шелковых вплетены
Все-то божьи птичущки певучие,
А во пуговках злаченных вливаны
Все-то люты змеи, зверюшки рыкучие...»

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьеза былинного языка, а по существу. Перед нами детали – верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится ею. Эта культура близка сердцу народа; народ горделиво о ней высказывается.

Заповедные ловы княжеские, веселые скоморошья забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

«Заложил Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложил же и церковь святая Софьи, митрополю и посем церковь на Золотых Воротах святое Богородице Благовещенье, посем святого Георгия монастырь и святая Ирины. И бе Ярослав любя церковныя уставы и книгам прилежа и почитая с часто в ноци и в дне и списаша книги многы: с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напоющи вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многы наложи в церкви святой Софьи, юже созда сам, украсил ю златом и серебром и сосуды церковными. Радовавшися Ярослав видя множество церквей».

Вот первое яркое известие летописи о созидательстве, об искусстве.

Великий Владимир сдвигал массы, Ярослав сложил их во храм и возрадовался о величии Христовом, об искусстве. Этот момент для старого искусства памятен.

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далек от вопля современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почувшего памятник, ценный на многие века. Так было; такому искусству можно завидовать; можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создан будто бы

так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега – мужа бывалого и много знавшего. Киев еще раньше облюбовали Аскольд и Дир. И тогда уже Киев привлекал много скандинавов: «и многи Варяги скуписта и начаста владети Польскою землею». При этом все данные не против культурности Аскольда и Диры. До Аскольда Киев уже платил дань хазарам, и основание города отодвигается к легендарным Кию, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве был и св. Апостол Андрей. Зачем прибыл в далекие леса Проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты Малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVI–XVII века до нашей эры. И тогда уже для сродоточения культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев еще покоится в земле, в нетронутых развалинах. Великолепные открытия искусства готовы. Эти веки освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость Киевского искусства создалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? До известия о нем мы имеем слова летописи, что славяне «изгнаша Варяги за море и не даша им дани»; вот упоминание об изгнании, а когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределенное время.

Как поразительный пример неопределенности суждений об этих временах, нужно привести обычную трактовку учебников: «прибыл Рюрик с братьями Синеусом и Трувором», что по толкованию северян значит: «конунг Рурик со своим Домом (син хуус) и верною стражею (тру вер)».

Крепость скандинавской культуры в северной Руси утверждает также и последнее толкование финляндцев о загадочной фразе летописи: «земля наша велика...», и т. д. и о посольстве славян. По остроумному предположению, не уличая летописца во лжи, – пресловутые признания можно вложить в уста колонистов скандинавов, обитавших по Волхову. Предположение становится весьма почтенным, и текст незнаний перестает изумлять.

Бывшая приблизительность суждений, конечно, не может огорчать или пугать искателей; в ней – залог скрытых блестящих горизонтов! Молодежь, помни о прекрасных наследиях минувшего!

Даже в самых, казалось бы, известных местах захоронены не вскрытые находки. Вспоминаю наше исследование Новгородского Кремля в 1910 году. До раскопок все старались уверить меня, что Новгородский Кремль давно исследован. Но не найдя никакой литературы о розысках жилых слоев Кремля, мы все же настояли на новых изысканиях. Часть Кремля оказалась под огородами, и таким порядком, ничего не нарушая, можно было пройти за глубину до 21-го аршина – до последнего Скандинавского поселения, с характерными для IX – X веков находками. В последовательных слоях обнаружилось семь городских напластований, большей частью давших остовы сгоревших построек. Поучительно было наблюдать, как от X века и до XVIII можно было установить летописные и исторические потрясения Новгородского Кремля. Разве не замечательно было знать, что даже такое центральное место, где стоит памятник тысячелетия России, оказалось неисследованным? Конечно, мы могли произвести этот исторический разрез одной широкой траншеей, но можно себе представить, сколько осталось во всех прочих соседних областях!

Вспоминаю это не во осуждение, но как завет молодежи о том, насколько мало еще сравнительно недавно знали родную старину: значит, какие блестящие вскрытия предстоят каждому наблюдательному искателю!

Сколько истинных кладов заложено на Руси! Сколько замечательных путников прошло по нашим равнинам и какое великое будущее суждено! Пусть молодежь соединится всей силой тела и духа и для великолепных истинных достижений!

По старине

I

Мы признали значительность и научность старины; мы выучили пропись стилей; мы даже постеснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначим в продажу с торгов за 28 000 рублей для слома чудный Ростовский кремль с расписными храмами, с княжескими и митрополичьими палатами, как это было еще на глазах живых людей, когда только случайность, неимение покупателя спасли от гибели гордость всея Руси.

Ничего больше вашему благополучному существованию не нужно; и никакого места по-прежнему в жизни нашей старина не занимает. По-прежнему далеки мы от сознания, что общегосударственное, всенародное дело должно держаться всею землею, вне казенных сумм, помимо обязательных постановлений.

Правда, есть и у нас немногие исключительные люди, которые под гнетом и насмешками «сплоченного большинства» все же искренно любят старину и работают в ее пользу, но таких людей мало, и все усилия их только кое-как удерживают равновесие, а о поступательном движении нельзя еще и думать.

А между тем в отношении древности мы переживаем сейчас очень важное время. У нас уже немного остается памятников доброй сохранности, нетронутых неумелым подновлением, да и те как-то дружно запросили поддержку.

Где бы ни подойти к делу старины, сейчас же попадаешь на сведения о трещинах, разрушающих роспись, о провале сводов, о ненадежных фундаментах. Кроме того, еще и теперь внимательное ухо может в изобилии услышать рассказы о фресках под штукатуркой, о вывозе кирпичей с памятника на постройку, о разрушении городища для нужд железной дороги. О таких грубых проявлениях уже не стоит говорить. Такое явное искаительство должно вымереть само: грубое насилие встретит и сильный отпор. После знаний уже пора нам любить старину, и время теперь уже говорит о хорошем, художественном отношении к памятникам.

Минувшим летом мне довелось увидеть много нашей настоящей старины и мало любви вокруг нее.

Последовательно прошла передо мною Московщина, Смоленщина, вечевые города, Литва, Курляндия и Ливония, и везде любовь к старине встречалась малыми, неожиданными островками, и много где памятники стоят мертвыми.

Что же мы видим около старины?

Грозные башни и стены заросли, закрылись мирными березками и кустарником. Величавые, полные романтического блеска соборы задавлены ужасными домишками. Седые иконостасы обезображены нехудожественными доброхотными приношениями. Все потеряло свою жизненность. И стоят памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не дает спать на диво обожженный кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев, кому мешают стена проложить конку, кого беспокоят безобидные изразцы и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора.

Так редко можно увидеть человека, который искал бы жизненное лицо памятника, приходил бы по душе побеседовать со стариной. Фарисейства, конечно, как везде, и тут не оберешься. А сколько может порассказать старина родного самым ближайшим нашим исканиям и стремлениям.

Вспомним нашу старую (нереставрированную) церковную роспись. Мы подробно исследовали ее композицию, ее малейшие черточки и детали, и как еще мало мы чувствуем общую красоту ее, т. е. самое главное. Как скучно мы сознаем, что перед нами не странная работа гру-

бых богомазов, а превосходнейшая стенопись. Между прочим, в Ростове мне пришлось познакомиться с молодым художником, иконописцем г. Лопачевым, и случилось пожалеть, что до сих пор этому талантливому человеку не приходится доказать свое чутье и умение на большой реставрационной работе. Способный иконописец и сидит без дела, и около старых икон толпятся грубые ловкачи-подрядчики, даже по Стоглаву подлежащие запрещению касаться святых ликов, богомазы, которых в старое время отсылали с Москвы подальше.

Проездом через Ярославль слышно было, что предстоит ремонт Ивана Предтечи; следует поправить трещины. Но страшно, если, заделывая их, кисть артельного мастера разгуляется и по лазоревым фонам, и по бархатной мураве; получится варварское дело, ибо писали эти фрески не простые артельные богомазы, а добрые художники своего времени.

Мало мы еще ценим старинную живопись. Мне приходилось слышать от интеллигентных людей рассказы о странных формах старины, курьезы композиции и одежды. Расскажут о немцах и других иноземных человеках, отправленных суровым художником в ад на Страшном суде, скажут о трактовке перспективы, о происхождении форм орнамента, о многом будут говорить, но ничего о красоте живописной, о том, чем живо все остальное, чем иконопись будет важна для недалекого будущего, для лучших «открытий» искусства. Даже самые слепые, даже самые тупые скоро поймут великое значение наших примитивов, значение русской иконописи. Поймут, и завопят, и заахают. И пускай завопят! Будем их вопление пророчествовать – скоро кончится «археологическое» отношение к историческому и к народному творчеству и пышнее расцветет культура искусства.

Мы переварили западных примитивов. Мы как будто уже примиряемся с языком многих новейших индивидуалистов. К нам много теперь проникает японского искусства, этого давнего достояния западных художников, и многим начинают нравиться гениальные творения японцев с их живейшим рисунком и движением, с их несравненными бархатными тонами.

Для дела все равно, как именно, лишь бы идти достойным путем; может быть, хоть через искусство Востока взглянем мы иначе на многое наше. Посмотрим не скучным взором археолога, а теплым взглядом любви и восторга. Почти для всего у нас фатальная дорога «через границу», может быть, и здесь не миновать общей судьбы.

Когда смотришь на древнюю роспись, на старые изразцы или орнаменты, думаешь: какая красивая жизнь была. Какие сильные люди жили ею. Как жизненно и близко всем было искусство, не то что теперь, – ненужная игрушка для огромного большинства. Насколько древний строитель не мог обойтись без художественных украшений, настолько теперь стали милы штукатурка и трафарет. И добро бы в частных домах, а то и в музеях, и во всех общественных учреждениях, где не пауки и сырость должны расцвечать плафоны и стены, а живопись лучших художников, вдохновляемых широким размахом задачи. Насколько ремесленник древности чувствовал инстинктивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходящую из его рук, настолько теперь процветают нелепый штамп и опошленная форма. Все вперед идет!

II

Грех, если родные, близкие всем наши памятники древности будут стоять заброшенными.

Не нужно, чтобы памятники стояли мертвыми, как музейные предметы. Не хорошо, если перед стариною в ее жизненном пути является то же чувство, как в музее, где, как в темнице, по остроумному замечанию де ла Сизеранна, заперты в общую камеру разнороднейшие предметы; где фриз, рассчитанный на многоаршинную высоту, стоит на уровне головы; где исключаящие друг друга священные, обиходные и военные предметы насильственно связаны по роду техники воедино. Трудно здесь говорить об общей целесообразной картине, о древней жизни, о ее характерности. И не будет этого лишь при одном неперемennom условии.

Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, в котором он красовался в былое время, – хоть до некоторой степени возвратите! Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и сараями; не допускайте в них современные нам предметы – и многие с несравненно большей охотой будут рваться к памятнику, нежели в музей. Дайте тогда молодежи возможность смотреть памятники, и она, наверное, будет стремиться из тисков современности к древнему, так много видевавшему делу. После этого совсем иными покажутся сокровища музеев и заговорят с посетителями совсем иным языком. Музейные вещи не будут страшною необходимостью, которую требуют знать, купно, со всеми ужасами сухих соображений и сведений во имя холодной древности, а наоборот, отдельные предметы будут частями живого целого, завлекательного и чудесного, близкого всей нашей жизни. Не опасаясь педантичной суши, пойдет молодежь к живому памятнику, заглянет в чело его, и мало в ком не шевельнется что-то старое, давно забытое, знакомое в детстве, а потом заваленное чем-то будто бы нужным. Само собою захочется знать все относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно, как завлекательную сказку, схватит всякий объяснения к старине.

Как это все старо и как все это еще ново! Как совестно твердить об этом и как все эти вопросы еще нуждаются в обсуждениях! В лихорадочной работе куется новый стиль, в поспешности мечемся за поисками нового. И родит эта гора – мышь. Я говорю это, конечно, не об отдельных личностях, исключениях, работы которых займут почетное место в истории искусства, а о массовом у нас движении. Не успели мы двинуться к обновлению, как уже сумели выжать из оригинальных вещей пошлый шаблон, едва ли не горший, нежели прежнее безразличие. В городах растут дома, художественностью заимствованные из сокровищницы модных магазинов с претензией на новый пошиб; в обиход проникают вещи старинных форм, часто весьма малопригодные для употребления. А памятники, наряду с природой живые вдохновители и руководители стиля, заброшены, и пути к ним засорены сущью и педантизмом. Кто отважится пойти этой дорогою, разрывая и отряхивая весь лишний мусор, собирая осколки прекрасных форм?

III

В глухих частях Суздальского уезда хотелось найти мне местные уборы. Общие указания погнали меня за 20 верст в село Торки и Шошково. В Шошкове оказалось еще много старины. Во многих семьях еще носили старинные сарафаны, фаты и повязки. Но больно было видеть тайное желание продать все это, и не в силу нужды, а потому что «эта старинная мода прошла уже».

Очень редко можно было найти семью, где бы был в употреблении весь старинный убор полностью.

– Не хотят, вишь, молодые-то старое надевать, – говорил старик мужичок, покуда дочка пошла надеть полный наряд.

Я начал убеждать собравшихся сельчан в красоте нарядных костюмов, что носить их не только не зазорно, но лучшие люди заботятся о поддержании национального костюма. Старик терпеливо выслушал меня, почесал в затылке и сказал совершенно справедливое замечание:

– Обветшала наша старина-то. Иной сарафан или повязка, хотя и старинные, да изорвались временем-то, – молодухам в дырках ходить и зазорно. И хотели бы поновить чем, а негде взять. Нынче так не делают, как в старину; может, конечно, оно и делают, да нам не достать, да и дорого, не под силу. У меня в дому еще есть старина, а и то прикупать уже из-за Нижнего, из-за Костромы приходится, и все-то дорожает. Так и проходит старинная мода.

Старик сказал правду! Нечем поновлять нашу ветшающую старину. Оторвались мы от нее, ушли куда-то, и все наши поновления кажутся на старине гнусными заплатами. Видел я попытки поновления старинных костюмов – в высшей степени неудачные. Если положить

рядом прекрасную старинную парчу с дешевой современной церковной парчой, если попробуете к чудной набойке с ее ласковыми синими и бурыми тонами приставить ситец или коленкор, да еще из тех, которые специально делаются «для народа», – можно легко представить, какое безобразие получается.

Современный городской эклектизм, конечно, прямо противоположен национализму; вместо нелепых попыток изобрести национальный костюм для горожан, не лучше ли создать почву, на которой могла бы жить наша вымирающая народная старина. Костюм не надо придумывать: века сложили прекрасные образцы его; надо придумать, чтобы народ в культурном развитии мог жить национальным течением мысли, чтобы он вокруг себя находил все необходимое для красивого образа жизни; надо, чтобы в область сказаний отошли печальные факты, что священники сожигают древние кички, «ибо рогатым не подобает подходить к Причастию». Необходимо, чтобы высшие классы истинно полюбили старину. Отчего фабрики не дают народу красивую ткань для костюмов, доступную, не грубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и песне, и музыке, и пляске, и радости. Пусть растет старинная песня, пусть струны балалаек вместо прекрасных древних ладов не вызванивают пошлых маршей и вальсов. Пусть и работает русский человек по-русски, а то ведь ужасно сказать, в местностях, полных лучших образчиков старины, издавна славных своею финифтью, сканным и резным делом, в школах можно встречать работы по образцам из «Нивы». Или еще хуже того: в Торжке, даже по гимназическим географиям знаменитом своим шитьем, не так давно была устроена земская школа с целью поддержать это ветшающее рукоделие и обновить его возвращением к старинной превосходной технике. Дело пошло на лад. Казалось бы, чего лучше – нашлась опытная руководительница, и школа имеет прямое, отвечающее местным запросам назначение; вы подумаете, что новое земство позаботилось о расширении этого удачного дела? – ничуть не бывало. Оно нашло школу излишнею и на днях совсем упразднило ее, на погибель бросая исконное местное ремесло. При таких условиях для себя разве сумеет народ сделать что-нибудь красивое? Единственно, если будет прочная почва, можно ждать и доброе дерево. Все знают, сколько цельного и прекрасного сохранили в своем быту староверы. Где только живет старина, там звучит много хорошего; живут там лучшие обычаи. Вот она старина-то!

Но не умеем мы, не хотим мы помочь народу опять найти красоту в его трудной жизни. Не с радостью собирателя, а бережно, только очень бережно можно отнимать у народа его остатки красоты, его дива дивные, веками им взлелеянные. Только строгими весами можно выверять равноценность сообщаемого нами народу и похищаемого у него.

В том же Шошкове меня поразила церковь чистотою своих форм: совершенный XVII век. Между тем узнаю, что только недавно справляли ее столетие. Удивляюсь и нахожу разгадку. Оказывается, церковь строили крестьяне всем миром и нарочно хотели строить под старину. Сохраняется и приятная окраска церкви, белая с охрой, как на храмах Романова-Борисоглебска. Верные дети своего времени, крестьяне уже думают поновлять церковь, и внутренность ее уже переписывается невероятными картинами в духе Доре. И нет мощного голоса, чтобы сказать им, какую несообразность они творят. При такой росписи странно было думать, что еще деды этих самых крестьян мыслили настолько иначе, что могли желать строить именно под старину.

Теперь же нас – культурнейших – окружают совершенно иные картины. Несмотря на все запрещения, несмотря на опеку старины – комиссию, на глазах многих тают целые башни и стены. Знаменитые Гедиминовский и Кейстутовский замки в Троках пришли в совершенное разрушение. На целый этаж завалила рухнувшая башня стены замка Кейстута на острове. В замковой часовне была фресковая живопись, особенно интересная для нас тем, что, кажется, была византийского характера; от нее остались одни малоизвестные остатки, дни которых уже сочтены, из-под них внизу вываливаются кирпичи. Слышно, что замок в недалеком будущем

кто-то хочет поддержать; трудно это сделать теперь, хоть бы не дать пищу дальнейшему разрушению. В Ковне мне передавали, что местный замок еще не так давно очень возвышался стенами и башнями, а теперь от башни остается очень немного, а по фундаментам стен лепят постройки. На каком основании, по какому праву появляются эти лачуги на государственной земле, которая недоступна даже для общественных учреждений?

В Мерече на Немане я хотел видеть старинный дом, помнящий короля Владислава, а затем Петра Великого. По археологической карте дом этот значится существующим еще в 1893 году, но теперь его уже нет; в 1896 году он перестроен до фундамента. Городская башня разобрана, а подле местечка торчит оглоданный остаток пограничного столба, еще свидетеля Магдебургского права города Мереча, а теперь незначительного селения. Кое-где видна на столбе штукатурка, но строение его восстановить уже невозможно.

На самом берегу Немана в Веллонах и в Сапежишках есть древнейшие костелы с первых времен христианства. В Ковне и в Кейданах есть чудные старинные домики, а в особенности один с фронтоном чистой готики. Пошли им Бог заботливую руку – сохранить подольше. Много по прекрасным берегам Немана старинных мест, беспомощно погибающих. Уже нечему там рассказать о великом Знице, Гедимине, Кейстуте⁵⁶, о крыжаках, о всем интересном, что было в этих местах. Из-за Немана приходят громады песков, а защитника леса уже нет, и лицо земли изменяется уже неузнаваемо.

На Изборских башнях только кое-где еще остаются следы узорчатой плиткой кладки и рельефные красивые кресты, которыми украшена западная стена крепости. Не были ли эти кресты страшным напоминанием для крестоносцев, злейших неприятелей пограничного Изборска? Под толстыми плитными стенами засыпались подземные ходы, завалились тайники и ворота.

Знаменитый собор Юрьева-Польского, куда более интересный, нежели Дмитровский храм во Владимире, почти весь облеплен позднейшими скверными пристройками, безжалостно впившимися в сказочные рельефные украшения соборных стен. Когда-то эта красота очистится от грубых приделов и кто выведет опять в жизнь этот удивительный памятник?

Деревянная церковь на Ишне около Ростова, этот прекрасный образец архитектуры северных церквей, обшит досками и теперь обносится шаблоннейшим заборчиком, вконец разбивающим впечатление темно-серой церкви и кладбища с тонкими березами. В медленном разрушении теряют лицо живописные подробности Новгорода и Пскова.

И не перечить всего погибающего, но даже там, где мы сознательно хотим отстоять старину, и то получается нечто странное. После долгого боя отстояли красивые стены Смоленска, «с великим тщанием» законченные при царе Борисе. Теперь даже кладут заплатки на них, но зато из старинных валов, внизу из-под стен, вынимают песок. Я хотел бы ошибиться, но под стенами были видны свежие колеи около песочных выемок, а вместо бархатистых дерновых валов и рвов под стенами – бесформенные груды песка и оползни дерева, точно после злого погрома. Вот тебе и художественный общий, вот и исторический вид! И это около Смоленска, где песчаных свободных косогулов не объять взглядом⁵⁷.

Обыкновенно у нас принято все валить на неумолимое время, а неумолимы люди, и время лишь идет по стопам их, точным исполнителем всех желаний.

Вокруг наших памятников целые серии именных ошибок, и летописец мог бы составить любопытный синодик громких деятелей искажения старины. И это следует сделать на память потомству.

---

⁵⁶ Влиятельные литовские князья Средневековья.

⁵⁷ Чтобы составить понятие о грандиозности смоленских стен, ср.: *И.И. Орлова*. Смоленская стена. Смоленск. 1903 г.

IV

Несколько лет назад, описывая великий путь из варяг в греки, мне приходилось, между прочим, вспоминать: «Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с целью охранения наших исторических пейзажей во имя красоты и национального чувства?»

С тех пор я видел много древних городищ и урочищ, и еще сильнее хочется сказать что-либо в их защиту.

Какие это славные места!

Почему древние люди любили жить в таком приволье? Не только в стратегических и других соображениях тут дело, а широко жил и широко чувствовал древний. Если хотел он раскинуться свободно, то забирался на самый верх местности, чтобы в ушах гудел вольный ветер, чтобы сверкала под ногами быстрая река или широкое озеро, чтобы не знал глаз предела в синеющих, заманчивых даях. И гордо светились на все стороны белые вежи. Если же приходилось древнему скрываться от постороннего глаза, то не знал он границы трущобности места, запирались он бездонными болотами, такими ломняками и буераками, что у нас и духу не хватит подумать осесть в таком углу.

После существующих городов часто указывают древнее городище, и всегда оно кажется гораздо красивее расположенных, нежели позднейший город. Знал так называемый «Трувор», где сесть под Изборском, у Словенского Ручья, и гораздо хуже решили задачу псковичи, перенесшие городок на гору Жераву. Городище под Новгородом по месту гораздо красивее положения самого города. Городище Старой Ладogi, рубленый город Ярославля, места Гродненского, Виленского, Венденского и других старых замков – лучшие места во всей окрестности.

Какова же судьба городищ? Цельные, высокие места мешают нам не меньше памятников. Если их не приходится обезобразить сараями, казармами и кладовыми, то непременно нужно хотя бы вывезти, как песок. Еще недавно видел я красивейший Городец-на-Саре⁵⁸ под Ростовом, весь искалеченный вывозкою песка и камня. Вместо чудесного места, куда, бывало, съезжался весь Ростов, – ужас и разоренье, над которым искренно заплакал бы Джон Рескин.

Но нам ли искать красивое? До того мы ленивы и нелюбопытны, что даже близкий нам, красивый Псков, и то мало знаем.

Никого не тянет посидеть на берегу Великой перед лицом седого Детинца⁵⁹; многим ли говорит что-нибудь название Мирожского монастыря, куда следует съездить хотя бы для одних изображений Спаса и Архангела в приделах.

Старинные башни, рынок под Детинцем, паруса и цветные мачты торговых ладей, как все это красиво, как все близко от столицы. Как хороши старинные домики со стильными крылечками и оконцами, зачастую теперь служащие самым прозаическим назначениям, вроде склада мебели и кладовых. И как мало все это известно большинству, кислому будто бы от недостатка новых впечатлений.

Если и Псков мало знаем, то как же немногие из нас бывали в чудеснейшем месте подле Пскова – Печорах? Прямо удивительно, что этот уголок известен так мало. По уютности, по вековому покою, по интересным строениям мало что сравняется во всей Средней Руси. Стены, оббитые литовцами, сбегают в глубокие овраги и бодро шагают по кручам. Церкви, деревянные переходы на стене, звонницы – все это, тесно сжатое, дает необыкновенно цельное впечатление.

Можно долго прожить на этом месте, и все будет хотеться еще раз пройти по двору, уставленному странными пузатыми зданиями красного и белого цвета, еще раз захочется пройти

---

⁵⁸ Городец-на-Саре, быть может, представляет не что иное, как первоначальное место Ростова. Раскопка, которую удалось произвести на остатках городища, дала несколько характерных предметов X, XII вв. Гнездовского типа.

⁵⁹ Кроме живых слов Костомарова в Северных народоправствах, к картине величия Пскова, см. материалы: *Ф. Ушаков*. Псковский Городец и Мирож и как места первых псковских поселений. СПб., 1902.

закоулком между ризницей и старой звонницей. Вереницей пройдут богомолцы; из которой-нибудь церкви будет слышаться пение, и со всех сторон будет чувствоваться вековая старина. Особую прелесть Печорам придают полуверцы – остатки колонизации древней Псковской земли. Каким-то чудом в целом ряде поселков сохранились свои костюмы, свои обычаи, даже свой говор – очень близкий ливонскому наречию. В праздники женщины грудь увешивают набором старинных рублей, крестов и брактеатов, а середину груди покрывает огромная выпуклая серебряная бляха-фибула.

Издали толпа – вся белая: и мужики и бабы в белых кафтанах; рукава и полы оторочены незатейливым рисунком черной тесьмы. Так близко от нас, презирающих всякую самобытность, еще уцелела подлинная характерность и несколько сот полутемных людей дорожат своими особенностями от прочих.

Часто говорится о старине и в особенности о старине народной, как о пережитке, естественно умирающем от ядовитых сторон неправильно понятой культуры. Но не насмерть еще переехала старину железная дорога, не так еще далеко ушли мы, и не нам судить: долго ли еще могут жить старина, песни, костюмы и пляски? Не об этом нам думать, а прежде всего надо создать здоровую почву для жизни старины, чтобы в шагах цивилизации не уподобиться некоторым недавним просветителям диких стран с их тысячелетней культурой. А много ли делается у нас в пользу старины, кроме казенных запрещений разрушать ее?

Поговорите с духовенством, поговорите с чиновничеством и с полицией, и вы увидите, какие люди стоят к старине ближайшими. Ведь стыд сказать: местная администрация, местные власти часто понятия не имеют об окружающей их старине. Не с гордостью укажут они на памятники, близ которых их бросила судьба и которыми они могут наслаждаться; нет, они, подобно захудалому мужичонке, будут стараться скорее отделаться от скучных расспросов о вещах, их пониманию недоступных, и карты и сплетни куда важнее для них всей старины, вместе взятой.

Откуда же тут возьмется здоровая почва? Откуда сюда придет самосознание? И мы готовы заговорить хоть по-африкански, лишь бы не подумал кто, что свое нам дороже чужого. Старшее поколение, не имея в руках археологии русской, которая занимает свое место лишь за последнюю четверть века, мало знает старину; молодежь почему-то считает старину принадлежностью стариков. И как выйти из этого заколдованного круга? Каким путем удастся нам полюбить старину и понять красоту ее – просто неведомо.

Можно подумать, не нужны ли здесь еще какие-либо приказания. Не нужно ли еще отпуска казенных сумм?

Предвижу, что археологи скажут мне: дайте денег, укажите средства, ибо монументальные сооружения требуют и крупных затрат. Но не в деньгах дело; денег на Руси много; история реставрации Ростовского кремля и некоторых других памятников, наконец, сейчас переживаемое нами время ясно свидетельствует, что если является интерес и сознание – находятся и средства, да и немалые. Деньги-то есть, но интереса мало, мало любви. И покуда археология будет сухо-научною, до тех пор без пророчества можно предсказать отчужденность ее от общества, от народа.

Картина может быть сделана по всем правилам и перспективы, и анатомии, и ботаники, и все-таки она может вовсе не быть художественным произведением. Дело памятников старины может вестись очень научно, может быть переполнено специальнейшими терминами со ссылками на тысячетомную литературу, и все-таки в нем может не быть духа живого, и все-таки оно будет мертво. Как в картине весь ее смысл существования часто заключается в каком-то необъяснимом словами тоне, в какой-то не поддающейся формуле убедительности, так и в художественном понимании дела старины есть много не укладывающегося в речи, есть многое, что можно только воспринять чутьем. И без этого чутья, без чувства красоты исторического

пейзажа, без понимания декоративности и конструктивности все эти разговоры будут нелепой тарабарщиной.

Не о легком чем-то говорится здесь. Слов нет, трудно не утратить чувства при холодных основах знаний; много ли у нас профессоров-наставников, в которых горит огонь живого чувства?.. Часто, раз только речь касается чувства, получается полная разногласица, но наученным опытом нельзя бояться ее, – всегда из массы найдутся немногие, которым чувство укажет правду, и на этой правде закопошится общий интерес, а за ним найдутся и средства, и все необходимое.

Бесспорно, за эту четверть века много уже сделано для дела старины, но еще гораздо больше осталось впереди работы самой тонкой, самой трудной. И не такое дело старины, чтобы сдать ее в археологические и архивные комиссии и справлять триумф ее пышными обедами археологических съездов, да на этом и почтить.

Все больше и больше около старины накапливается задач, решить которые могут не одни ученые, но только в единении с художниками, зодчими и писателями.

В жизни нашей многое сбилось, спутались многие основы. Наше искусство наполнилось самыми извращенными понятиями. И старина, правильно понятая, может быть доброй почвой не только научной и художественной, но и оплотом жизни в ее ближайших шагах.

Я могу ожидать вопрос: «Вы дали неутешительную картину дела старины русской, но что же вы укажете, как ближайший шаг к нравственному исправлению этого сложного дела?»

Что же мне оставалось бы ответить на такой прямой вопрос? Ответ был бы очень старый: пора русскому образованному человеку узнать и полюбить Русь. Пора людям, скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться высоким и значительным, которому они не сумели еще отвести должное место, что заменит серые будни веселою, красивою жизнью.

Пора всем сочувствующим делу старины кричать о ней при всех случаях, во всей печати указывать на положение ее. Пора печатно неумолимо казнить невежественность администрации и духовенства, стоящих к старине ближайшими. Пора зло высмеивать сухарей – археологов и бесчувственных педантов. Пора вербовать новые молодые силы в кружки ревнителей старины, пока, наконец, этот порыв не перейдет в национальное творческое движение, которым так сильна всегда культурная страна.

1903

2. Духовные сокровища (*Философия культуры*)

Держава Света

«Ангел Благое Молчание». Кто не восхищался пламенной тайной в образе огневого Ангела? Кто не преклонялся перед всепроникающей вестью этого жданно-нежданного Гостя! Он безмолвен, как сердце постигшее. В Нем хранима нетленная красота духа. Красота в вечности безмолвного и кроткого духа – Он и хранит, и напутствует.

«Ангел есть неосязаемое, огневидное, пламеносное», – говорит «Зерцало». «Языка для слова и уха для слышания не требует, без голоса и слышания слова подает един другому разума своя»... «Мечтательное тело надевают ангелы для явления людям».

В молчании было видение. Исполнились света предметы. И воссиял лик Великого Гостя. И замкнул Он уста и скрестил руки, и струился светом каждый волос Его. И бездонно пристально сияли очи Его.

В бережности принес Пламенный весть обновленного, благословенного мира. Тайночью Он дал знак ко благу. В дерзании Он напомнил о Несказуемом.

Без устали в часы дня и ночи будит Он сердце человеческое. Он сказывает приказ к победе духа, и каждый поймет и примет Его на языке своего сердца.

Кто же запечатлел Ангела Благое Молчание? Образ Его писем поморских. Но не только от полуночного моря тайна сия. В ней ясен и покрытый лик вестника Византии. В ней и тайна креста. Запечатлен Ангел Молчания тою же рукою и мыслью, что сложила образ Софии Премудрости Божией. Пламенны крылья устремленной Софии, пламенны же и крыла Ангела Благого Молчания. Огненны кони, Илию возносящие. И пламенное крещение над апостолами. Все тот же огонь, Агни всеведения и возношения, который проникает все Сущее и перед которым слово не нужно.

Рассекают пространство искры динамо. В напряжении расцветают они спиралями восходящие и сверкают как древо ветвями и листьями огня. Логос мысли нагнетает прану, и в трепете смущается человеческое естество перед блистанием языка молнии. Вспыхивает огонь Кундалини. Вращаются колеса Иезекиила, вращаются чакры Индии, грозен глаз Капилы...

Где же предел сиянию? Где размер мощи? Но невидим стал свет, и звук потонул... Ничто не мерцает, и сам аромат праны растворяется. Это высшее напряжение. Недоступно глазу и неслышно уху. Лишь сердце знает, что взывает молчание и переполнена чаша. Сперва молния и гром, и вихрь, и трепетание, и лишь затем в молчании Глас Несказуемый. Говорит Агни-Йога: «Первый завет грому подобен, но последний творится в молчании». Сперва Вестник Пламенный, а затем Сама Пречистая София Премудрость...

Сказано: Благодать пугливая птица; стремительны крыла Софии – горе неусмотревшему, горе непостигшему, отогнавшему. Крыло, пламенное по Благодати, ставшее явным, почему явится опять жестокому или робкому глазу? Но сколько огней уже различных даже неиспытанным оком! Об обителях Света мечтает человечество. Мечтает в молчании, среди мрака в дерзании признаваясь себе. Даже верит ночью, оно днем не исповедует. Хотя и помнит закон: «Верую и исповедую». Сами отлично знают, что вера без утверждения лишь призрак, лишь отвлеченность! Но ведь благодать есть привлеченность и утвержденность. Иначе к чему все туманные воздыхания? И к чему наука, если дух не дерзает на приложение? Никодим во нощи лишь символ веры без последствий, лишь искра без пламени и отепления.

Смердяще разложение. Невыносим холод невежества. Недопустим по вреду своему, по заражению накоплений, по разложению основ. Уже многожды испуганная Благодать птица тревожит белыми крыльями у запертых окон, но боимся всего нарушающего невежество наше и

надеемся на затворы. Если даже глаз увидит – мы назовем случаем, если ухо подтвердит – мы скажем – совпадение. Для нас даже Икс-лучи и радий просто нечто, а электричество есть просто фонарь для удобства. Если нам скажут, что мысль изменяет вес тела – и это не смутит механиков цивилизации.

Необычно увеличивается неправильность кровообращения и губительное давление крови. Последняя форма инфлюэнцы подобно легочной чуме сжигает легкие. Пылает гортань. Свиристует астма. Усиливается менингит и «непонятные» сердечные явления. Но для нас эти показатели пока лишь «модные болезни», не заслуживающие еще общего внимания. Мы слышим о переполнении пространства волнами радио, об отравлении газOLIном, об особенностях пресыщения электричеством... Но думать о будущем неприятно, и судьба гольфного шара равняется иногда судьбе шарика планеты. Мы боимся обратиться подобно мудрой Хатшепсут к тем, которые будут жить в грядущие годы, которые обратят сердца свои и будут взирать на будущее.

Но если даже «пугающее» понятие «будущее» и будет признано, то обычно оно будет обставлено такими пережитками вчерашнего дня, что путь к нему сразу превратится в подземелья темницы. Между тем первое условие познания – не стеснять методом изучения. Не настаивать на условных методах.

Познание складывается дерзанием, внутренними особыми накоплениями. Подходы к Единому Знанию так многообразны. Описание этих зовов и вех жизни составило бы нужнейшую и ободряющую книгу. Не настаивать, не узреть, не угнетать указкою, но напоминать о свете, об огнях пространства, о высоких энергиях, о сужденных победах необходимо. Надо собрать все факты, еще не вошедшие в элементарные учебники. Надо нанизывать эти факты с полнейшей добросовестностью, не презирая и не высокомерничая. Также и без лицемерия, ибо за ним скрыт личный страх, иначе невежество.

Никогда нельзя знать, откуда придет полезное зерно или звено завершающее. Физик, биохимик, врач или священник, или историк, или философ, или тибетский лама, или брамин-пандит, или раввин-каббалист, или конфуцианец, или старуха, знахарка, или, наконец, спутник, имя которого почему-то забыли спросить, кто и как принесет? В каждой жизни так много замечательного, светлого, необычного. Только вспомнить. Среди напоминаний вспыхивают лучшие, временно затемненные звезды. Итак, опять, не покидая трудового дня, мы близимся не к запрещениям, но к возможностям, осветляющим жизнь. Именно не наше дело настаивать, чтобы не перейти в насилие, ибо насилуем ничего не достигнуто. Но, твержу, следует напоминать о радостях возможных. Имена этих радостей духа трудно выразить на языке плотского мира.

«Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое», – заповедует Преп. Исаак Сирий. Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой. Счастливы те, кто, осознав беспредельность, полюбили труды каждого дня...

Горение нужно. Огонь костра сзывает в пустыне путников. Так и зов напоминания стучится и доходит под всеми одеяниями до созревшего сердца. Путевые вехи разнообразны. Неожиданны зовы. Но ведь неустанная зоркость и заботливое внимание будут ключами к затворенным вратам. Неуместны отрицания, где заповедано широкое вмещение, честность познания и почитание Иерархии Блага.

В жизнь науки начинает входить непредубежденность. С трудом, под усмешки, но уже в разных странах освобожденные от страха души устремляются к сужденным синтезам. Может быть, скоро будут возможны съезды этих работников созидания. Уже слагаются центры, где безбоязненно, неосужденно невежеством или завистью можно обмениваться доверчивыми мыслями. Будем со всею заботливостью бережно собирать эти разносящие цветы единого сада культуры, помня «не бо врагам тайну повем, ни лобзание дам яко Иуда». Без холода осуж-

дения, без невежества отрицания откроем двери привета и светлого утверждения каждому зерну Истины.

Мы делаем из огненного восхищения возвышенных духом *Hysteria Magna* с повышенной температурой. Вишудга – центр гортани – лишь клубок истерический. Огни Святых Терезы, Клары, Радегунды; сердечная теплота Отцев Добротолубия; Тум-мо тибетских высоких лам; или хождение по огню в Индии – обряд, живущий и до сего времени; ведь Агни-Дику – Престол Огня тоже издревле помещался в Индии, где тысяча глав горы Маха Меру – все это еще в пределах ненормальности повышения температуры. Даже разница веса картофеля до разложения и потеря веса при сложении отдельных частей его не заставляет подумать об энергиях, которые пока избегали изучать чистосердечно и добросовестно. Между тем каждый искренний химик сознается, что при любой реакции воздействует какое-то несказуемое условие, может быть, условие личности самого экспериментатора? Присутствие определенного лица воспрепятствовало смерти растений в лаборатории сэра Джагадиса Боше, но так как сэр Боше истинный ученый, то он сейчас же отметил это явление. Мало кто обращает внимание на воздействие природы человеческой на жизнь растений. Мало кто настолько утончен и зорок, чтобы принимать факты так, как они есть, а не так, как ему предписали суеверие, предрассудки, эгоизм и самомнение.

Светоносность (гайджаси) Манаса та же действительность, как и светоносные излучения, возникающие особенно при напряжении мысли высокого качества. Художники христианского иконописания, так же как и буддийские мастера, изображали световые излучения с великим знанием. Вглядитесь и сопоставьте эти изображения и вы найдете наглядное изображение и изложение кристаллизации света. Эту действительность ценности мысли, ценности света пора изучать и прилагать к жизни. Пора подумать, что, произнося великое понятие Благодать, мы не впадаем в отвлеченность, но осознаем реальность и драгоценность действительности.

Наступило время установления ценности находимых лучей и энергий. Предстоят долговременные, сознательные опыты над воздействиями и последствиями радия, x -лучей и всей той мощи, которая незримо напитывает и нагнетает атмосферу планеты. Без отрицания, в упорном познании нужно предпринять лабораторный опыт именно многолетних исследований. Там же будет исследоваться и психическая энергия, физиология духа, и светоносность, и мысль, и жизнедатели, и жизнехранители. Огромное целебное и творческое поле, и в самой длительности опытов отразится безбоязненность перед беспредельностью.

Огонь и свет; весь прогресс человечества приходит к этой вездесущей, всепроникающей стихии. Вызванная, она или будет осознана и законно приложена, или опалит неразумие несознательности. И в этом искании слово Единство зовет еще раз и стираются условные наросты Запада и Востока, Севера и Юга, и всех пыльных недоразумений. То же «умное делание», та же «тонкая боль» познающего сердца, то же «восхищение духа». И, отбрасывая мелочи наростов, мы усиливаемся, тем же Неделимым, Единым и вместе с апостолом повторяем: «Лучше пять слов сказать умом, нежели тьму слов языком».

Не оставим действительные ценности в отвлеченности, но будем неотложно применять их без предрассудков. Перенос действительности в абстракцию есть одно из прискорбных преступлений против культуры. Еще до сих пор часто не чувствуют различия между цивилизацией и культурой и тем самым отсылают ценности последней в облачную недосыгаемость. Сколько уже сужденного изгнано, засорено страхом и лицемерием! Но рано или поздно от страха нужно лечиться и освободить ту массу энергии, которую мы тратим на страх, раздражение, ложь и предательство. Скорей научимся запечатлевать фильмою наши излучения – мы увидим истинный паспорт духа. Говорит Агни-Йога: «Оглушая обыденностью, тьма кричит. Тьма не выносит дерзновение света».

Святая Тереза, Св. Франциск, Св. Жан де ла Круа в экстазе поднимались к потолку келий. Но что ж, скажете, – просто нарушение поляризации... к тому же теперь уже вообще неоче-

видное. Ну, а если и теперь есть свидетели левитации и изменения веса? Пламенный сослужил Святому Сергию. От пламенеющей Чаши Св. Сергий приобщался. В великом огне прогревались незримые истины. Возвышенное сознание озарилось пламенными языками. Во время молитвы Св. Франциска так сиял монастырь, что путники вставали, думая: «Не заря ли?» Сияние возгоралось над монастырем, когда молилась Св. Клара. Однажды свет сделался так блистателен, что окрестные крестьяне сбежались, подумав – «не пожар ли?».

Много преданий, а вот и нехитрый рассказ о Псковском Печерском монастыре. «Наш монастырь особенный. Отойдите в темную ночь подальше от монастыря да оглянитесь вокруг. Кругом – мрак беспросветный, зги не видать, а над монастырем светло. Сам сколько раз видел. – Может быть, это от огней монастырских? – Говорят так, кто не знает. Какие в монастыре огни: два фонаря керосиновых да две лампы перед иконами. Вот и все освещение. В городе у нас электричество горит, да и то в темноте не узнаешь, в какой стороне оно находится. Нет, это свет особенный...»

Также сбежались на пожар в Гималаях и также вместо пламени уничтожения нашли сияние духа.

Также стояли горы, окаймленные синими листьями огненного лотоса. Вспыхивал неопаливающий огонь. И пролетали молнии очищения. И не в предании, а теперь, когда знаки так нужны. Когда познание опять начинает подходить к явлениям с благостною рукою и глазами открытыми, когда неотложно выступили многие знаки. И стали их замечать на разных материках различные люди. После всех оговорок, после всех извинений люди стали сознаваться, что не по оплошности, но подлинно видят они самые разнообразные огненные явления. Особое проявление электричества!.. А что есть электричество, того так и не сказали опять.

При землетрясении в Италии видели все небо в языках пламени. Над Англией видели огненный крест. Суеверие ли только, или просто кто-то увидел то, что часто не замечали!..

Попробуйте проверить внимательность людей, и вы ужаснетесь, насколько мы не умеем изодрать нашу подвижность и зоркость. И сама мысль – этот драгоценный магнит, и мощная стрела не заострена и засорена в пренебрежении. Смейтесь, смейтесь, а все-таки не пытайтесь мыслить четко.

Впрочем, и бокс, и гольф, и крикет, и бейсбол вряд ли требуют силу мысли. Да и скачки, пожалуй, не для мышления. Можно придумать множество занятий, оправдывающих пренебрежение к мысли, но все-таки к творчеству мысленному обратиться придется, и потому малые упражнения внимания не будут излишни. Положительно в школах надо устроить особые курсы обострения внимания и мысли. Ведь редко умеют диктовать два письма или писать двумя руками, или вести два разговора. Часто совсем не умеют сохранить в представлении четкое изображение предмета и запомнить даже незатейливую обстановку. Для некоторых даже почти все иноземцы – на одно лицо. А ведь маленькая внимательность и четкость мысли дала бы огромные находения. Среди гигиены мышления заметим многое такое, что в мещанстве называется феноменами. И еще одна отвлеченность станет реальностью. И еще одна возможность заменит отчаяние отрицания.

Нам не уйти от века огня. И потому лучше оценить и овладеть этим сокровищем. Скепсис хорош в мере разумности, но как сомнение невежества он будет лишь разлагателем. Между тем весь мир сейчас особенно ярко разделился на разрушителей и созидателей. С кем будем?

Наслышаны мы о всяких световых излучениях, но все-таки презрительно слушаем об аурах человеческих и животных. Даже если фотографическая пластинка запечатлевает их, мы скорее намекнем на случайный дефект пластинки, нежели вспомним об общеизвестном издревле законе.

Когда мы вспоминаем о «странных экспериментах» Келли – мы скорее назовем его шарлатаном, но не подумаем об особом психическом свойстве его природы. Аппарат действовал в его руках, но отказывался действовать в руках других. Почему тогда каждая машина устает в

одних руках быстрее, нежели в других? Каждый опытный инженер замечал это. Почему усталость коня зависит от всадника? И рука сокращает жизнь букета цветов? Ходим вокруг психической энергии. Знаем, что подобно мощной старой *Militia crucifera evangelica*, собравшейся вокруг символа Креста, также должны мы собраться вокруг понятия Культуры. Не умаляя, не унижая это великое ведущее начало, но служа ему во всеоружии беспредрасудочного познания.

И сложно и прекрасно наше время, когда в горниле сплавов сияют многоцветные звезды. Опытные старцы заповедуют: о дивном в сердце делании. «Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего имя Господа, как молния вращается в пространстве пред тем, как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту внутреннюю надлежит вести так же, как ведут войну обыкновенную».

Когда же солнцем правды рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидные и звездовидные помышления. Или: «у того, кто установился в трезвении (сознании), чистое сердце отделяется мысленным небом со своим солнцем, луною, звездами, бывает вместилищем невместимого Бога по таинственному видению и восторжению ума».

«Сядь или лучше стань в несветлом и безмолвном углу в молитвенном положении. Не распускай членов. Сведи ум из головы в сердце. Храни внимание и не принимай на ум никаких мыслей, ни худых, ни добрых. Имей спокойное терпение. Держи умеренное воздержание».

Чтобы успособить этот труд, Св. Отцы указали особое некое делание, назвав его художеством, и даже художеством художеств. Естественное художество, как «входить внутрь сердца путем дыхания, много способствующее к собранию мыслей».

«Дыхание через легкие проводит воздух до сердца. Итак, сядь и, собрав ум свой, вводи его сим путем дыхания внутрь, понудь его вместе с сим вдыхаемым воздухом низойти в самое сердце, и держи его там, не давая ему свободы выйти, как бы ему хотелось. Держа же его там, не оставляй его праздным, но дай ему священные слова. Попекись навыкнуть сему внутри пребыванию и блюди, чтобы ум твой не скоро выходил оттуда, ибо вначале он будет очень унывать. Зато когда навыкнет, ему там будет весело и радостно пребывать, и он сам захочет остаться там. Если ты успеешь войти в сердце тем путем, который я тебе показал, и будешь держать этого делания всегда – оно научит тебя тому, о чем ты и не думал».

Итак, потребно искать наставника, знающего дело. Деятельность – умно-сердечная молитва совершается так: «Сядь на стульце в одну пядь вышиною, низведи ум свой из головы в сердце и придержи его там и оттоле взывай умно-сердечно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Ведай и то, что все такие приспособительные положения тела предписываются и считаются нужными, пока не стяжется чистая и не парительная в сердце молитва. Когда же Благодатью Господа достигнешь сего, тогда оставишь многие и различные делания пребудешь паче слова соединенными с единым Господом в чистой и не парительной молитве сердечной, не нуждаясь в тех приспособлениях. Не забудь при этом, что ты, когда по временам будет приходить тебе самоохотная чистая молитва, ни под каким видом не должен разорять ее своими молитвенными правилами... Оставь тогда правила свои и сколько сил есть простирайся прилепиться к Господу, и Он просветит сердце твое в делании в духовном».

Даже в глубоком сне молитвенные благоухания будут восходить из сердца без труда. Если и умолкнет она во сне, но внутрь тайно всегда священнодействоваться будет не прерываясь. Ибо только сей посвященный меч, будучи непрестанно вращаем, в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать врагов вспять и посекаль, опалая, как огонь солому».

Многократно можно выписывать из Отцев Церкви и из заветов пустынножителей и подвижников правила их, ими выношенные и примененные в жизни. «Когда сподобится духовных дарований, тогда непрестанно бывая воздействуем Благодатью, весь соделывается световидным и становится неотклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к

чему здешнему, но перешел от смерти в живот. Неизреченны и неизъяснимы блистания божественной красоты! Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли денницы укажете, на светлость ли луны, на свет ли солнца – все это неуважительно в сравнении со славою оною и больше скудно перед лицом истинного света, чем глубочайшая ночь или мрачнейшая мгла перед чистейшим светом». Так может говорить познавший из опыта, что есть «сокровенный сердца человек» – «свет, который во тьме светит и тьме его не объять».

Не отвлеченные символы, но реальное сознание отображал Макарий Египетский, когда писал: «Те, кто суть сыны Света, и сыны служения во Св. Духе, те от людей ничему не научатся, ибо они суть богонаученные. Ибо сама Благодать пишет в их сердцах законы Духа. Им не нужно достигать полноты убеждения в писаниях, написанных чернилами, но на скрижалях сердца Божественная Благодать пишет законы Духа и небесные тайны. Сердце же начальствует над всеми органами тела. И если Благодать проникла в долины сердца, то она властвует над всеми членами тела и над всеми помышлениями».

Начало тайны врача – «знание хода сердца» – заповедует египетский папирус. Тот, кто знает духовное сердце, тот знает и «тонкую боль» сердца физического, о чем так проникновенно говорит «Добротолюбие». Знающий эту «тонкую боль» познал и огонь любви – не любви воздыхания, но любви действия и подвига. Той любви, которая издревле зовется богочеловеческою, вознося людское чувствование. «Какой мудрец знания не будет владыкою любви», заповедует Агни-Йога.

«Тонкая боль», жар огня сердечного ведом потрудившимся в накоплениях опыта. Ведом тем, у кого труд осознанный вошел в молитву, а молитва претворилась в неумолчное биение сердца, в ритм жизни. Спросят ли вас, что есть ритм и почему важно познание его? Значит, вопросивший не знает тонкую боль сердца и не знает пространства и не прислушался к гимну природы. Без собственного напряжения не познает он искр подвига, приближающих его сердце к мере созвучия с Бытием и Любовию. Центр Духа связан с центром организма. Связь эта, веками известная, ни научно, ни философски не разгадана, но вместе с тем совершенно очевидна.

Чаша опыта! И этим путем мы опять подойдем к творчеству мыслью – к таинственному, но непреложному «Слово плоть бысть». Таким путем Логос воплощается в телесное. Тайна эта явлена в каждом человеке, в каждом воплощенном духе. Бог вложил человеку вечность в сердце – обитель духа нетленна, вечна через все воплощения. И познает она свет, ибо и сама является источником света. Тонкая боль есть шевеление тонкой энергии, а светоносность есть один из первых признаков действия энергий этих. Когда нагнетется свет этот, когда делается видим и нашему глазу – этот момент всегда остается жданно-нежданым. Завещано держать светильники зажженными, но момент вестника несказуем. Так несказуема и тонкая боль и завет, что радость есть особая мудрость. Можно вспомнить заветы Бхагавад-Гиты, и Агни Йоги, и Каббалы, и пророков Библии, и огонь Зороастра.

Платоновское «солнцеподобие» относится к тем же несказуемым, но светоносным понятиям. Встречаются испытывавшие, и для них не нужен словарь, но в движении едином и даже молчании они взаимно поймут язык поверх всех словесных различий. Потому исповедуйте, испытывайте, ибо не знаете, где лучший час ваш и когда вспыхнет огонь над чашею накоплений. Качество мыслей будет вожатым, а ненасытная устремленность будет крылами света Софии. Ведь сиять, но не сгореть заповедано.

Звучание сердечного центра, подслушанное и Сократом, созвучит ритму блага. Очищение материи Спинозы озонируется теми же волнами света. Световой центр сердца может засиять всеозаряющим пламенем – карбункул легенд Грааля.

Агни-Йога говорит: «В основе всей Вселенной ищите сердце. Творчество сердца напрягается чакрою Чаши. Величайшая мощь лежит в магните сердца. Слово, не содержащее в себе утверждение сердца, – пусто. Жемчужина сердца – тончайшая напряженность. Архат как

пламя несет в сердце все огни жизни». Ориген утверждает: «Глазами сердца видим Бытие». «Для чистых все чисто!» – безбоязненно заповедал апостол Павел. Он знал чистоту и действенность сердца, когда оно ведает лишь Благо и как магнит собирает вокруг себя лишь доброе. Магнитоподобность сердца упоминается часто, хотя научно также еще не познана. Между тем сокровища премудрости и ведения постигаются именно умом сердца, чашею любви и самоотверженного действия. Где сокровища ваше, там и сердце ваше. Светоносность сердца подобна флуоресценции моря, когда движение возжигает зримые, бесчисленные образования. Так и дуновение творческой любви возжигает светочи сердца. «Да будет свет», – говорится Мыслью Великого.

Внутренний человек хочет только добра, и в минуты сердечного сияния он необманно знает, где благо. Из сердечного сияния истекает лишь благо, и свет излучаемый может пресекать все изломы нарощенного невежества. Ибо грех и невежество – братья мрака. Жить в духе – значит сиять и благодотворять, и постигать, жить в плоти – значит затемнять и осуждать, и невежествовать, и удлинять путь. Но не следует забывать, что, удлиняя наш путь, мы затрудняем и путь близких, потому всякий эгоизм, думание о себе, саможаление, гордыня, всякое невежество – есть престол тьмы. Во имя близких мы не должны нарушать ритм волн света.

Полезны наблюдения над цветами. Сад света также нуждается в заботе и уходе, и струи чистых мыслей лучшее для него питание. Чем напряженнее свет, тем слабее тьма. Даже светоносное сердце прекрасного ангела могло избрать свободу омрачения вместо свободы служения и сияния. Потому нужно неотложное питание сада света, иначе пятнистые языки тигровых лилий пожрут лилии Благовещения и предательская белладонна скроет фрезии сияния вершин. Надо светиться, надо рождать и усиливать свет сердца. Сосияния и созвучия света в свободе познания усиливаются взаимно. Безмерна мощь объединенных благом мыслей. Уготован каждому свет, но можем закрывать его сосудом пустым. Сказано: от падения лепестка розы мира содрогаются и перо крыла птицы рождает громы на дальних мирах – какая прекрасная великая ответственность, и не обернем громы, рожденные легкомыслием на бытие земли.

Из этой возводящей ответственности истекает светоносное стремление добросовестно, без разочарований изучать все окружающее. Даже каждый виртуоз нуждается в ежедневных упражнениях. Повторено: «Если ты устал – начни еще. Если ты изнемог – начни еще и еще. И как щит любовь призови»...

Свет сияния мысли не только ощутим глазом, но и доступен фильму. Неотложно нужно несуетное изучение, безбоязненное и неэгоистичное. Очевидность родственна плоти, но не духу. Истина в действительности, но не в патологии очевидности.

Сердце – великий трансмутатор энергий – знает, где содрогание ужаса и где трепет восхищения. Дух отличает пятна ужаса и сияние восторга. Столько лучей и энергий уловляется вниманием ученых, это же внимание должно быть проявлено каждым человеком к ритму и свету, ведущим каждую жизнь. Зачем опалиться и обуглиться, если можно сиять в нетлении. Бог есть огонь, согревающий сердца, говорит преп. Серафим. Он знает тайны сердца, – поет псалмопевец в созвучии восхищения. Когда говорим о прекрасном, о тайнах сердца, то прежде всего имеются в виду прекрасные, творящие мысли. Как самые нежные цветы, их нужно растить, нужно поливать непрестанно радостными струями Благодати. Нужно ежедневно учиться четко и благостно мыслить. Нужно научиться мечтам – этим высшим росткам мысли. Дерзнем. Не убоимся мечтать в высоте. С горы – виднее. С гор скрижали Завета. С гор – герои и подвиг. Мечта светоносна. Пламенная мечта – порог Благодати. Огонь и мысль. Пламенные крылья Софии Премудрости Божьей.

Гималаи. 1930 г.

Огонь претворяющий

*И тогда – в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного дня.*

А. Блок

Много раз Блок повторял видение о лучах, о свете, об огне, преображающем Мир. И когда спрашивают Блока, отчего он перестал бывать на религиозно-философских Собраниях, он отвечает кратко: «Потому что там говорят о Несказуемом». Помню, как он приходил ко мне за фронтисписом для его «Итальянских песен» и мы говорили о той Италии, которая уже не существует, но сущность которой создала столько незабываемых пламенных вех. И эти огни небывалые, и гремящие сферы, и светлый меч, процветший огнем, – все эти вехи Блок знал как нечто совершенно реальное. Он не стал бы говорить о них аптечными терминами, но понимал их внешнюю несказуемость и внутреннюю непреложность.

Когда вспоминаешь о великих огнях Реальности, тогда среди недавно ушедших обликов непременно вспомнятся и Блок, и Скрябин, и Леонид Андреев: каждый по-своему, каждый своим языком рассказывал и предупреждал о великих реальностях, опять мощно наполняющих нашу жизнь. Из далекого прошлого люди заговорили опять об Амосе, о рыкающем Льве пустыни.

«И пожрет огонь чертоги,
Ибо злое это время».

«Не поколеблется ли от этого земля и не восплачет ли каждый живущий на ней?» – проникновенно указывает Амос, пастырь Фекойский. Опять вспомнили и начали претворять в своих вдохновениях Притчи Соломона, древнейшие Заветы Книги Бытия, вехи страницы Ригведы, Плающую Чашу Зороастра и все то множество непреложного уже исторического материала, которое говорит нам о том же огне, о том же ослепительном Дне Завтрашнем. Переступилась какая-то бездна. Ближе подошло сознание и к строкам Апокалипсиса, из которых выступили совершенные, ясные указания исторического и географического смысла. Люди особенно прилежно вспомнили одно время полузабытого Нострадамуса и вдруг, точно сняв восковые печати, закрывавшие смысл, убедились в длинном ряде совершенно явных исторических фактов, уже совершившихся и совершающихся на глазах наших, о чем за триста лет предвидел этот ясновидец. Вошли на научные страницы видения Сведенборга. Австрийский профессор издал Парацельса.

В какие-то точно вновь открытые Врата подходят люди к хранилищам старых вечных заветов. Вместо отталкивающей нетерпимости, не приводящей ни к чему, кроме зла и разложения, появились проблески творящего синтеза. Появилось ощущение той великой истины, которая существует предвечно и выражалась во многообразии вековых трансмутаций. После удручающего понятия осужденности выступило понятие Сердца и Огня и той Беспредельности, в которой широко вмещаются строения всех прозревших душ.

Толстой говорил: «Случалось ли вам в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все равно снесет». «Пусть очень высоко руль держит, тогда доплывет», – пожелал Толстой моему «Гонцу».

«Не смотри в бегущую воду», – говорят монгольские ламы. По опыту перехода верховьев быстрой Голубой реки во время ледохода знаем, насколько нельзя смотреть в эти стремительно несущиеся струи, пронизанные хрустящими льдинками. Нужно избрать дальнюю точку горизонта, чтобы не потерять равновесия. Эти два принципа, «как можно выше» и «как можно дальше», всегда вставали перед человечеством, а сейчас встают, может быть, особенно остро.

Ох, эти несущиеся льдинки, острые-преострые, холодно-ломкие, коней пугающие, точно какие-то заледенелые сердца человеческие, которые и сами, разбиваясь в стоне, стараются подсечь твердую поступь всего идущего «дальше» и «выше». Не против ли этих льдинок-сердец сейчас так стремительно обратилось сознание человеческое к огню. Что же противопоставить льдине и холоду и миражному потоку, как не огонь, освещающий, согревающий огонь, на котором куется меч светлый! Поиски тепла согревающего, творящие тепловые светочи, которые так выражены в обращении к Великой Матери Мира, оставят светлые зерна и для нашего времени. А за поисками тепла, за обращением к великому женскому сердцу мы опять обратимся и к поискам центра. В сердце восчувствуем, что нельзя более жить окраинами, нельзя более расчленяться, но создавать можно, лишь осознав центр, тот самый центр, тот самый Град Светлый, о котором столько сказано во всевозможных прообразах.

Кажется, уже вылиты чаши Апокалиптических Ангелов. Если и горчайшее этих чаш не пробудит сердце человеческое, то ведь и пламень великий куда обратится? Не к опалению ли? Сможет ли непробудившееся сердце трансмутировать этот жгучий пламень очищающий? И если человечество не захочет осознать, во имя чего можно собраться ему, то оно пронесется подобно разбивающимся холодным льдинкам Великой Голубой реки Жизни. Если этот пример разбивающихся льдинок дан нам Голубою рекою, то как же мутно-ужасны струи реки Желтой, постоянно носящей множество трупов. И Голубые и Желтые реки напоминают нам о примерах потери центра, потери единения, потери того простейшего и здорового чувства духовного просветления и накопления.

Примеры истории, с одной стороны, вдохновенные слова поэта, с другой, ведь это не метафизика, это не отвлеченность, а это то самое, во имя чего и грозно и моляще раздавались голоса пророков, предупреждая в самых сверкающих и зовущих образах человечество, забывшее о том, что и «выше» и «дальше».

И вот человечество вошло в кризис. Человечеству некому продать товары. Человечество не знает, в чем работа его, и не имеет работы этой. Вопрос о безработных является ужасной печатью века сего. Безработица прежде всего есть утеря смысла существования, есть следствие ужаса прикрепления существа своего к бегущим, осужденным на таяние льдинкам.

Человек научился завинчивать один винтик, который отвлек его от осознания смысла его бытия. В бедности человек дошел до самых огрубелых форм жизни, иногда более грубых, более бесформенных, нежели орудия каменного века. И в оскудении духа своего человек даже не пытается противостоять потоку обреченных льдинок, которые понесут его в безбрежный океан хаоса.

В ужасе человек ополчается на Прекрасное. Он старается оговорить, низвести ниже все то, что создавалось когда-то истинным подъемом духа. Человек старается разрушить Храмы. Ведь и льдинки пытаются срезать ноги коней переплывающих. Человек пытается перестать читать и с изумлением смотрит, если какие-то, с его точки зрения несовременные, кружки молодежи все же обращаются к великим Заветам. Долго нужно перечислять все те льдинки, которые создают ужас современного существования; те льдинки, которые в ожесточении пытаются уничтожить все на холодном пути своем.

Но не было времен безысходных, ибо безысходность противоречила бы Беспредельности. Как великий Светоч, восстает мощный Огонь, который может трансмутировать каждую льдинку в очищенную энергию. Потому-то велико сейчас время. Грозно оно, но, противопоставив лед огню нетленному, можно знать и исход. Конечно, каждый свободен избрать или лед, или огонь

творящий. Также каждый свободен остаться в той постыдной середине, которая причиняет, может быть, наибольшие страдания. «Ни холоден, ни горяч, но тепл», – говорят об извергнутых.

Сферы, нашедшие центр, начинают петь, ибо хаос петь не может. Музыка сфер там, где уже найден ритм, где уже найдено число, и в этом законном исчислении рождается великий ритм, сердца открывающий. Легко испепелится огнем сердце, ритма не знающее, но не сотрудник, творящий Бытие, – ритм воссоздает то пламенное сердце, которое становится нетленным и вечно восходящим, как и сам великий Огонь Пространства.

Сегодня 24-е число, число очень замечательное, хочется вопреки всем смущающим газетным известиям думать об Огне, о творчестве, о пламенном сердце и о пламенной мысли.

«Кто не боится остаться непонятым, тот с нами. Кто не боится соединить русла больших течений, тот наш друг. Кто не боится увидеть свет, тот от орлиного глаза. Кто не боится войти в огонь, тот огненного рождения. Кто не боится невидимого, тот может пронзить тьму. Кто не боится обойти мир, тот к дальним мирам обращен. Кто не боится знать заветы мудрости, тот будет с нами. Мы отказались и приобрели. Мы отдали и получили. Познающий идет подобно пустынному льву. Кто отзовется на рыкание льва? Лишь лев, освобожденный от страха».

«Где же узы? Где цепи? Познание дальних миров сложит венец достижения».

«Три огня. Затем чаша подвига». Зовет к мужеству и познанию Агни-Йога.

24 января 1932 г.

Гималаи

Звучание народов

I. Звучание народов

Давно сказано, что душа народов звучит не только в самих словах, но именно в звуках. Это и есть то подлинное звучание, которое выражает сущность, ибо каждый звук есть и цвет, есть и вся эссенция Бытия. Сравнительная фонетика наречий даст прекрасное зеркало души народов. Конечно, очень часто первоначальное звучание изломалось в вековых перестановках. Недаром говорится, что каждый язык меняется трижды в столетие, но если бы мы услышали язык в его чистоте, в произношении людей, прирожденных в этом наречии, то несомненно, что истинное звучание языка объяснило бы нам многое и в самом характере целой нации.

Упомянув нацию, мы должны безбоязненно определить, что есть национализм. Если это какое-то понятие, связанное с человеконенавистничеством, то оно будет попросту вредно и должно подлежать уничтожению, как и всякая ненависть, злоба, самость и невежество. Но в понятии национализма есть такие ценные основы, что, поняв его в чистейшем звучании народов, в их высшем проявлении, мы увидим еще один фактор прогресса.

Никто не будет возражать против индивидуальности, как выражения неповторенного ценнейшего комплекса чувств и творческих способностей. Если же существует всеми ограждаемая индивидуальность личности, то и в каждом коллективе, будет ли это коллектив семьи, государства, народа, отображается своя индивидуальность – значит, и это качество должно быть охраняемо. Таким образом, национализм вместо чего-то обедневшего в своей самости сделается лишь необходимым новым созвучием в хоре всех народов земных.

Пусть не только личная душа, но и великий коллектив души народной выражает свое лучшее, свое самое ценное, возвышенное и прекрасное. Если это выражение будет действительно прекрасным и возвышенным, то и всякие недопустимые в своей ограниченности понятия, вроде шовинизма, не найдут себе места в этом очищенном мощном хоре истинного прогресса.

Национализму, обедневшему в условностях и предрассудках, последнее время противопоставляется интернационализм, но всякое противопоставление часто содержит в себе самом угрозу противоположной условности. То же случилось и с современным понятием интернационализма. В стремлении найти какие-то общие формулы, в поисках стирания условных границ, интернационализм сам обратился во что-то стертое, смутное, избегающее высоких характерных выражений. Один ярый интернационалист говорил, что мировое уравнение должно разрушить всякую личность, и если бы разница мозгов препятствовала такому заданию, то следует посредством какой-то операции уравнивать мозги, сравнивая их по какому-то среднему уровню. Такое абсурдное стирание мозгов было произнесено человеком с университетским образованием. Мы могли бы не обращать внимания на эту формулу уничтожающей ярости, но мы видим, что во многих своих выражениях интернационализм, со всеми его новейшими суевериями, начинает клониться в сторону обезличения и стирания всего ценного.

Менее всего нам хочется критиковать. И то уже во взаимокритике люди дошли, попросту говоря, до клеветы, в таком размере, что идти дальше, пожалуй, уже некуда. Но, по счастью, во все трагические моменты человеческой истории вырастало какое-то ценное и всеобъемлющее понятие, которое примиряло ужасы обезличения с самостью ожесточившейся личности.

Если сейчас так упорно во всех частях света на различнейших наречиях заговорили о Культуре, то в этом своеобразном СОС человечества заключается истинное спасение. Никогда нельзя было найти такого одновременного хорового повторения слова Культура, как сейчас.

Перед нами лежит множество книг, и периодических изданий, и газетных статей, где именно это слово произносится во всевозможных спасительных и предостерегающих пониманиях.

Вот французский академик, рассуждая об истинном национализме, говорит о Культуре, полной человечности. И вы понимаете, что национализм этого выдающегося историка не есть шовинистическое ненавистничество, но именно лучшее выявление достойнейшей сущности народа. Никто из образованных людей не может не согласиться с тем видом национализма, который в формуле своей имеет культуру всечеловечности. Вот из другого конца света прекрасный философ и писатель обсуждает религию и культуру. И опять от совершенно других сердечных источников он приходит к тому же, а именно к оживлению религии культурой и жизненному возвращению человеческих возможностей и обязанностей. Вот из противоположного конца Индии, в Образовательном обозрении Мадраса, ученый индус непосредственно подходит к теме наболевшей и дает интересную статью «Культура и национальность». В прекрасных выражениях автор оформливает понятие культуры как нечто живое, возвышенное, вдохновляющее и украшающее. Не знаю этого автора, но в силу одного и того же закона Бытия мы начинаем говорить с ним на одном и том же языке, звучащем к постоянному обновлению и улучшению жизни человеческой.

И в других странах в самых разных комбинациях произносится слово Культура. Но везде как нечто неотложное, как истинное прибежище человечества. Вероятно, поборник культуры индус живет в своем национальном наряде; вероятно, поэт-китаец, думающий о культуре, не лишает себя китайских традиций. Сын Кавказа мыслит в благородной красе своих великих вершин. Ученый Франции остается во всех тех прекраснейших исторических традициях, в которых многие поколения сложили Культуру очень человечную. И последователи Шекспира, и Данте, и Гете, и Сервантеса понимают свой романтизм в своих доспехах, и новоизбранный Президент Соединенных Штатов Рузвельт знает сложный комплекс американского прогрессивного национализма.

Именно в понятии Культуры как живой каждодневности, зовущей к преуспеянию, все мы сходимся и радуемся каждому национальному проявлению. Именно укрепленные широкими понятиями культуры, мы обоюдно оберегаем ценности гения человечества. Та же культура поможет нам не только оберегать их как музейное достояние прошлого, но одухотворить эти сокровища как вехи светлого будущего. И национализм, и Культура, и даже стертый интернационализм, – решительно все человеческие понятия указывают нам, что нельзя дальше идти по стезе человеконенавистничества. Газета каждого дня, в бездонном укор, бросает нам обвинения в бесчеловечности и невежественности. Несмотря на всякие условные и часто мертворожденные договоры, человечество доходит до какой-то страшной изысканности в преступлениях ненависти. Как бы мы хотели, чтобы сказанное было преувеличением. Но оно не только не преувеличено, но недосказано по бедности выражений.

Все человечество сошло и на другом крике: оно вопит о кризисе и старается под порогом дома спрятать в чулке хотя бы кусочки золота. Но в то же время люди отлично понимают, что эти золотые обломки не надолго могут сохранить их хлеб насущный. Если человечество закроет и минирует все пороги домов, то, может быть, лишь завтра оно не пойдет на рынок и, может быть, неделю согласится пробыть без взаимознакомления. Цивилизация предъявит свои требования. Но она в своей механической условности никогда не поймет, что такое есть истинный национализм, что есть характерное звучание народа, полное творческих возможностей. Как следующая за цивилизацией ступень приходит стремление и тоска по Культуре. Ценности национализма нужно синтезировать, для сокровищ творчества нужна опора и понимание.

И вот зазвучали народы о культуре. Каждый по-своему начал сопоставлять это благословенное понятие со всевозможными общественными заданиями. Все ожесточенное и утесненное начинает вспоминать, что ведь не для взаимоуничтожения сошлись мы здесь. Каждый

народ хочет развиваться и преуспевать в настоящем самоусовершенствовании – иначе говоря, делать то, для чего мы и существуем на земле. И невежественное понятие самости претворится в подвиг достижения, если будут осознаны живые понятия истинного национализма и действительной культуры, как основ, неразрывно между собою связанных.

После мирового бедствия прошлой войны оказалось, что за целое десятилетие ровно ничего не улучшилось в быте человеческом, но, наоборот, все побледнело, обеднело и еще более ожесточилось. Как реакция войны, люди бросились искать единение в Лиге Наций, начатой с самыми благими намерениями, но оказалось, что единения не только не хватило даже до половины мира, но Лига часто является источником всевозможных новых недоразумений. Неоднократно все слышали, как именно в Лиге Наций ссорились державы, географически и духовно ничего между собою общего не имеющие.

После нарастающего разочарования в Лиге Наций начались обособления тарифные, паспортные и всякие прочие. Мыслители и вожди отлично понимают, что на абсолютном обособлении тоже далеко не уйдешь. И в то же время они страшатся быстро стершихся монет интернационализма. Но рядом стоит чучело национализма, увешанное всякими первобытными орудиями обихода. Но ведь это чучело не есть душа народа, это не есть истинное звучание всех ценнейших созвучий. Истинные сокровища опять безбоязненно должны быть открыты. Только настоящее проявление души народной, не связанное никакими невежественными предрассудками, покажет высоты творчества. В творчестве этом народы будут стремиться к мирному самоусовершенствованию, иначе говоря, они обратятся к воссозданию Культуры своей. Этот прекрасный хор культур народных, всех прекрасноразноцветных проявлений национализма даст то творчество, ответит на запросы сердца человечества.

Когда сердце человеческое жалеет и сострадает, никто не заботится, будет ли это выражением интернационализма или национализма. Если же сердце может сострадать лучше в одеянии страны своей – пусть оно и облечется в лучшие ткани, лишь бы оно не забыло, что есть сострадание и что есть любовь.

Когда мы говорим о задачах культуры, пусть это будет не аптека с ярлыками химических препаратов. Пусть это будет то взаимопонимание, то сострадание, которые могут взаимно помочь выйти из теснин губительного кризиса. Кризис, как материальный, так и духовный, обратился в свирепую эпидемию.

Люди закричали в ужасе: нельзя, невозможно! Но о том, что именно можно и что именно должно, они оставили помышление. Пусть же помышление о культуре, о народностях всего мира, о душе народа явится тем живым стимулом, который поможет выйти из пределов грозного кризиса и вновь приступить к самоусовершенствованию, со всем терпением, состраданием и любовью к ближним.

Пусть зазвучат народы!

1 января 1933.

Гималаи

II. Душа народов

В пене океанских волн каждый неопытный мореход находит хаос и бесформенное нагромождение, но умудренный опытом ясно различает и законный ритм и твердый рисунок нарастания волны. Не то же ли самое и в пене смятения народов? Также было бы недальновидно не различить гигантских волн эволюции. Было бы несправедливо не заметить внутренней законности и трогательных проявлений души народной. В этих проявлениях отражается высшая непреложная справедливость. Поучительно замечать, как народный глаз и народный ум возвращаются к своим героям, в многообразном подвиге которых выражена душа народная.

Герои, во время их строительного подвига, и не подозревали, что они являются выразителями стран, выразителями самой ценной конденсированной психологии. Они творили Благо. Они следовали своему непосредственному зову сердца. Иначе они и не могли бы действовать, ибо иначе они не были бы теми самыми героями, память о которых не только живет, но и возносится и углубляется в проницательности народной. Иногда может казаться, что имя героя, выразителя народной души, затемнено и точно отложено в какие-то дальние хранилища; но не от беззаботности это. Океанская волна тоже имеет свой ритм, и, рассыпавшись великолепным гребнем, она как бы исчезает только для того, чтобы опять набухнуть и кристаллизироваться в новом великолепии.

Америка готовится почтить память Вашингтона. В приготовлениях этих сказывается уже нерв всей страны. Это не просто деятель, которому благодарны современные поколения. Нет, это герой, которого осознала душа народная. Это герой, выразивший смысл строительства Америки. Это герой, давший без блужданий и уклонений то, о чем внутренне мечтало каждое созидательное сердце. Потому приготовление к чествованию памяти Вашингтона сразу примет характер не только национального праздника, но народного торжества.

Когда вы произносите имя Вашингтона и Линкольна, вы произносите сущность Соединенных Штатов Америки. И никто не знает это более твердо, нежели душа народная. Одухотворенное сердце народа отлично знает, где был творящий самоотверженный подвиг. И не в исторической хвале, но в почитании и трепетном, бережливом отношении к именам этих подвижников народ выражает свою непреложную оценку. В суматохе жизни, может быть, опять временно не будут упоминаемы эти великие имена, но как только душа народная почувствует необходимость пищи духовной, она опять неуклонно возвратится к тем, кто вел ее к блестящим строительным достижениям.

Так каждая страна, у сердца своего, бережет имена, ведшие ее к Свету. Обратимся ли к Франции, мы в самую трогательную минуту встретимся с героическим обликом Жанны д'Арк. Без различия направлений и возрастов, в минуту необходимости народ знает, кто был его выразителем. Так же твердо, как несла Жанна д'Арк подвиг свой, так же неизменно народ бережет ее имя, и в чествовании памяти ее выражается все большая сознательность и почитание. При этом почитание это вовсе не только клерикально. Даже неопытный глаз видит в облике Святой Деятелиницы носительницу, выразительницу священного сознания народа. И какая благодетельная героическая мечта снизошла на пастушку овец, подсказав ей о пастырстве над народом целой прекрасной страны!

Пройдем ли мы Италию, из-за высот и твердынь духовных и гражданских властителей Мира, из-за всех великолепных Медичи подымается все тот же несмыслимый, вечно живой и растущий Облик Святого Франциска Ассизского. И никакой народ, никакая толпа не будет разрушать память его, ибо он был выразителем сущности страны. Мятущийся, ищущий дух Италии претворился в Святом Франциске в прекрасном Апофеозе. Что бы ни случилось, куда бы ни повернула народная тропа, дух Святого Франциска останется живым. Сердце народное в самой удаленной хижине, в самых трудах улыбнется, сознавая, что сам Святой Франциск предстательствует о нем на судбище всемирном.

Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решение правды, но имя Святого Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. Будет ли это великое Имя в соборе, будет ли оно в музее, будет ли оно в книгохранилище, оно неизменно пребудет в глубинах души народной. Опять далеко за пределами церковного подвига, строительное и просветительное имя Святого Сергия хранится в сердцах как драгоценнейший Ковчег духа. Хранится оно как прибежище народного сознания в трудные минуты мировых перепутий. Не затемнится в существе своем Имя Святого Сергия, не затемнится во множестве других имен – сокровище души народной, от древних и до многих современных. Тогда, когда нужно, народ опять обращается к выразителю своей сущности.

Среди множества славных имен Египта народ не забывает память славной Хатшепсут, обновительницы традиций, насадительницы просвещения и созидательницы. Среди тысячелетних сменявшихся династий народ умеет взять неоспоримое по достоинству имя и, когда нужно, обратиться к нему, как к реликвии всеобновляющей и укрепляющей.

Не смешает со множеством славных имен народ Индии имя Акбара, собирателя, творца счастливой народной жизни. Народ не забывает и не припишет никаким умаляющим побуждениям широкие мысли великого объединителя Индии. В храмах индусских имеются изображения Акбара, несмотря на то что он был мусульманин. Вокруг головы императора изображается сияние, что вовсе не всегда является отличием просто властителя. Для Индии Акбар является не просто властителем, но сознание народное отлично понимает, что он был выразителем души народной. Так же как и многие, священные в памяти, имена, он собирал и сражался вовсе не для личной ненасытности, но творя новую страницу великой истории.

Вспомним ли мы о дальнем Тибете, строение государства свяжется с именем великого Далай-ламы Пятого. Где бы ни блуждало сознание тибетское, в существе своем оно хранит это имя создателя Поталы и тибетской государственности, хранит его как истинный оплот сердца своего. Целый ряд был далай-лам, но народ бережет имя строителя, собирателя, созидателя. В этом сказывается неуклонный суд народной души.

За пределами целого ряда китайских императоров, разве не судим мы Китай по Лао-цзы и Конфуцию?

Ведь не по торговле греческой воссоздаем мы достоинство матери классических стран, но по Аристотелю, Пифагору, Платону, по Фидию, по Сократу.

Что бы ни случилось с Германией, она твердо знает великих своих выразителей: Гете, Шиллера, Дюрера, Вагнера и тех, кому не изменит душа народная, что бы ни случилось.

И не должны ли мы судить Англию по Шекспиру? И не можем ли мы утверждать значение Скандинавии по устремленности викингов? И среди великих искателей, созидателей не забудем, что душа монгольская всегда бережет у сердца своего образ Чингиза. Не говорит ли этим Монголия, так хранящая облик героя, о своем потенциале к восхождению.

И разве великое имя царя Соломона не является символом целой огромнейшей психологии? И разве сердце каждого еврея не бережет в лучшем тайнике своем это несокрушимое, созидательное, громоносное имя? Уже не говоря о тех Великих Именах Высших Носителей Света, вышедших из сокровенной, священной колыбели Азии.

Ясно, что можно нескончаемо приводить неоспоримые примеры из стран и великих и малых о безошибочном суде души народной. В этих воспоминаниях составит блестящий ряд выразителей стран, выразителей эпох и духа человеческого. Разнообразны будут эти выразители и по времени, и по положению своему, по окружавшим их обстоятельствам, но какая-то неоспоримая планетарная ценность выявляется при отборе этих строительных прекрасных имен-понятий. Эти имена, они уже вышли за пределы личности, они уже стали синтетическими мировыми понятиями. Их вовсе не мало, и хранилище планеты, сокровищница творящего подвига, поистине прекрасна. Всеобъемлемостью своею, широтою своею выразители стран, народов, как белоснежные вершины Гималайские, в лучах света посылают друг другу привет, ничем не заслоненный. В дни празднеств Культуры все эти выразители лучших народных стремлений, запечатлевшие их и трудом и подвигом, претерпевшие и неуклонившиеся, будут тем истинным украшением планеты и прибежищем сердца народного, когда оно и болит и тоскует по правде. Не они ли, эти выразители народов, помогут претворить тоску и боль поисков в праздник подвига?

На празднике Культуры, среди чертога Знания и Красоты, среди длинных столов трапезы духовной, увидим мы стол светлый, светом осиянный. Откуда же сверкание это? Где же светлые гости престола сего? Может быть, уже снизошли они. Быть может, глаз наш, затемненный, не разглядит их, не вынеся сияния Света нездешнего. Но не будет сиять даже лучший престол,

если пуст он. Если сияет, значит, Они уже там. Не разглядеть, не сопоставить Их, но можно осознать Их в сердце, ибо что не вместит оно, сердце человеческое? Светом сердца сияют светлые гости Культуры.

1932

III. Печать века

Каждому, изучавшему историю человечества, конечно, бросался в глаза необъяснимый, но яркий факт особой печати каждого века, которою отмечалась жизнь человеческая на самых удаленных материках, когда не могло быть и речи ни о каких сношениях и сообщениях. Возьмем ли мы древнейшие периоды каменного века, не поразит ли изумительная аналогичность вещей этого периода как в Европе, так и в Египте, и в Америках, и в Азии. Мы не знаем, говорили ли эти праотцы на одном языке, но, конечно, они мыслили одним путем, ибо иначе они не могли бы сложить те же самые формы и применить ту же технику во всех ее особенностях. Перейдем ли мы к бронзовому веку, мы найдем те же объединительные формы, тот же обобщающий смысл человеческого обихода. Мы говорим – меч бронзового века, и часто даже не признаем никакого имени народности, ибо предмет ярко принадлежит веку, а народность стирается, как нечто второстепенное. Если мы пойдем по всем последующим векам, то, несмотря на явное расхождение мышления, мы все-таки усмотрим типичную печать века. Романский стиль, готика, ведь это тоже век, отзвучавший и в самых отдаленных землях. Возрождение, ведь многоцветные формы его облетели не только христианский, но и мусульманский и прочие миры. Не странно увидеть ту же технику как в русских иконах, так и в итальянских примитивах, и в персидской миниатюре, и в китайской и в тибетской живописи. Та же печать века, тот же знак человеческой мысли, которая без радио и телеграфа владела миром и эволюцией его.

Лишь бы не инволюция, как противоположность эволюции. Лишь бы мейстерзингер и цеховой мастер, даже темного средневековья, не имел повода возгордиться, сравнивая качество своего производства со стертыми формами нашего века. Средневековому мастеру часто даже не нужно было подписывать имя свое, ибо само качество и характерность вещи, созданной им, являлись его лучшей печатью. А что если печать века, этот почетный вековой герб, для нашего времени обратится в клеймо века? Как бы не произошел тоже объединяющий знак времени, когда по недоумению стиралось все характерное и сердце человеческое клеймилось терновником стандарта.

Нам скажут: «Не будет ли самомнительно предрешать какие-либо печати века нашего? Ведь те, которые творили уклад человеческий прошлых веков, не думали ни о каких печатях века, а просто пытались сделать как лучше, как достойнее». Ответим на это: «Конечно, было бы несовместимым самомнением думать об установлениях печатей века, но каждое мыслящее существо не может не обратиться мысленно к тем образцам искреннего человеческого творчества, которые самым своим существованием влекут мысль нашу к сопоставлению».

Действительно, как же без размышлений и сопоставлений пройдем мы мимо внутреннего качества старинной работы? Как же не заметить, с каким тщанием выбирался особенный ствол дерева для изображения Мадонны? Как же не оценить применение самое заботливое естественной градации янтаря? Как же не восхититься остроумно обдуманном применением формы жемчужины для тела статуэтки в руках венецианского мастера?

Эта тщательность выбора материала вполне отвечала и даже укрепляла технику самой руки мастера. Уверенно шла кисть и твердо следовал резец за творческой мыслью, полной желанием сделать как можно лучше, вне жгучих соображений о наживе и других посторонних соображений. Те сильные характеры, которые сквозят в чертах дошедших до нас портретов, складывались также не случайно, но в силу твердой и руководящей мысли, которая в светлом пламени своем сжигала мелкие искры зла, которые как скользкие насекомые вторгаются в оби-

ход человечества. Сияние этого светлого пламени освещало и Лоренцо Великолепного и всех тех, которые, даже при всех прочих своих несовершенствах, сочетались с великолепием прекрасного. Отнимите эти прекрасные искры несокрушимых драгоценных камней творчества, и от многих стран тем оторвалось бы, может быть, самое ценное, что дает им почетное место в Пантеоне Мира. Без этих сокровищ творчества мы не имели бы права мыслить и о Знамени Мира, которое, как бы его ни писать, остается почетным признаком устремления духа.

Умышленно устанавливать печать века не есть дело современников, но думать о лучшем качестве всех производств есть несомненная обязанность каждого мыслящего существа. Мы только что встретились с губительным понятием стандартизации в попытках строения новой жизни. Правильно, жизнь нового века должна отвечать потребностям широких масс. Жизнь должна быть истинно приспособленной для облегчения существования народа. Но кто же сказал, что форма венского стула, прочного для сидения, есть самая желательная? Или кто же в душе может примиряться со всеми безличными формами обихода, делаемого лишь для удешевления, как бы в надежде, что эти вещи, вследствие слабости самого материала, разложатся бесследно? Плоха такая надежда. Правда, очень многие наши книги обратятся в слившиеся кирпичи, наша слабенькая эмаль распадется и наши металлические сплавы, гордость дешевизны, даже и покрытые корою разлагающихся наростов, все же поразят глаз своим безличным безобразием.

Примитивы дошли до нас в своих блистающих красках вовсе не потому, чтобы создатели их в гордости своей хотели делать вековым назиданием. Вовсе нет, они просто хотели сделать лучше, чтобы само сердце горящее чувствовало в существе своем, как была приложена крайняя мера добросовестности. «Книги есть реки премудрости», «Художество изображения есть высшее художество», «Книга есть дар высокого духа», «Мастер изделия превыше рыцаря меча». Так мыслили старые мастера. На этом здоровом понимании, полные сознания ответственности, росли цехи, иконные дружины и все те многообразные творческие проявления, которые поражают нас и своим «добрым изделием» и благородством устремления. Правда, масло для картин очищалось десятками лет, прежде чем оно прилагалось для выполнения высокого художества. Делалось это опять же не из гордости, а из опытности. Куда же ушел этот опыт? Кому-то, вероятно, кажется достаточным оправданием упомянуть о быстроте круговорота нашей современной жизни. Может быть, кто-то даже думает, что человечеству уже некогда более мыслить о качестве. В этом была бы тяжкая клевета. Глава производства самых необходимых и прозаичных обиходных вещей как-то признавался, что покупатели прежде всего ценят те вещи, где была продумана форма и выражена своеобразная красота. Совершенно верно, нечего пенять на невежество масс. Невежды вовсе не в этих массах. Они, как черная зараза, расползаются по разным кругам, достигая даже высших общественных должностей. И своею поразительностью они создают клевету на народные массы.

Ведь и теперь можно заготавливать доброкачественное масло и прочие вещества для выражения духа человеческого. Можно и теперь начать изготавливать их на десятки лет вперед, чтобы достижения химии действительно бы оправдывали прочность и устанавливали бы целесообразность применения необходимых составов. Но для этого прежде всего нужно помыслить о будущем, об ответственности современников за все качество века. В этом не будет ни сомнения, ни гордости, но, наоборот, будет строгий контроль над ростом сознания и забота о том, чтобы лучшие ступени продолжали лестницу восхождения человечества. Во всех учебных заведениях и просветительных обществах должен быть всесторонне освещаем вопрос о качестве производства, конечно как внешнем, так и внутреннем. Наряду с установлением Дня Культуры должен быть установлен и «час качества». И как значителен будет этот час для выработки истинной печати века, когда молодые умы, содрогнувшись от возможности клейма века, устремятся к достойной печати, к благородному знаку, который сопровождает все их творческие устремления.

Ясно лишь одно: в момент необыкновенного напряжения мировой энергии все культурные силы должны быть вместе. Именно в такие знаменательные часы должно быть как нельзя более осознано сотрудничество во имя Блага и познание великой мощи мысли творящей.

IV. «Mutatis mutandis»

История в своих древних периодах дает нам многочисленные примеры последствий игры в кости и в другие азартные игры. Даже очень значительные страницы истории полны указаний, как властители обращались в рабов, проиграв в кости не только жен и детей, но и все свое государство. Многие поэтические и драматические произведения основаны на этих пагубных увлечениях. Даже само славное поле Курукшетры в основе великой битвы имело проигрыш в кости.

Казалось бы, все условия жизни с тех пор изменились. В основу положены новые кодексы законов, предусмотревшие массу деяний и последствий. Но все-таки пресса приносит странные сведения о том, что ввиду конских скачек, связанных с крупной игрою, переносится на другой срок день рождения короля. Если историк с изумлением убеждается в гигантских размерах последствий игры в кости, то, когда-то, другой историк с тем же удивлением и осуждением отнесется к такому явному предпочтению принципу игры перед почтением главы государства. Та же история отмечает давнишнее благословение оружия для смертной борьбы во имя того же самого Бога. Еще недавно мы были свидетелями, как многочисленные страны заклинали одного и того же Бога помочь им уничтожить врага. Когда-то мы встречались с фактом, что главы государства возили с собой особого повара во избежание отравления и имели особое лицо для отведывания яств. Не к тому же ли самому приходится и теперь прибегать выдающимся представителям государственности.

Подобные сопоставления можно приводить нескончаемо. Все они вызовут одно и то же удивленное восклицание: «Но ведь это то же самое, происходило ли оно в глубокой древности или в несколько измененном виде и костюме происходит сейчас. Значит, мы никуда не ушли». Может быть, даже в древности оно происходило более откровенно и более картинно, чем до известной степени искупалось внутреннее лицемерие и гнусность. К тому же в древние времена меньше было написано о лицемерии, и законы Ману, Хаммурапи и первых законодателей были много кратче, хотя во многих случаях в сжатости своей были много внушительнее.

С тех давних пор много государств успело возникнуть и вновь уйти в небытие, так много властителей переменялось, что рекордам истории не угнаться было за этими сменами, и только свидетельства художника, донесшего до нас на монете, медали или стеле новое имя, дало нам намек об исчезнувшем еще одном победителе. Но эти смены не могут поражать, когда перед нами колоссальные смены всей планетной поверхности. Когда помимо полулегендарной, но уже осознанной теперь Атлантиды, мы имеем целый список исчезнувших в сравнительно недавнее время совершенно исторических островов. Целая сказка превращений.

Остров Фалькон в Тихом океане был впервые замечен много лет тому назад и занесен на карту, но через несколько лет исчез под воду. Теперь, приблизительно год тому назад, он снова появился на поверхности.

В легендах о короле Артуре рассказывается об исчезнувшем острове Авалон.

Много рассказов сохранилось также о таинственном острове Св. Брендано.

К западу от Ирландии находился еще остров, о котором сохранилась только отметка на старинной венецианской карте и который одно время назывался остров Бразилия, а несколько позже был переименован в Терчейра. Он исчез незаметно под воду, и о нем, кроме легенд, ничего не сохранилось.

Легенды о короле Артуре сохранили память еще об одном острове – «Львица», – лежавшем где-то возле Корнуолла. На этом острове жил Тристан. Старинные английские хроники подробно описывают этот остров, его обитателей и его трагическую гибель.

Одни острова исчезают, другие пики поднимаются, кажущаяся нам незыблемая почва движется немного менее океанской волны в своей относительности. Казалось бы, к движению этому человечество за свою долгую жизнь должно было уже привыкнуть. Именно этот принцип относительности и движений должен был бы наконец обратить людское внимание и на свою собственную эволюцию. Еще просвещенный Марк Аврелий писал очень мудрое наставление: «Изучай движение светил как принимающий в них участие». Но этот мудрый совет пока что остается совершенно без применения. Если бы человечество в мыслях своих могло бы вознестись до дальних Миров, то какая быстрая и блестящая эволюция была бы уже осилена.

Знаю, вы скажете о всех новейших открытиях, полагая их как венец эволюции. Вы скажете об одиночных блестящих теориях, которые иногда на досуге прочитываются. Наконец, вы скажете о приемах так называемой цивилизованной жизни, которые дают широким массам то, что когда-то принадлежало лишь властителям и верховным жрецам. Правда, наши города, отравляя человеческий организм и создавая искалеченное поколение, уже дают несколько возможностей пользоваться новыми открытиями. Но ведь мы говорим не о канализационной системе цивилизации. Мы говорим не об овощах в жестянках и не о жестяной музыке, мы говорим о том, что движет лучшие решения человечества.

Ведь мы только что пережили ужасную и нелегкую войну. Мы только что заметили, что за десятилетие следствия войны не только не изгладились, но наоборот, они кристаллизовались и выросли в настоящее бездействие. Разрослись в такое почти непоправимое бедствие, что только неожиданные в существе своем меры Культуры могут помочь ему. Сколько раз на школьной и университетской скамье мы слышали старый «*mutatis mutandis*» – перемените то, что надлежит переменить. С тех пор множество совершенно варварских фактов как военного, так и мирного времени нахлынуло, человечество еще раз могло убедиться, как в то самое время, когда честнейшие элементы погибали на полях сражения и в мировых смятениях, подлое приспособление предательски набухало на чужой крови. Какая дьявольская изобретательность была выражена этими темными, чтобы изобрести тысячи мер к наживе, отлично зная, как губительно отзовется грабительство это на подрастающих поколениях. И теперь если вы произведете какой-то совершенно тайный опрос, кто за войну и кто против, то еще совершенно неизвестны будут результаты этого тайного голосования. Конечно, множество женщин подадут голос против войны; конечно, Культурные круги несомненно восстанут против этого бедствия, так же как многие рабочие массы. Но не будем думать, что часто черных записок будет мало. Как многообразно разветвляются корни подлости и какие грустные и забавные доводы будут приведены, чтобы опять вернуться к безответственному времени, когда все позволено и все можно объяснить лицемерным участием в общем деле. Жутко вспомнить о тех преступнейших поставках и гнилого, и вообще несуществовавшего материала. Ужасно для достоинства человеческого оглянуться на подложные документы, преступные отписки и приказы, вследствие которых погибали многие тысячи людей.

«Но ведь это прошло», – скажете. С тех пор мы имели уже такое количество пактов, конференций и финансовых постановлений. Исполнялся план такой-то и такой-то, а в результате усилившееся разорение, разоружались и даже уничтожались ни в чем не повинные корабли, чтобы заменить их еще более вредоносными сооружениями. Даже в магазинах мы позаботились озонировать воздух, в то же время как научные лаборатории изощраются в изобретении новых удушливых газов. Не мирную ли премию мечтает получить по химии ученый, изобретший газ наиболее смертельный? Ведь кто-то и сейчас, в эту самую минуту, мечтает о таком достижении науки, чтобы сразу одной братоубийственной посылкой умертвить целые населенные местности. А может быть, другой просвещенный ученый мечтает о «счастливым» отрав-

лении всех вод, чтобы все живущее погибло. На это мне скажут – это не ученые выдумывают такие убийственные вещи, это техники, инженеры. Нет, милые, без ученых познаний такой убийственной мерзости не выдумаешь. И разве не был ученым открывший луч смерти, но по велению пространственной справедливости отправившийся в преисподнюю вместе с своим злобным изобретением.

А ведь дело могло бы значительно упроститься, если бы ученые, подобно клятве медиков, поклялись не выпускать из лаборатории никакого вредоносного открытия, тем более что многие из этих ужасных газов и лучей, может быть, только одним ингредиентом, могут быть обращены на истинную пользу человечества. «*Mutatis mutandis!*» В дни наибольших глубоких смятений надо спешно переменять то, что подлежит перемене. И прежде всего надо начать переменять то, что во вред, и то, что на пользу. Не прикидывайтесь дурачками, будто вы не знаете то, что есть на пользу. Каждое сердце человеческое в глубине своей отлично знает, где есть польза общая, польза ближним, а вместе с тем и польза самому себе. Ибо в созидании нигде не сказано о саморазрушении. Истинная общая польза есть польза и самому себе, ибо сам-то он будет часть общности.

Заменяя в пользу то, что было во вред, то есть заменяя преступное разрушение созиданием, мы и сделаем то, что нужно для эволюции. Мы сделаем то, что нужно не для эволюции цивилизации, но для эволюции Культуры. Некто в безумии старался измыслить такое акционерное общество, которое бы предприняло на экваторе шахту самой бездонной глубины и, наполнив ее новейшими веществами ужасающей взрывчатой мощи, неслыханным взрывом попыталось бы расколоть планету. План безумный. Но в радикальности своей он, пожалуй, заслуживает большего внимания, нежели изобретение новых смертоносных газов. А тайное покровительство наркотикам, разлагающим целые поколения, умертвляющим целые нации, славные в своем прошлом! Разве же этот бич человечества, куда больший, чем сифилис, рак и чахотка, разве он не должен быть изъят из жизни? И разве каждый из нас не может назвать множество проблем, заслуживающих немедленного изъятия из обихода?

Какие-то лучшие, какие-то просвещенные должны неотложно объединиться для воздействия на тьму невежества, извращение и предательство. Должны объединиться во всех странах эти лучшие, не во имя полицейских мер и вызывающих противодействие запретов, но во имя Света и просвещения, как такового. Очувствовав в сердце своем всю неотложность эволюции Культуры, эта светлая Лига Культуры должна сойтись, отбросив все мелкие условности, и должна действительно во Благо человечества переменить то, что надлежит изменению.

ПРЕКРАСНОЕ

I. Познание прекрасного

Платон заповедал в трактатах о государственности:

«Трудно представить себе лучший метод воспитания, чем тот, который открыт и проверен опытом веков; он может быть выражен в двух положениях: гимнастика для тела и музыка для души». «Ввиду этого воспитание в музыке надо считать самым главным; благодаря ему Ритм и Гармония глубоко внедряются в душу, овладевают ею, наполняют ее красотой и делают человека прекрасномыслящим... Он будет упиваться и восхищаться прекрасным, с радостью воспринимать его, насыщаться им и согласовывать с ним свой быт».

Конечно, слово «музыка», в данном случае, мы не должны понимать в качестве общепринятого теперь музыкального образования в тесном значении. У афинян музыка, как служение всем музам, имела гораздо более глубокое и обширное значение, нежели у нас. Это понятие обнимало не только гармонию тонов, но и всю поэзию, всю область высокого чувства, высокой формы и творчества вообще в лучшем смысле.

Служение музам было настоящим воспитанием вкуса, который во всем познает прекрасное. Вот к этому действительно прекрасному нам и придется опять вернуться, если только идеи высокого строительства не отринуты человечеством.

Гиппиас Майор (красота) диалога Платона не есть облачная отвлеченность, но истине живущее благородное понятие. Прекрасное в себе! Ощутительное и познаваемое. В этой познаваемости заключается вдохновляющее, поощряющее напутствие к изучению и внедрению всех заветов прекрасного. «Философская мораль» Платона одухотворена чувством прекрасного. И разве сам Платон, проданный в рабство ненавистью тирана Дионисия, а затем живущий, восстановленный в садах Академии, не доказал примером своим жизненность прекрасного пути?

Конечно, и гимнастика Платона вовсе не современный нам футбол или кулачное антикультурное разбитие носов. Гимнастика Платона – это тоже врата к Прекрасному, дисциплина гармонии и возвышение тела в сферы одухотворенные.

Мы говорили о введении в школах курса Этики жизни, курса искусства мыслить. Без воспитания общего познания прекрасного, конечно, и два названные курса опять останутся мертвой буквой. Опять в течение всего нескольких лет высокие живые понятия Этики обратятся в мертвенную догму, если не будут напитаны прекрасным.

Многие живые понятия древнего мира приобрели в нашем обиходе вместо, казалось бы, заслуженного расширения, наоборот, умаление и обеднение. Так обширное и высокое служение музам обратилось в узкое понятие игры на одном инструменте. Ведь когда вы слышите сейчас слово музыка, вы себе прежде всего представляете урок музыки, со всеми наслоившимися ограничениями. Когда вы слышите слово Музей, вы понимаете его как складочное место тех или иных редких предметов. И, как всякое складочное место, это понятие вызывает в вас некоторую долю мертвенности. И это ограниченное понятие музея-хранилища, складочного места так глубоко вошло в наше понимание, что когда вы произносите понятие в первоначальном его значении, а именно Музейон, то никто уже не понимает, что вы хотите этим сказать. Между тем каждый эллин вовсе даже не самого высокого образования понял бы, что Музейон есть прежде всего Дом Муз.

Прежде всего Музейон есть Обитель всех родов Прекрасного, и вовсе не в смысле лишь сохранения тех или иных образцов, но в смысле жизненного и творящего применения их. Потому часто вы можете слышать, что люди не могут понять, каким образом Музей, как тако-

вой, может заниматься всеми родами Искусств, может заниматься воспитанием вкуса и распространением чувства Прекрасного, в существе.

В данном случае мы вспомнили Заветы Платона. Так же точно мы могли бы вспомнить и Пифагора с его Законами о Прекрасном, с его незыблемыми основами светлых мировых утверждений. Древние эллины дошли до того утончения, что возглавили свой Пантеон Алтарем Неведомому Богу. В этом возвышении Духа они приблизились к утонченно-несказуемому понятию древних индусов, которые, произнося «Неги, Нети», вовсе не хотели этим сказать какое-либо отрицание; наоборот, говоря «Не То, не То», они лишь указывали несказуемое величие непроизносимого Понятия.

При этом эти великие понятия не были чем-то отвлеченным, чем-то живущим лишь в разуме и рассудке, нет, они жили в самом сердце как нечто живое, живородящее, неотъемлемое и неистребимое. В сердце пылал тот же огонь священный, который слагал огненные Заветы и Синаитских отшельников. Тот же огонь сложил драгоценные облики Св. Терезы, Св. Франциска, Св. Сергия и отцов Добротолюбия, много знавших и в конце концов мало понявших.

Мы говорим о воспитании вкуса как об акте действительно государственного значения. Когда мы говорим о живой Этике, которая должна стать любимым часом каждого ребенка, тогда мы и взываем к современному сердцу, прося его расширяться, хотя бы до размеров Заветов Древности.

Разве можно считать естественным фактом, что понятие, ярко выраженное уже во времена Пифагора и Платона, могло бы так сузиться и потерять истинное значение после всех веков так называемого развития. Пифагор уже в пятом веке символизировал собою целую стройную «жизнь Пифагорейскую». Пифагор утвердил музыку и астрономию как сестер в науке. Пифагор, названный ханжами шарлатаном, – должен ужасаться, видя, как вместо стройного развития разбита и искривлена наша современная жизнь, не знающая прекрасного гимна солнцу – свету.

В наши дни даже в печати иногда сообщаются странные формулы, как, например, недавно сказанная формула о том, что расцвет интеллектуальности является признаком вырождения. Формула очень странная, если только автор не придает слову интеллектуальность какое-то особо суженное понятие. Если, конечно, мы возьмем интеллектуальность лишь как выражение одного условного засушенного рассудка, то, конечно, эта формула справедлива. Но опасно одно, а именно: не считает ли автор интеллектуальность как интеллигентность, которая должна быть связана прежде всего с воспитанием вкуса как действенного в жизни начала.

На наших глазах создано на Западе новое перенятое слово – «Интеллигенция». Сперва на этого новопришельца несколько косились, но затем оно вошло в литературу. Является вопрос, предполагается ли это понятие как выражение интеллекта или же оно по древним Заветам символизирует вообще сознательное воспитание вкуса?

Если оно есть символ сознания и утонченного, и расширенного, то будем приветствовать всякое такое нововведение, которое, может быть, еще раз напомнит нам о древних прекрасных корнях.

В письме о «синтезе» вспоминались различия понятий Культуры и цивилизации. Оба эти понятия достаточно обособлены даже в обычных словарях. Потому не будем возвращаться к этим двум последовательным понятиям, даже если бы кто-то и удовлетворялся одним низшим понятием цивилизации, не мечтая о Культуре.

Но, вспомнив про интеллигенцию, позволительно будет спросить, принадлежит ли это понятие к цивилизации, как к выражению интеллекта, или же оно захватывает и высшую ступень, а именно входит уже в состояние Культуры, в которой действуют уже сердце, дух. Конечно, если бы мы предположили, что слово Интеллигенция должно относиться лишь к стадии рассудка, то его не стоило бы вводить в новый обиход. Можно допустить нововведение

там, где оно действительно вносит что-то новое или, по крайней мере, достаточно обновляет древние Заветы в рамках современности.

Конечно, всякий согласится в том, что интеллигенция, эта аристократия Духа, принадлежит к Культуре, и только в случае такого объединения можно приветствовать это новое литературное понятие.

В таком случае воспитание вкуса, конечно, принадлежит прежде всего интеллигенции, и не только принадлежит, но является ее обязанностью, не выполняя которую интеллигенция не имеет права на существование и сама себя осуждает на одичание.

Воспитание же вкуса не может быть чем-то отвлеченным. Прежде всего это есть действительный подвиг во всех областях жизни, ибо где же может быть граница служению Музам древних эллинов? Если древние понимали во всем действенном объеме это служение и приложения в жизнь этих прекрасных начал, то нам-то разве не будет стыдно, если мы в предрассудках и в ханжестве обрежем все лучезарные крылья огненно сверкающих ангелов.

Когда мы предлагаем Этику как школьный предмет, как предмет наиболее увлекательный, обширный, полный созидающих начал, мы тем самым предполагаем и преобразование вкуса, как защиту от безобразия.

Андромеда говорит: «И я принесла тебе Огонь». И древний эллин вслед за Эврипидом понимает, какой этот Огонь и почему он так драгоценен. Мы же в большинстве случаев будем твердить эти вдохновляющие ведущие слова как фосфорную спичку. Мы наклеили высокое понятие фосфора – носителя Света на спичку и зажигаем ею наш охлаждающий очаг, чтобы сварить похлебку на сегодня. А где же оно завтра, это светлое, чудное Завтра?

Мы забыли о нем. Мы забыли, потому что мы утратили поиски, утратили утонченный вкус, который устремляет нас к улучшению, к мечтам, к сознанию. Мечты для нас сделались снами преходящими, но ведь не умеющий мечтать и не принадлежит к жизни будущей, не принадлежит к роду человеческому с высоким образом.

Даже та простая истина, что мечта о будущем есть первое отличие человека от животного, уже превратилась в труизм. Но сам труизм сделался не общепринятой истиной, как должно было бы быть, но стал синонимом истины, о которой не следует думать. Тем не менее, несмотря ни на что, даже во время самых больших трудностей не отложим мысль о воспитании вкуса, не отложим мысль о предмете живоносной Этики. Не забудем об искусстве мышления и будем помнить о сокровище сердца.

«Некий отшельник оставил свое уединение и вышел с вестью, говоря каждому встречному: «Имеешь сердце». Когда же его спросили, отчего он не говорит о милосердии, о терпении, о преданности, о любви и всех благих основах жизни, он отвечал: «Лишь бы не забыли о сердце, остальное приложится». Действительно, можем ли обратиться к любви, если ей негде пребывать? Или где поместится терпение, если обитель его закрыта? Так, чтобы не терзаться непреложными благами, нужно создать для них сад, который откроется среди осознания сердца. Станем же твердо на основе сердца и поймем, что без сердца мы шелуха погибшая». Так заповедуют Мудрые. Так и примем, и приложим.

Без неустанного познания прекрасного, без неутомимого утончения сердца и сознания мы сделаем и законы земного существования и жестокими, и омертвелыми в человеконенавистничестве. Иначе говоря, будем способствовать самой низменной гибели.

Сказано!

24 мая 1932.

Гималаи

II. Художники жизни

Знаком красоты открываются врата запечатанные. С песней подходят к дикому яку, чтобы он, оставив свирепость, поделился молоком своим. Песнею укрощают коней. Песне змеи внимают. Знаменательно наблюдать, как целительно и возвышающе каждое красоты прикосновение.

Уже много раз приходилось писать о значении так называемых прикладных художеств. Много раз сопоставлялось так называемое высокое искусство с не менее значительным выявлением всех отраслей художественной промышленности. Даже страшно еще раз повторять о том, что пуговица, созданная Бенвенуто Челлини, не только не ниже, но несомненно выше множества посредственных картин и кладбищенской скульптуры. Стары эти сравнения, казалось бы, уже не нужны эти напоминания, но сама жизнь показывает как раз обратное.

Во всех областях жизни по-прежнему остро отделена от общего понятия Искусства сфера «прикладного искусства», остро заклеянного каким-то стыдным понятием «коммерческого искусства». Вместо того чтобы постепенно осознавать единство существа творчества, человечество как бы стремится еще более мелко разграничиться и взаимно унижать друг друга. Казалось бы, совершенно ясно, что стиль жизни создается не только крупнейшими единичными творцами, но и всею массою художников прикладного искусства. Не всегда исключительные творцы создают характер костюмов, не всегда их рука протягивается к афише или к ювелирному изделию. По необъяснимой странности керамическое производство почему-то считается ниже скульптуры из мрамора, хотя очаровательные Танагры дали достаточный пример благородного народного творчества. По-прежнему вы можете услышать скорбное восклицание многих молодых людей: «Не могу существовать искусством, должен идти в коммерческие изделия». Точно этим самым художник обрекает себя на неизбежную гибель, которая будто бы должна сопровождать всякое участие в жизненном искусстве. Какой же материал, какие же такие условия могут отнять у художника его сущность? Какие же такие требования могут заставить сделать что-либо нехудожественно, в любом проявлении жизни? Какой же такой предприниматель может истребить творческий огонь, неудержимо пробивающийся через все материалы? Для каждого предпринимателя, даже самого рудиментарно-нехудожественного, важно, чтобы его изделие было четко, ярко, убедительно и легко входило бы в обиход масс. В конце концов, которое же из этих условий отвратительно? Ведь и Рафаэль, получая свои заказы, тоже был руководим прежде всего условием убедительности. Именно условие убедительности вовсе не противоречит истинной художественности. Гоген из желания самовыражения расписывал двери и внутренность жилища своего на Таити. Врубель выражал свою «Царевну-Лебедь» на блюде. Бесчисленно множество примеров, когда самые разнообразные художники искали выражения в самых неожиданных материалах. Как мы уже говорили, сам материал, само изысканное качество его дает особую убедительность вещи. Зачем повторять те же самые примеры, которые были так многократно твердимы при разных случаях? Не рассуждение, но действия должны укрепить мысль, так нужную для культуры. Если мы приходим к выражению объединенности искусств, то тем самым мы утверждаем и необходимость теснейшего сочетания всех отраслей искусства в разных его материалах. Трудно, да и не к чему указывать последовательность необходимости этих мастерских, идущих рука об руку и с эскизным, и этюдным, натурным классом. Эту последовательность нужно предоставить самой жизни. В каждой стране, в каждом городе, больше того, в каждой части города есть свои особые запечатления жизни. На эти запросы и нужно ответить прежде всего. Около большой фабрики тканей нужно прежде всего дать рисунки и изучение техники этого производства. Около керамической и фаянсовой фабрики нужно помочь сочетать в тесном соседстве всякие жизненные проявления, подсказанные потребностями ближайшими. Между прочим, не нужно упускать из

вида, что само физическое соседство этих мастерских будет несомненно помогать обоюдно, в своих неожиданных комбинациях подсказывая новые увлекательные решения. Открытый, не стесненный предрассудками ум преподавателя и широкая потребность к творчеству среди учеников дадут ту живую вибрацию, которая, не застывая в монотонности, даст мастерским бесконечное жизненное разнообразие и убедительность.

Еще одно благодетельное свойство имеет жизненное разнообразие выявлений. Оно закаляет дух и освобождает от ограниченности, которая так часто образует обитель страха. Но именно от страха должно прежде всего излечиться каждое творчество. В страхе оно не будет свободным, оно ограничит себя всякими цепями и забудет о благородной и победоносной дисциплине духа.

Давно повторено: от страха нужно лечиться! Нужно принимать сознательные меры, чтобы освободиться от всякого страха мелких потемок, низких призраков, при которых упавший с неба, небесным огнем пропылавший камень тускнеет. Потускнел он, закрылся, но ведь он может для всех быть прозрачным и сверкающим, этот Бэтил Света!

Египтяне называли художников, ваятелей – «сеенех», т. е. «оживитель», «воскреситель». В этом наименовании явлено глубокое понятие сущности искусства. Как же безмерно расширяется оно, когда мы перенесем его во все проявления жизни, когда признаем в каждом украшателе обихода «художника жизни». И сам он, этот истинный «оживитель» будней, восхитится силою новою, исполняясь творческим духом в облагораживании каждого предмета обихода. Уйдет из употребления стыдное, уродливое в самом себе понятие «коммерческого» искусства. «Художник жизни», так назовем каждого благородного украшателя. Он должен знать жизнь, он должен чувствовать законы пропорций. Он создатель потребной формы, он ценитель ритма жизненного. Для него число, соотношение не есть знак мертвый, но есть формула Бытия.

Пифагор вычисляет и творит, в ритме воспевает, в ритме молится, ибо в числах, в ритме не только земная, но и небесная музыка – «музыка сфер». Пифагору – математику вторит Св. Августин, богослов: «*Pulchra numero placent*» – «Числом пленяет красота». Этот магнит чисел, пропорций, соотношений и технических созвучий, необходимый каждому украшателю жизни, исключает всякое унижение или раздробление великих творческих понятий.

Не будем страшиться говорить самыми высокими словами о каждом проявлении красоты. Бережное, возвышенное выражение будет щитом всему жизненному искусству, часто загнанному в потемки подвалов. Страна, мыслящая о будущем, пусть бережет от мала до велика всех тех, кому она будет обязана оправданием своим на великом судбище Культуры. Облегчая судьбу этих строителей жизни, страна Культуры исполняет лишь основную заповедь Прекрасного, так красиво выраженную античным поэтом:

«*Os homine sublime dedit coelumque tueri*».

«Чело человеку высокое дал, да горнее узрит».

Высоким заветом утверждает Бхагавад-Гита многообразие творчества. «На каком бы пути ни приблизился ко Мне человек, на том пути и благословляю его».

Гималаи. 1931

III. Музыка сфер

Остановите ли Симфонию Сфер? Прекратите ли громы небесные? Заставите ли умолкнуть водопады и вихри? Велите ли замолчать всем птицам и кличам оленьим?

Умертвите ли все песни людские? Заставите ли замолкнуть все Божественные напевы и созвучия?

Какой ужас водворился бы на земле без Вышнего Звука. Даже нельзя себе представить, что произошло бы с природою, ибо звук и свет нераздельно связаны между собою. Но, по счастью, никто этого губительного варварства и не может сделать, ибо ничьи силы не дотянутся до Симфонии Сфер, которая будет звучать и будет возвышать дух человеческий к новым творениям.

Сколько прекрасных сказаний от самых древнейших времен утверждает значение божественных созвучий. В назидание всем поколениям оставлен миф об Орфее, чаровавшем зверей и все живущее своею дивною игрою. Даже змеи при музыке оставляют свое злобное намерение. Даже дикий як становится мирным и дает людям молоко свое, если они подойдут к нему с песней. Поучительно сообразить, сколько прекрасных подвигов человеческих остались бы несовершенными, если бы они не были сопровождаемы вдохновляющим пением и музыкой. Без трубного гласа не рухнули бы Иерихонские стены.

В конце концов, нет такого дома, нет такой хижины, где бы отсутствовал звук, как возвышающая и успокаивающая гармония. Мы называем книгу другом дома, мы возвышаем глаз наш созерцанием прекрасных линий и красок. Разве мы не должны считать гармонию звука нашим водителем к мирам высшим? Невозможно представить себе никакой храм без созвучия голосов или инструментов. И царь Давид, Псалмопевец, создавал псалмы свои, имея в виду определенное их выполнение, инструментальное или голосовое. Не для молчаливой книжной полки царь-Певец создавал свои зовущие и поучительные псалмы. Именно, не случайно звук так подчеркнут и в Библии, во всех древних Писаниях. Что же так тронет сердце человеческое, что же сделает его сразу и добрее и сострадательнее, вообще шире в объеме восприятия? Расширение сердца как всепонимание и широкая устремленность создают творчество во всех его проявлениях.

Мои милые Друзья! Говорю с вами теми же словами, как и со старшими, ибо сердце ваше так же точно, если еще не больше, открыто ко всему прекрасному. Своею непосредственностью, своею чистою улыбкою радости часто вы приближаетесь и вступаете необыкновенно легко в чертоги Прекрасного. Пусть же всегда, когда вы думаете о прекрасной гармонии, о возвышающей музыке, пусть же всегда забьется сильнее сердце ваше, предчувствуя, что для вас открываются еще одни чудесные Врата, которые укажут вам лучшую улицу вашего жизненного прохождения. Вы, конечно, любите музыку. Не только продолжайте любить ее, но постоянно утончайте это понимание, приближайтесь к ней, лично узнавайте ее больше; она откроет творчество ваше, напитает сердце ваше и сделает доступным то, что без гармонии и звука, может быть, навсегда осталось бы во сне. Смотрите на музыку как на раскрытие сердца вашего, а что же может быть и нужнее, и прекраснее, как не беспредельное в своей мощи и вместимости сердце?

Каждый из нас помнит прекрасную поэму «Бэда Проповедник», когда камни хором грянули ответ на его зовущее слово. Если камни могут согласиться и стройным хором утверждать что-то, то неужели люди будут ниже камней? Будут в состоянии лишь ссориться и противоречиво болтать ненужные вещи? Соединяет людские сердца прекрасная симфония. Люди делаются не только слушателями, в сердце своем они становятся соучастниками прекрасного действия. И этот возвышенный зов ведет их к подвигу, к каким-то лучшим выявлениям жизни.

Пошлю вам, друзья мои, мысли о подвиге, о тех лучших выявлениях в жизни, которые суждены каждому из вас и только по непростительной небрежности могли бы остаться неявленными. Под лучшие звуки, в песне, и в труде, и в радости, спешите к сужденному Свету!

Гималаи. 1931

Пути благословения

I

Как пчелы собираем мы знание и укладываем нашу кладь в причудливые соты. По прошествии года, обремененные вещами, мы пересматриваем наши «сокровища». Но кто успел подсунуть нам столько ненужного? Когда успели мы так затруднить путь свой? Но среди случайного и подлежащего, как печной перегар, уничтожению, всегда высятся веши, драгоценные нашему духу. Это они ведут человечество через все расы, через все круги достижений. Ступени к храму.

«Истинно, истинно! Красота есть Бог! Искусство есть Бог. Знание есть Бог. Вся слава, все великолепие, все величие есть Бог. Истинно, истинно!» – воскликнул индусский Святой, возвращаясь из состояния Самадхи. И придет новый путь красоты и мудрости. Лучшие сердца уже знают, что красота и мудрость не роскошь, не привилегия, но радость, сужденная всему миру на всех ступенях достижения. Лучшие люди уже понимают, что не твердить только они должны о путях красоты и мудрости, но действительно вносить их в свою и общественную повседневную жизнь. Они знают, что европейский костюм не является признаком культурного человека. Они знают, что в наши дни, во дни смертельной борьбы между механической цивилизацией и грядущей культурой духа, особенно трудны пути красоты и знания, особенно тягостны нападения черной пошлости. Но они и не скрывают, что борьба тяжела и за ней уже растут крылья освобожденного Духа. Вы знаете, что лучшие красоты природы создались на месте бывших потрясений земли. Вы знаете восторг перед скалами, пропастями, живописными путями старой лавы. Изумляетесь кристаллам и морщинам каменных цветных наслоений. Бесконечную красоту дают конвульсии космоса.

Подумайте, сколько знамений явлено!

Залила кровью мир война. Засухи, ливни нарушали людское устройство. Ушли озера. Обрушилась вершина Монблана. Явил лик голод. Сколько условностей отживающей расы уже развалилось.

И среди развалин людских условностей уже возникает новая жизнь. И даже самые тупые начинают сознавать, что многое, зримое ими, не случайно. Новый мир идет!

Идет среди изумленных и потрясенных взоров. И в новом мире, в его новых храмах сложится новая жизнь, и в ней искусство и знание поддержат престол любви Божества.

Благословенные ведут нас этими путями. Среди чудовищных умственных нагромождений изжитой ветоши видны уже признаки синтеза.

Узнавая будущее значение красоты и мудрости, люди поймут и пути их возникновения.

Сейчас надо мыслить об искусстве. Надо ощутить и утвердить высший проводник Духа Утешителя. Смотрите, в конце прошлого столетия истерлись старые стили. Жизнь наполнилась мертвенными подделками. Творения красоты стояли одиноко.

Обстановка жилищ, вещи обихода, средний уровень картин и ваяния дошел до предела фальшивого безразличия, и тогда немедленно появилась реакция. Но насколько отвратительна была подделка, настолько уже оскорбительна была реакция.

Возненавидели старых. И ненависть породила злобную беспомощность. Брызгая ядовитой слюной разложения, бросились создавать новые теории.

Точно неумелые дрогисты, они распределили искры Божества по склянкам и наклеили этикетки. Итак, на смену спесивому безразличию жизнь наполнилась всякими post' и ex' ами. И снова раздробленность дошла до предела. И снова стражи истинного искусства, как Роден, Пюви, Ван-Гог, Гоген, Сезанн, остались одинокими, а вокруг них шла суматоха распятия кра-

соты. Какой сюжет для старого Брейгеля или Босха. То они были поработаны сюжетом, то они искали лишь форму, то они искали лишь краски. Они самовольно и глупо разделили искусство на высшее, декоративное, прикладное, коммерческое. Они извратили понятие реальности. Они разрубили единое дерево. Они изогнули все, за что могли схватиться судорожные их руки. «Бедные они», – как сказал о них один большой художник

Они забыли то, что звучит в каждом атоме звездного неба, перед чем их слепые теории кажутся жалкими заплатами. Они забыли о гармонии. Они не хотели знать, что близится время гармонизации центров. Они забыли, что таинственная прелесть искусства, его убедительность – кроются в путях его возникновения. Откуда придет, на том языке и говорить будет. В таинственных обобщающих путях искусства есть тот международный язык, который свяжет все человечество.

Это не общее место. Не трюизм. Это надо подчеркнуть и выявить всеми силами духа, ибо люди забыли совершенно простой путь света и творчества.

Язык людской, яркий и мощный в осуждении, стал дряблым и бледным при хвале и утверждении.

Но не примите сказанное за отрицание. Мы отрицаний не терпим. Ведь все «новаторы» пытались сломить пошлость. И тем даже неудачная попытка должна быть оправдана. Все борцы против пошлости – в одном стане. Конечно, чем шире форма – тем вместительнее она. Не обойти великий закон вмещения.

И руководители жизни творят неусыпно. И можно радоваться ужасающим пределам нашего хаоса. Так из-под пены бури снова возносится омытый, сверкающий утес; уже близится творчество созидания и обобщения. И мы знаем не предсказания. Мы уже видим светлые признаки. Одинокие люди, разделенные горами и океанами, начинают мыслить о соединении элементов, о творческой гармонии. И мысли единства пролетают над миром. Молодежь уже пишет на своем трудовом щите:

«Cor Ardens» recognizes art as the universal medium of expression and evidence of life. It realises the phenomenon that ideals in art manifest themselves simultaneously in all parts of the world and therefore acknowledges the creative impulse irrespective of heritage. Art should be created with honest mind and from genuine necessity. Cor Ardens is a concrete move to bring together, at least in spirit sympathetic isolated individuals.

We must walk the rising road of grandeur enthusiasm and achievement with all the power of our spirit»⁶⁰.

Разве в этих словах не звучит победа духа? Разве хаос не открыл врата единения? Разве разъединенные физически души не начинают понимать друг друга на языке высшего благоговения?

Друзья невидимые! Знаю вас. Знаю, как нечеловечески трудно вам превозмочь все условности жизни и не погасить ваш светоч. Знаю, как болезненно для вас идти под презрением тех, кто построил свою жизнь на темных понятиях денег. Знаю вас – одинокие – перед огнем, который кажется вам одиноким. Мои молодые друзья! Всегда молодые. Разве не видите, что около того же вашего огня сидят многие? И не одиноки сидящие у одного огня. И если рука ваша еще не ощутила пожатия, то дух ваш уже принял поцелуй брата.

Какие гигантские массы сдвинуты братскими усилиями. И каждое напряжение в направлении красоты и знания сияет сознанием, что единый луч духа ведет нас – тот луч, перед которым вспыхивает экстаз духа, а тело трепещет в предчувствии.

---

⁶⁰ «Кор Арденс» признает искусство универсальным средством передачи впечатлений и свидетельств жизни. Это объясняет тот феномен, что идеалы в искусстве проявляются синхронно во всех частях мира, и, следовательно, творческий импульс независим от наследия. Искусство должно создаваться с чистым сердцем и как подлинная необходимость. «Кор Арденс» – это конкретный шаг для того, чтобы объединить, хотя бы духовно, отдельных чутких индивидов, изолированных друг от друга. Мы должны идти по пути великого энтузиазма и достижений со всей силой нашего духа. – *Прим. ред.*

Не дрожи, не бейся так, бедное сердце! Еще раз, опять после долгого срока, ты научишься владеть мощью, которая так близка. Купель Красоты!

Велико значение искусства для будущей жизни! Новый мир идет!

«Оставьте все предрассудки – мыслите свободно», – так Благословенный сказал.

II

Я знаю тебя, гомункулус. Это ты подсунил нам в дороге столько ненужных вещей. Это ты советовал нам не доверять всему молодому и «неопытному». Это ты подставил внешние факты вместо фактов духа и сущности. Это ты позолотил рамы на картинах. Ты проник в советы и лиги и прикрыл стремление к совершенству обязанностью могильщиков. Ты очень трудишься. И в твоей незримой империи растет славное человеконенавистничество.

Но как бы мал ты ни был, уже рассмотрели тебя. И узнали твои привычки. Ты боишься талисмана любви. И любовь подсекает твои создания. Любовь творческого совершенства. Ты мечтаешь засыпать ее старыми вещами. Ты думаешь, что пламя любви потухнет? Но ты забыл таинственное качество пламени. Оно зажжет любое количество светочей и не уменьшится.

Где же тебе бороться! И если бы ты даже проник во все лиги наций, то ведь за нациями стоит человечество. И здесь трудолюбивый гомункулус не достигнет успеха. Ибо человечество все-таки, хотя и медленно, идет к гармонии.

Не кажется ли вам странным, друзья, что даже в наши дни, в дни наибольшей суматохи и страха, все-таки могут быть действительно выявляемы такие еще далекие понятия, как любовь, благо, совершенство, то есть все спутники гармонии? Гармонию часто не понимают. Смешивают с унисоном. Не понимают. Так же, как не понимали Нирвану. Но гармония не есть отвлеченное песнопение. Гармония, гармонизация центров есть выявление деятельности во всей ее мощи, во всей ее ясности и убедительности. Познавая, чего мы хотим, мы слагаем все наши центры в одно напряжение и даже преодолеваем все установления рока. Но дух-то наш знает лучше всего, где правда. И каждый наш поступок оценен духом воистину.

И вот этот дух также знает, что любовь и совершенство будут применены в жизни, в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность желаний будут соответствовать неизмеримости величия Космоса – то это путь истинный.

И этот Космос, не тот недосягаемый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры – звезды на всех неисчисленных планах.

Простота – неперемное качество гармонии. Творчество будущего будет осенено простотой. Конечно, вы не смешаете простоту с примитивизмом, с нарочитостью.

Здесь разница так же велика, как между искусством и штампом. И часто в золотых рамах висит коммерческий штамп, а в плакате под вихрем и снегом треплется истинное искусство.

Но дух-то, хотя бы в молчании, знает, где штамп, где пошлость и где радость и творчество.

Молчаливо спрашивайте дух ваш, внося каждый предмет в дом ваш. Произнося заклинания против гомункулуса, обдумайте, зачем и как пришли вы к мысли приобщить к вашему очагу нового гостя.

Ведь эти молчаливые гости могут быть истинными друзьями, но могут стать и врагами вашего дома.

В осознании предметов лежит гармония их. И опять дух ваш знает врага и друга.

Знаем непреложные исцеления музыкой и красками. Вспомним мощь пения. Вспомним высокие подъемы в храмах, в музеях. Дом Божий! Дом Великой Тайны! И таинство Духа имеет подножием лишь красоту.

Конечно, вы любите искусство. И вы хотите о многом расспросить меня. Вы хотите знать, что лучше для гармонии дома: картины или стенопись. Лучше ли закрепить обстановку в непо-

движности. Или жизненнее – идея Китая и Японии, где каждый день на стене комнаты помещается одна картина?

Наверно, вы хотите спросить, правильна ли идея наших современных выставок, где за обликом храма искусства притаился ларек торговца?

Учитель изгонял торгашей из храма. Учитель знал, конечно, что в нашей жизни без торгашей еще нельзя. Но Он их изгонял именно из храма.

Так и в деле искусства. Конечно, торговля должна остаться. Но она должна быть вынесена из храма. Пусть будет честный праздник; пусть будет честная лавка. Но лавка во храме и личина храма в лавке вносят внутренний разврат среди творящих и цинизм среди посещающих. Благоуханье храма скует жест даже отъявленного циника, и гомункулусу приходится бежать.

Правда, гомункулус, вам все-таки придется уйти из жизни. Бессчетные молодые сердца просят вас уйти.

Очистив принцип обмена искусства, возможно ввести его в дом. Внести как бы свечу, зажженную во храме. И мысль стенописи, и ценная смена впечатлений Востока – все найдет свое место. Ибо правда бесконечна. И каждый отдельный случай утверждения искусства устанавливается сознанием духа. Кондуктор думает, что люди лишь ездят. В представлении сапожника люди лишь ходят. В представлении современного человека люди только терзаются. В знании Благословенного люди должны радоваться.

Правда, именно сейчас радость об искусстве звучит странно. Много говорят об искусстве и так мало вносят искусство в свою жизнь. И всегда находят превосходные отговорки и оправдания. Всегда виноваты самые убедительные обстоятельства. Все виновато, но лишь не виноват «цивилизованный человек», ходящий смотреть на бой быков или на уличную драку, обставленную правилами «бокса».

Здесь открыты и сердца, и кошельки.

Но расспросите этих людей, много ли они сделали для искусства? И много ли они внесли искусства в свою жизнь? Они будут удивлены, и окажется, что пещерный человек каменного века имеет все преимущества перед этими завоевателями земли. В наши дни и об этом приходится говорить. Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые правительства пытаются обложить свободное искусство особыми налогами. И тем еще больше затруднить тернистый путь красоты. Здесь опять работа гомункулуса!

И в то же время лишь около десятой части населения вносит искусство в свою жизнь и что-то знает об искусстве. Двадцать процентов только говорят об искусстве и не применяют его. А семьдесят процентов вообще не знают или, лучше, не помнят уже, что такое искусство...

Но лучше, хотя бы механически, твердить: «благо, благо, благо», нежели, хотя бы с усмешкой, повторять: «зло, зло, зло». Этот относительный принцип уже усвоен многими. Так вот этим путем будем хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства?

Пусть и политики, и конгрессисты, и многие клерки и банкиры, и «деловые люди», и все гордые своей часто сизифовой работой, пусть тоже усвоят себе эту нетрудную привычку. Там, где нельзя идти путем радости сознания, там пусть протянется мостовая указанной дороги. Но усилия нужны. Иначе наши дни грозят особым бедствием для достижений искусства. Искусство должно цвести, и музыка духовного призыва должна звучать вне состояния биржи и вне заседаний Лиги Наций. И еще одно тоже «необщее место». Со стыдом вспомним о том, о чем поистине необходимо вспомнить, и признаемся. В воспитании ребенка все еще забыто развитие творчества. Сперва стараются внушить ребенку массу условных понятий. Сперва ему преподают полный курс страха. Затем ребенка ознакомят со всеми домашними ссорами. Потом ему покажут фильмы, где зло так изобретательно и блестяще, а добро так бездарно и тускло. Потом покажут детям все пошлые заголовки ежедневной прессы. Потом ребенка окунут в так

называемый спорт, чтобы молодая голова привыкла ощущать удары по лицу и привыкла думать об ударах физических и о разбитых членах. Итак, сперва займут все время юноши, дадут ему наиболее пошлые и извращенные формулы. А потом он, засоренный и заржавленный, может начинать творить.

Это одно из самых глубоких преступлений.

К любой машине люди бережливее относятся, нежели к ребенку. Еще бы, за машину заплачены «всесильные» деньги. Ее нельзя запылить или залить грязью. А за детей деньги не платят. Но если машина портится от пыли и грязи, то как же разрушительно действует грязь духовная на нежный молодой аппарат. В смертельной тоске ищет света маленькая голова. Смертельно болезненно чувствует всю оскорбительность. Болеет, затихает и часто поникает навеки. И творческий аппарат замирает, и отпадают все провода. Мы часто восхищаемся неожиданностью детского рисунка или мелодией детской песни, или мудростью суждения детского. Там, где еще открыто, – там всегда прекрасно бывает. Но потом мы замечаем, как ребенок перестает петь, перестает рисовать, и суждения его уже напоминают так называемые нарочно для детей сделанные книги. Значит, зараза пошлости уже проникла, и все симптомы этой ужасной болезни уже появились. Появилась скука, появилась условная улыбка, появилось преклонение перед противным, наконец, появился страх одиночества. Значит, что-то близкое, руководящее, всегда присущее – отошло, отодвинулось.

Не изгоняйте детей из храма. Ведь самые трудные вещи всегда так просты.

Откройте в школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние – радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет ребенка. Уберегите от гримасы жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений.

Бичи человечества – пошлость, одиночество и тягость жизнью минуют молодую душу творящего.

Откройте пути благословения.

III

Как же вносить искусство в жизнь? Где же эти благословенные пути? Может быть, они недоступно трудны? Или требуют неисчислимых средств? Или только гиганты духа дерзают на эти пути?

Все уверения будут неубедительны. На эти сомнения можно ответить лишь страницей подлинной жизни.

Расскажу вам, друзья, о тех собирателях, которые сохраняли цветы искусства не для роста капитала, не для имени своего, а именно из любви, выросшей свободным сознанием.

Возьму четыре портрета моих друзей. Все они уже ушли от нас. Из них только один был богат средствами, а трое были богаты лишь своим светлым духом.

Богатый собиратель был московский коммерсант Третьяков. Ничто в семье не располагало его к искусству. Старый купеческий род скорее подозрительно смотрел на непонятное ему влечение. Но неожиданно молодого Третьякова потянуло к новому пути. И ошупью, руководясь личным чутьем, он начал собирать картины русской школы. Шел он одиноко, лишь иногда выслушивал совет знакомого художника. И не случайно начала складываться теперь знаменитая Третьяковская галерея в Москве. Подлинным чутьем любителя Третьяков понял, что правительство обычно пополняет свои музеи чаще всего официальными произведениями, минуя лучшие вещи художников. И этот казенный лик музея не может отразить течение школы нации. Так было всегда. Так, боюсь, еще будет.

Искусство всегда цело личным, горячим порывом. Он поймет, и найдет, и сохранит, и даст всему народу. И вот купец Третьяков понял государственную задачу искусства. И нашел

свежие художественные силы и облегчил путь их. И окружив чистым восторгом, сохранил их творения. Но свою радость он сделал народной радостью, и при жизни еще отдал городу Москве все свое замечательное собрание. И немалую задачу он себе поставил. Не просто собрал воедино массу ценных творений, а отразил в своем собрании всю русскую школу. Все новое, яркое, значительное было усмотрено Третьяковым. Этот молчаливый седой человек в большой шубе неумоимо посещал все выставки, и ничто не останавливало его, если он считал произведение значительным. К начинающему молодому художнику он поднимался по крутой лестнице в студию. Он был первым – при окончании картины. Он был первым – при открытии выставки. И за то он первый имел лучшие, характерные вещи.

Случилось так, что награда высших художественных учреждений считалась ничем сравнительно с приобретением Третьякова. И судьба начинающего работника решалась не Академией, но именно этим молчаливым искренним человеком. Когда не хватило стен дома, Третьяков построил еще здание рядом. Если это было нужно, то оно должно было быть сделано. И искусство не должно было терпеть ущерба.

Конечно, кто-то может сказать, что с большими средствами Третьякова было возможно собирательство в таком огромном масштабе. Он мог избирать лучшее и мог получить столько, чтобы представить у себя всю русскую школу. Правда, средства дали этот масштаб, но качество собирания, любовь к делу и живое творчество в самом выборе вещей и людей – все это шло не от количества средств, а от бездонного богатства духа.

Так один человек, сильный духом, сделал бесконечно важное государственное дело. И теперь, если бы правительство пожелало повторить Третьяковскую галерею, оно было бы бессильно, ибо порыв духа создал неповторяемую комбинацию красоты.

Это – пример идейного созидания в пределах государственных. Теперь другой духовный лик. Та же сила духовного устремления при всей полноте борьбы со средствами.

Известный поэт, и культурный деятель, и гофмейстер двора императора граф Голенищев-Кутузов. В этом случае традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству. Были большие исторические познания; был особый глубокий поэтический дар.

Собрание состояло из картин старинных голландской, нидерландской и итальянской школы. Основное отличие собрания – не погоня за условным именем, но правда выявления чудных творений. Собиратель понимал, что имена Рембрандта, Рубенса, Вана Дейка являются именами чисто собирательными (коллективными). Что только низший тип коллекционера гонится в темноте за пустым для него звуком. Но лучшее знание искусства открывает нам бесчисленное количество художников, поглощенных так называемыми крупными именами. И задача культурного собирателя разобраться в этих забытых именах во имя правды. Если на признанной отличной картине Рембрандта найдется подпись Карела Фабрициуса, его ученика, – разве превосходная картина станет от этого хуже? Или мог ли Ван Дейк писать две тысячи портретов в год? Конечно нет, но у него было до двухсот учеников. Я знаю, как огорчен был бы граф, узнав, что одна из его любимых картин, принадлежащая неизвестному нидерландцу *Naselaer*’у, висит сейчас в Metropolitan Museum в Нью-Йорке под именем Иоахима Патинира.

Во имя правды граф Голенищев-Кутузов раскрывал истинные имена и насколько мог исправлял грехи своекорыстной человеческой истории. И какой любовью, интимностью дышало его изысканное собрание. При этом каждая картина была добыта с трудом, с лишением. Каждый новый член собрания возбуждал неодобрение многих родственников, жалевших трату денег. А средства были так скудны. Небольшого придворного жалованья не хватало на жизнь. И уходил отсюда этот собиратель, окруженный своими истинными друзьями – картинами. И завещал, чтобы его собрание разошлось и дало новую радость новым ищущим душам.

У всех вещей есть своя аура. Чуткий дух подбирает в окружающих предметах близкую ауру. Каким хорошим светом светилось собрание Голенищева-Кутузова.

Этот тип утонченного собирателя, который, работая и радуясь новой красоте и правде, посылает ее вновь служить облагораживанию духа человеческого.

Теперь тип молодого собирателя. Собиратель по инстинкту еще со школьной скамьи. У мальчика, вместо свойственных возрасту радостей, растет стремление к художественным произведениям. Он с малых лет, не имея личных художественных способностей, отличается образованием и развитым вкусом. Его привлекает все прекрасное. Дух его стремится восходить. Он, наверно, когда-то был художником.

Какая радость была проводить время с молодым Слепцовым. Еще со скамьи Лицея он начал собирать картины. Не хаотичная, не случайная покупка это была. Он знал, что делать. И все деньги, данные юноше матерью на удовольствия, шли на благородное влечение. И если иногда был недостаток в деньгах, то энтузиазм общей задачи никогда не страдал от этого.

А общая задача была красива. Юноша полюбил определенных, очень тонко избранных художников и решил каждого из них представить во всех периодах деятельности. Сохранить и передать потомству полный лик творческой человеческой жизни. В будущем юноше грезилось: каждому художнику будет предоставлена отдельная комната и вся обстановка комнаты будет отвечать характеру данного творчества. И мебель, и обработка стен, потолка, характер освещения и покрытия пола. Из этого можете заключить, какая тонкость восприятия была заложена в молодом духе и какая проникновенная любовь и забота окружала каждого представленного художника. В этих особых комнатах иногда должно было раздаваться избранное пение и музыка. Или должны были быть читаемы соответственные произведения. Словом, должна была быть осуществлена мечта о единстве искусства, о гармонии.

Радостно было слушать, как избиралось новое произведение для собрания. Какие тонкие и правдивые соображения высказывались, чтобы выделить и найти новую достойную черту в творчестве художника. И вы видели в употреблении искусства не прихоть, но реальную культурную потребность. И эта тонкость культуры заражала окружающих. И мысль, и разговор очищались светлым восхождением духа.

Слепцов мечтал передать свое собрание народу. Не заботясь об имени своем. Но слишком рано ушел он от нас. И ушел он необыкновенно. Он уехал верхом и не вернулся. Перешел неожиданно, среди природы, прислушиваясь к гармонии Космоса. Завидный переход – переход к новой прекрасной работе. Это тип чуткой души с заложенными ощущениями будущей гармонии и единства.

Теперь еще один трогательный тип собирателя.

Очень бедный армейский офицер, служащий в отдаленной провинции, рвется всей душой к искусству. Лишая себя во многом, полковник Крачковский, всегда деятельный, горящий энтузиазмом, всегда приветливый, стремится собрать коллекцию образцов русской живописи. Конечно, он не может собрать крупных вещей. Он собирает небольшими размерами картины, эскизы, этюды, рисунки. Но по внутренней ценности его собрание становится очень значительным. Он стремится к лучшим художникам: он понимает, что часто эскиз ценнее самой картины. Он стремится выявить лик художника в чертах наиболее типичных. Это не покупатель дешевых картин – это истинный собиратель. При этом сам он часто нуждается в десяти рублях и для него величайший вопрос заплатить десятью рублями больше или меньше. И он просит художника отдать вещь и настойчиво убеждает уступить.

И слово его действовало, и ему отдавали эскизы. И он радовался светлой радостью ребенка, и писал восторженные письма о новом сокровище. Как любил он искусство и каким высоким значением окружал он понятие истинного творчества. В завещании он оставил все свое собрание в общественное пользование. Но мало того, он завещал продать все его скромное имущество, все его обиходные вещи и на вырученную сумму приобрести еще художественных предметов и приобщить их к собранию.

Это тип внешне незаметного, но глубоко значительного работника в пользу будущей культуры. Его пример останавливал внимание многих. И если бы вы читали его письма, писанные с поля сражений! Полковник Крачковский ушел от нас во время последней войны <Речь идет о Первой мировой войне. (Прим. ред.)>. Чистая душа!

Я мог бы показать еще много ликов, полных благородных исканий в разных областях искусства. Но и эти четыре лика уже устанавливают уровень культурных стремлений, так нужный человечеству.

Так бывает не в мечтаниях, но в жизни. Бывает искренне и действенно.

И улыбка радости сопровождает такие светлые задачи. До чего близки искания искусства достижениям духа.

Пора понять и запомнить и применить к жизни эти чудесные проводники.

И когда искусство войдет действенно и неудержимо, и просто во все духовные, общественные проявления, тогда оно будет внесено и во всю современную жизнь.

И по этим каналам приблизятся ко всякому человеческому сердцу истинные пути благословения.

IV

«Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть».

Друзья, любите ли вы врагов ваших?

Умейте «гордиться» не только друзьями, но и врагами. Напрасно вы не любите врагов ваших. Вы должны их любить. Они такие старательные существа. Они так трудятся для вас. Они знают о вас больше, чем вы сами знаете. В старательстве своем они вам приписывают такие тонкие выдумки. В их представлении вы делаетесь и всемогущим и вездесущим. И часто враги помогают вам – вашим лучшим идеям. И удары врагов так часто дают новых, невидимых друзей ваших. Окончив свои «дела», осмелевшие враги сядут в советы и митинги и будут без вас решать о вас. Но творчество жизни обернет все их решения. Как Мими у Вагнера, милые враги не будут знать, что именно они говорят. Потом они придут с разъяснениями, но все-таки врагами останутся. Пока не почувствуют удара искры – стрелы. Тогда, обедневшие, они делаются и осторожными и зрячими. И бывает все, как должно быть... Враги часто сердятся. А кто гневается, тот уже бессилён и неопасен. Истошив крик свой, они стараются замолчать вас, но как приятна работа в молчании. И криком и молчанием они полезны вам. Ах, милые враги, если бы вы иногда посмотрели, какой малюсенький человечек натравливает вас. Даже самые грубые сердца были бы сконфужены таким руководителем и союзником. Я уже не говорю обо всем том, когда явные враги заставили вас осмотреться, проверить ваше знание и двинуться с новым упорством.

Да будут благословенны враги!

Но почему вы занимаетесь врагами? Разве мало вам всех друзей ваших? – спрашиваете вы. Конечно, я говорю не для себя и, может быть, не для вас. Но говорю я для младшего поколения. Оно часто не знает, как поступить с первыми врагами и вместо простого перехода через реку – нагромождает утесы, теряя драгоценное творческое время. А ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован. Обрадован не деньгами, но радостью познания новых далей. Ведь если б весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все иерихонские стены тьмы пали бы немедленно. Но до радости мира еще далеко. Часто мы так твердо заучили что-нибудь, что если бы это было вовсе не так на самом деле, мы все равно будем настаивать на своем; вместо третьего глаза отказываемся от двух обычных.

Попробуйте на лесной дороге, опередив спутника, незаметно скрыться в чащу и пропустить его вперед. Потом вы можете окликать его сзади, а он будет ускорять ход и будет слышать зов впереди. Ибо мозг его знает, что вы должны быть впереди.

Отчего люди не видят синюю лошадь или зеленое лицо? Потому что вопреки очевидности их связанный мозг знает то, чего нет на самом деле.

Сколько споров о жизни, о религии, о знании, о красоте породили связанные мозги. Связанные оковами школ-тюрем. Вот и ваши враги так многое знают непреложно, что они даже помогут будущей культуре. Помогут для себя неожиданно. Они ведь решили задавить вас своими «великолепными» материальными достижениями и вещами. Они водрузили стандарт свой оконченной жизни, оконченной расы. В гордости сознания законченности они обрезали все «ненужные» провода. Что значит «бедный дух» перед мощью складов, набитых хотя бы гнилой мануфактурой?

Враги уже готовы торжествовать и петь гимны своего отрицания. Но происходит «глупая» вещь. Кто-то не хочет взять их товары. Время портит их заготовки. А по видимости, они не могут даже рядом лежать с изделиями древних эпох. И из-за груды хлама победоносно и неоспоримо покажутся лишь творения Духа. Взглянем на музеи нашей планеты хотя бы через одну тысячу лет. Что именно найдут потомки от наших дней – они, которые уже будут давно знать и атомическую энергию и мощь гармонии? Книги, газеты, бумаги, ткани стали уже пылью. Цемент и железо уже давно превратились в труху. Все краски стали желтыми и серыми. Многие изваяния развалились. Остатки кладбищ стали местами убожества. И рядом с этим печальным ликом еще останутся монолиты древних эпох, уже не однажды знающие, что такое тысячелетие.

Много изделий врагов ваших унесет время. Правда, в битве очищения погибнут и некоторые друзья. Но те, которые поймут, что есть гармония, те сохранятся. Ибо они знают, что гармония заключается в соответствии всех частей и всех материалов. Кто знает, для чего творит он и что выражает, тот создает и соответствие материалов. Он поймет, как охранить книги – скрижали знания. Он поймет, что нелепо ставить цементное изваяние или писать картину заведомо плохими красками на гнилом холсте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.